ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Выпуск 4, 2019

EASTERN ANALYTICS
Issue 4, 2019

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Issue 4, 2019

Moscow
2019

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 4, 2019

Москва
2019

К 200-летию
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор выпуска — А. В. Акимов

Редактор статей на русском языке — Е. Ф. Щепилова

Электронная версия в полном объеме доступна по адресу:
http://ivran.ru/vostochnaya-analitika

ISBN 978-5-89282-924-3 ISSN 2227-5568

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

CONTENTS

*Бойцов В. В.**

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И КРУПНЫЕ РЕГИОНЫ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН: ДИНАМИКА, СТРУКТУРА И ФАКТОРЫ РОСТА

Valery V. Boitsov**

SOUTH-EAST ASIA AND THE MAIN REGIONS OF THE DEVELOPED COUNTRIES : DYNAMIC, STRUCTURE AND THE FACTORS OF GROWTH

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу основных параметров экономического роста региона Юго-Восточной Азии (ЮВА) и других крупных регионов развивающихся стран (КРРС) – Восточной, Южной и Западной Азии, а также Африки и Латинской Америки и оценке вклада в этот процесс его важнейших факторов – затрат труда, реальных капиталовложений и совокупной производительности. Автор показывает, что ЮВА в хозяйственном отношении представляет собой вслед за Восточной Азией наиболее динамичный и успешный КРРС. Согласно его оценке, определяющими факторами экономического роста в ЮВА, также как и в других КРРС несмотря на тенденцию к их ослаблению, продолжают служить экстенсивные составляющие. Вместе с тем, как свидетельствуют факты, этот процесс в регионе ЮВА заметно отличается от аналогичных процессов в других КРРС. Для ЮВА характерно более медленное, по сравнению с ними, снижение совокупного вклада экстенсивных факторов и в первую очередь затрат труда в рост общественного производства при одновременном повышении в нем роли реальных капиталовложений, заметная часть которых (в отдельные годы до одной четверти всех инвестиций в основной капитал) имеют зарубежное происхождение.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия (ЮВА), крупные регионы развивающихся стран (КРРС), темпы экономического роста, сдвиги в структуре производства и внешней торговли, интенсивные и экстенсивные факторы роста, реальные капиталовложения, затраты труда. совокупная производительность.

Abstract: The article provides a comparative analysis of the key economic growth elements in Southeast Asia (SEA) and the other large regions of developing countries (LRDC) – East, South and West Asia, as well as Africa and Latin America. The article also includes an assessment of how this growth is affected by such critical factors as labor costs, real investment and aggregate productivity. The author illustrates how SEA is the fastest growing and most economically successful LRDC after East Asia. His assessment shows that despite a downward trend, the key factors driving economic growth in SEA, as in the other LRDC, continue to play an extensive role. However, as evidenced by the facts, this process in SEA differs greatly from that in other LRDC. SEA displays a characteristically slower decline in the total contribution of extensive factors compared to other LRDC,

* *Бойцов Валерий Васильевич* – к.и.н., доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

** *Valery V. Boitsov* – PhD (of history), Associate Professor, Department of Economics and Economic geography of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: v.boitsov@mail.ru.

primarily referring to labor costs in the growth of public production against a simultaneous increase in the role of real investments, a significant portion of which (up to a quarter of all investments in fixed assets in a number of years) is of foreign origin.
Keywords: Southeast Asia (SEA), large regions of developing countries (LRDC), economic growth rate, shifts in the structure of production and foreign trade, intensive and extensive factors of economic growth, real capital, labor costs, aggregate productivity.

Юго-Восточная Азия (ЮВА) относится к числу наиболее динамичных крупных регионов развивающихся стран (КРРС). Так, среднегодовые темпы прироста ВВП с 1970 по 2016 гг. в ценах 2010 г. составили там 5,6% и превзошли соответствующие индикаторы большинства других КРРС – Латинской Америки (3,2%), Африки (3,5%), Западной Азии (4,2%), а также Южной Азии (4,6%) и оказались ниже, чем лишь в одном регионе – Восточной Азии (8,3%). Следствием высоких темпов роста экономики стран ЮВА стало значительное увеличение объема их ВВП и укрепление позиций этого региона в мировом хозяйстве. Если в 1970 г. по вкладу в мировое хозяйство ЮВА (1,1%) уступала всем КРРС, то в 2016 г. по этому показателю (3,4%) она превзошла Африку (2,8%) и Западную Азию (3,3%), но все еще отставала от Южной Азии (4,4%), Латинской Америки (6,8%) и в особенности от Восточной Азии (17,9%). Несмотря на опережающие, по сравнению с большинством КРРС, темпы роста производства в расчете на душу населения, их объем в ЮВА (в 2016 г. 3987 долл. США) по-прежнему уступает достигнутому в Восточной Азии (8951 долл.), в Латинской Америке (8100 долл.) и в особенности в Западной Азии (10634 долл.), превышая соответствующие показатели только в Африке (1752 долл.) и в Южной Азии (1797 долл.)[1].

Более благоприятной для ЮВА представляется, на первый взгляд, динамика ее общественного производства, в том числе на душу населения, в пересчете по паритетам покупательной способности валют (ППС). Так доля этого региона мировом производстве товаров и услуг по ППС достигла в том же 2016 г. более высокого показателя, чем в расчетах по валютному курсу – 6,3%. Однако и в этом случае индикатор вклада ЮВА в мировое хозяйство продолжает уступать соответствующему показателю не только для Восточной Азии (23,5%), но и для Латинской Америки (6,7%) и Южной Азии (8,9%). Также и ВВП, рассчитанный на душу населения по ППС, составил в ЮВА в 2016 г. значительно большую сумму, чем в пересчете по валютному курсу (12246 долл.) Однако и здесь он продолжает заметно уступать аналогичным показателям не только для всего мирового хозяйства (16234 долл.), но и для таких КРРС, как например, Латинская Америка (14396 долл.), Восточная Азия и Тихоокеанский регион (13845 долл.), а также Средний Восток и Северная Африка (13092 долл.)[2].

Высокие темпы экономического роста в ЮВА сопровождались и одновременно стимулировались перестройкой отраслевой структуры ее хозяйства. Если в 1970 г. отраслевая структура этого региона, так же как и других КРРС, кроме Латинской Америки, носила ярко выраженный аграрный характер,

то к 2016 г. вклад аграрного сектора в ВВП в ЮВА уменьшился в 2,9 раза. Аналогичные процессы происходили и в других КРРС. В некоторых из них они развивались еще более быстрыми темпами, как в Западной и в Восточной Азии, где вклад аграрного сектора в ВВП сократился соответственно в 5,4 раза и в 4,2 раза. В других – относительно сопоставимыми, как в Южной Азии (в 2,2 раза) и в Южной Америке (в 2,0 раза). И, в третьих заметно более медленными, как в Африке, где он снизился в 1,3 раза. С уменьшением роли аграрного сектора в общественном производстве КРРС возросло значение индустриальных отраслей в их хозяйстве. Вклад этих отраслей в ВВП в ЮВА (36,2%) вследствие различий в стартовых позициях и темпах динамики превзошел в 2016 г. его уровень, сложившийся в большинстве других КРРС (в Южной Америке – 27,6%, в Африке – 27,9% и в Южной Азии – 29,0%) и в то же время уступил достигнутому в Восточной Азии – 38,9% и в Западной Азии – 39,0%. И, наконец, несмотря на наметившуюся в конце XX – начале XXI вв. в ЮВА тенденцию к постепенной сервисизации хозяйства, последняя развивается в регионе все еще относительно низкими темпами. Так, за период с 1960 по 2016 гг., удельный вес сферы услуг в ВВП увеличился в ЮВА всего на 9,4 п. п., тогда как в Латинской Америке – на 13,5 п. п., в Западной Азии – на 16,8 п. п., в Южной Азии – на 17,0 п. п., в Восточной Азии – на 24,9 п. п., и только в Африке – еще более медленными темпами, чем в ЮВА – на 6,9 п. п. [3]

Рост индустриальных отраслей и прежде всего обрабатывающей промышленности, а также сферы услуг позволили снизить зависимость хозяйства ЮВА от производства сырья, что уменьшило долю природной ренты в его совокупном ВВП больше, чем в большинстве других КРРС. Так, удельный вес природной ренты в ВВП уменьшился в этом регионе за период с 1970 по 2016 гг. на 2,6 п. п., тогда как в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе – всего на 0,4 п. п., а в других КРРС даже увеличился: в Южной Азии – на 1,1 п. п., в Латинской Америке – на 1,8 п. п., в регионе Южнее Сахары – на 4,0 п. п. и на Среднем Востоке и в Северной Африке – на 12,7 п. п. В результате в 2016 г. доля природной ренты в ВВП снизилась в ЮВА до 2,0%, что по-прежнему было больше, чем в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе – 1,4%, в Южной Азии – 1,7%, но меньше, чем в Латинской Америке – 3,2%, и в особенности в регионе Южнее Сахары – 8,5% и тем более на Среднем Востоке и в Северной Африке – 13,1%[4].

В то же время, отмечая успехи, достигнутые ЮВА в индустриализации и модернизации промышленного производства, нужно иметь в виду, что хотя заметная часть ее продукции носит вполне современный характер, фактически почти вся она производится по зарубежным технологиям на импортном оборудовании и по иностранным лицензиям с использованием иностранных компонентов, а нередко и сырья.

Такая ситуация связана с крайней слабостью собственной научно-технической базы почти всех стран этого региона. Достаточно сказать, что расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР)

остаются здесь крайне незначительными. Хотя, по данным на 2014 г., их доля в совокупном ВВП в ЮВА (0,8%) превышала вклад в НИОКР в таких КРРС как Западная Азия (0,6%), а также Южная Азия и Латинская Америка (по 0,7%) и тем более в субрегионах Северной Африки (0,5%) и Южнее Сахары (0,4%), она более, чем в два раза уступала масштабам финансирования научных исследований и технических разработок во всем мировом хозяйстве (1,7%) и тем более в Восточной Азии (2,5%). Отсюда и крайне незначительный вклад местных резидентов в патентование интеллектуальной продукции. Так, в 2016 г. на долю граждан стран этого региона пришлось всего 10,4% патентов, зарегистрированных на территории этих стран, тогда как в среднем в мире доля таких лиц составляет 74,7%. Даже в других КРРС, располагающих такой информацией, как например в Латинской Америке, а также в Южной Азии, она достигает несопоставимо более высокого уровня соответственно – 14,7% и 30,0%[5].

Одним из следствий перестройки отраслевой структуры производства в ЮВА в постколониальный период и вызванного ею динамичного роста ее хозяйства стала столь же масштабная эволюция отраслевой структуры и ускорение развития внешнеэкономических связей этого региона и прежде всего его внешнеторговых отношений. Ведущие позиции в его товарном экспорте за период с 1970 по 2016 гг. перешли к продукции обрабатывающей индустрии. Доля последней в экспорте ЮВА достигла в 2016 г. 73% его стоимости, тогда как сырьевых товаров – всего 27%. Такая структура экспорта отличается от сложившейся в большинстве других КРРС, где сырьевым товарам принадлежат куда более заметные позиции. Так, на долю этих товаров в Южной Азии приходится 41% всего объема ее экспорта, в Латинской Америке – 48%, в Западной Азии – 65% и в Африке – 74%. В то же время продукция обрабатывающей индустрии занимает там намного более скромное место, чем в ЮВА и составляет 59% в Южной Азии, 52% в Латинской Америке, 35% в Западной Азии и 26% в Африке. И только в Восточной Азии отраслевая структура экспорта отличается еще большим, чем в ЮВА, преобладанием продукции обрабатывающей индустрии (91%) над сырьевыми товарами (9%)[6].

Благодаря расширению и модернизации индустриальной составляющей хозяйства ЮВА окрепли и ее позиции на мировом рынке как производителя промышленной и в том числе высокотехнологичной продукции. И хотя регион по-прежнему занимает важное место в мировом хозяйстве как продуцент сельскохозяйственного сырья и продовольствия, с конца XX – начала XXI вв. он позиционируется на мировом рынке как все более заметный поставщик продукции обрабатывающей индустрии не только потребительского, но и производственного назначения. Так, доля транспортных средств, машин и другого технического оборудования достигла в экспорте ЮВА в 2016 г. 43%, что заметно превысило вклад в экспортную торговлю почти во всех КРРС, за исключением все той же Восточной Азии (59%). Например, в Латинской Америке он составил 32%, в Южной Азии – 11,1%, в Западной Азии – 11% и в Африке – 10,5%.

Особое место в экспорте технического оборудования из ЮВА принадлежит продукции электротехнической и электронной промышленности. На ее долю приходится 28% экспорта этого региона, в то время как в Латинской Америке – 9%, в Африке – 3%, в Западной и Южной Азии – по 2%. Как и в экспортной торговле машинами, транспортным и другим техническим оборудованием в целом, изделия электротехнической и электронной промышленности достигли наибольшего удельного веса в Восточной Азии (33%), ставшей с конца XX в. крупнейшим мировым центром по их производству и экспорту.

Высокая доля технологически сложной продукции отличает и импортную торговлю ЮВА. Удельный вес товаров, изготовленных с применением высококвалифицированного труда и интенсивных технологий составляет 37% товарного импорта этого региона, тогда как в Латинской Америке – 30%, в Западной Азии – 24,5%, в Южной Азии – 23,5%, в Африке – 21,0% и только в Восточной Азии он достиг более высокого показателя – 43,7%. Это может быть еще одним свидетельством опережающих, по сравнению с большинством других КРРС, темпах обновления технологической базы общественного производства, происходящего в регионе ЮВА[7].

Вместе с появлением новых высокотехнологичных производств и повышением качества рабочей силы стала возрастать и конкурентоспособность изготавливаемой в ЮВА продукции, а вместе с ней и всей экономики региона. Согласно рейтингу глобальной конкурентоспособности 2017–2018 гг., в число первых пятидесяти наиболее конкурентоспособных экономик входят пять стран ЮВА, столько же, сколько из стран Ближнего Востока и Северной Африки. В то же время в Южной Азии и в регионе Южнее Сахары в числе первых пятидесяти экономик по уровню их конкурентоспособности входят по одной из них, а в Латинской Америке – две[8].

Важнейшим фактором экономического развития в ЮВА является высокий и достаточно динамичный уровень инвестиций в основной капитал. Доля этих инвестиций в совокупном ВВП региона повысилась с 18,0% в 1970 г. до 27,8% в 2016 г. и превзошла соответствующий показатель для всего мирового хозяйства (24,6%), а также для почти всех КРРС, за исключением Восточной Азии (39,6%). Так, в Южной Азии удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП составил на указанную дату 26%, в Западной Азии – 27,3%, в Африке – 21,8% и в Латинской Америке – 19,4%.

Особую роль в финансировании хозяйства в ЮВА и других КРРС играют прямые иностранный инвестиции (ПИИ). И хотя ПИИ распределяются по странам ЮВА крайне неравномерно (на Сингапур, например, приходится 58,5% всех ПИИ, размещенных в регионе к 2016 г., включительно, тогда как на Лаос и Бруней – только по 0,3%), все они оказывают заметное влияние на хозяйственное развитие этих стран и региона в целом. Так, вклад ПИИ в инвестиции в основной капитал в 2016 г. достиг в ЮВА 17,0% (в 1999 и 2007 гг. даже 23,8%), что превысило его уровень не только в мировом хозяйстве в целом (10,1%), но и во всех КРРС, где он составил: в Южной Азии

6,3%, в Восточной Азии –5,0%, в Западной Азии – 4,5%, в Африке – 11,7% и в Латинской Америке, несмотря на опережающие, по сравнении с ЮВА темпы его роста, 14,2%.

Благодаря динамичным темпам роста инвестиций в основной капитал их накопленный объем в текущих ценах увеличился в ЮВА за период с1970 по 2016 гг. с 6,8 млрд долл. до 711 млрд долл., что превысило их совокупную величину в таких крупных развивающихся регионах как Африка (468 млрд долл.) и Западная Азия (689 млрд долл.), но было меньше, чем в Южной Азии (863 млрд долл.), Латинской Америке (998 млрд долл.) и тем более в Восточной Азии (5371 млрд долл.)[9]. В результате вклад реальных капиталовложений в прирост ВВП вырос в ЮВА[10] с 60% в 1970–1975 гг. до 69% в 2010–2015 гг. (на 9 п. п.). В то же время вследствие более заметного снижения удельного веса затрат труда в приросте ВВП (в указанные годы с 21% до 8%, или на 13 п. п.), общий вклад экстенсивных факторов в прирост общественного производства в регионе уменьшился, хотя и весьма незначительно: с 81% до 77% (на 4 п. п.).

Снижение значения экстенсивных факторов для роста общественного производства было характерно также и для других КРРС. Вместе с тем, для соседних с ЮВА регионов – Южной Азии и Восточной Азии общее, еще более значительное, чем в ЮВА, сокращение вклада экстенсивных факторов в рост ВВП (соответственно на 38 п. п. и 68 п. п.) сопровождалось в одном случае (в Южной Азии) небольшим уменьшением удельного веса реальных капиталовложений (на 9 п. п.) и значительным спадом доли затрат труда (на 47 п. п.), а в другом (в Восточной Азии) – напротив, сочетанием весьма заметного снижения вклада реальных капиталовложений (на 47 п. п.) и не столь значительным, но достаточно внушительным сокращением удельного веса затрат труда (на 21 п. п.).

Таким образом, как свидетельствуют факты, ЮВА отличает от соседних КРРС не столько несовпадение в масштабах вклада экстенсивных факторов в рост ВВП (в Южной Азии он несколько выше – 82%, в Восточной Азии заметно ниже – 63%), сколько различия в динамике этих факторов в целом и в особенности отдельных их компонентов. В отличие от Южной, а также Восточной Азии, этот процесс в ЮВА характеризуется не только более медленным снижением вклада экстенсивных факторов и прежде всего затрат труда в рост общественного производства, но и продолжающимся повышением в нем роли реальных капиталовложений.

Соответственно во всех этих регионах по мере уменьшения роли экстенсивных факторов увеличивается, хотя и медленно, вклад совокупной производительности: в ЮВА в 1970–2016 гг. в среднем в год на 0,4%, тогда как в Южной Азии, так же как и в Восточной Азии, – на 1,6%. В результате общий вклад совокупной производительности в рост ВВП составил в ЮВА в 2010–2015 гг. 23%, в то время как в Восточной Азии – намного больше (37%), а в Южной Азии, несмотря на относительно высокие темпы его роста, – всего 17%[11].

Одним из следствий прогрессивных изменений в структуре факторов производства в ЮВА стал, несмотря на наличие все еще многочисленной недостаточно квалифицированной рабочей силы (даже в одной из наиболее успешных в этом отношении страны ЮВА – Малайзии рабочие места, занятые низко- и среднеквалифицированной рабочей силой, составляли в 2015 г. 72,0% от общей численности всех занятых[12]) рост общественной производительности труда. Если в 1970 г. на одного учтенного занятого в этом регионе в среднем приходилось 5,7 тыс. долл. ВВП, рассчитанных по ППС в ценах 2011 г., то к 2015 г. стоимость произведенных там товаров и услуг увеличилась в 3,8 раза и достигла 21,9 тыс. долл. В то же время в соседних КРРС – Южной Азии и тем более в Восточной Азии прирост общественной производительности труда оказался еще большим, соответственно в 4,5 раза и в 6,3 раза, что связано прежде всего с более быстрым увеличением в этих регионах вклада совокупной производительности в общественное производство. В результате на одного занятого в Восточной Азии пришлось 31,1 тыс. долл. ВВП по ППС в ценах 2011 г. (в 1,4 раза больше, чем в ЮВА). Однако в Южной Азии общественная производительность труда, несмотря на относительно высокие темпы роста, продолжала уступать, сложившейся к этому времени в ЮВА (14,8 тыс. долл., или в 1,5 раза меньше). Вместе с тем все эти показатели, в том числе и в Восточной Азии, продолжают заметно уступать соответствующим индикаторам таких экономик, как например, ЕЭС (74,9 тыс. долл.) и тем более США (117,9 тыс. долл.)[13].

Таким образом, как следует из приведенных фактов и расчетов в настоящее время ЮВА в хозяйственном отношении представляет собой, вслед за Восточной Азией, наиболее динамичный и успешный КРРС. Лидером экономического развития среди всех этих регионов практически по всем основным параметрам хозяйственной динамики является Восточная Азия, что обусловлено беспрецедентным по темпам и продолжительности экономическим ростом Китая, формирующего преобладающую часть производства этого региона. В то же время аутсайдером хозяйственной роста среди КРРС, остается Африка, которая при позитивной в целом динамике развития, не столько приближается по основным экономическим параметрам к другим КРРС, сколько продолжает все больше от них отставать. Что касается Южной Азии, то, несмотря на достаточно высокие темповые характеристики, этот регион из-за низкой стартовой позиции и многочисленности населения все еще уступает по большинству важнейших индикаторов хозяйственного развития, иногда существенно, не только Восточной Азии, но и многим другим КРРС. Напротив, заметное положение среди этих регионов, по некоторым ключевым макроэкономическим и другим показателям все еще продолжает занимать Латинская Америка, что обусловлено своего рода «историческим заделом», сложившимся там, по крайней мере, к началу исследуемого периода, т.е к началу 1970-х гг. Наконец, Западную Азию отличает исключительно высокий разброс характеристик ее хозяйства – от самых высоких среди КРРС, как например производство ВВП на душу населения или масштабы вклада

сферы услуг в общественное производство, до почти самых низких – показателей, связанных с общими размерами экономики и ее основных подразделений, что предопределяется особенностями факторов и источников ее экономического развития и прежде всего необычайно большими объемами добываемого здесь углеводородного сырья и доходов от его производства и торговли и в то же время относительно незначительной общей физической и демографической величиной этого региона.

Литература/References

Составлено и рассчитано по: UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en.

Составлено и рассчитано по: The World Bank/World Data Bank/World Development Indicators [Электронный ресурс] URL: htpps://www.databank.worldbank.?worldbank.org/data/reports/aspx?source=.world-development-indicators.

Составлено и рассчитано по: UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en.

Составлено и рассчитано по: The World Bank/World Data Bank/World Development Indicators [Электронный ресурс] URL: htpps://www.databank.worldbank?worldbank.org/data/reports/aspx?source=world-development-indicators.

UN World Statistical Yearbook 2017. New York. 2018, P. 392, 399.

UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unctadstat. unctad.org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en.

Составлено и рассчитано по: UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en.

World Economic Forum. Global Competitiveness Report 2017-2018/ Geneva, 2017, P. IX.

Составлено и рассчитано по: UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en.

Без Вьетнама, Камбоджи, Мьянмы и Лаоса, т.е. стран, на долю которых приходится около 10% ВВП региона (См.: UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en).

Asian Productivity Organization. Productivity Yearbook 2017. Tokyo, 2018, P. 75.

Malaysia. Department of Statistic. Economic Planning Unit. Eleventh Malaysia Plan. Appendix A5-4. Kuala Lumpur, 2015. P. A 5-4.

Составлено и рассчитано по: The World Bank/World Data Bank/World Development Indicators [Электронный ресурс] URL: htpps://www.databank.worldbank.?worldbank.org/data/reports/aspx?source=world-development-indicators.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Динамика ВВП, экспорта и ПИИ в ЮВА и в других КРРС в 1970 – 2016 гг. (среднегодовые темпы прироста, %)

Регионы	ВВП*	Экспорт товаров и услуг*	ПИИ, накопленные**
ЮВА	5,6	7,7	14,0
Южная Азия	4,6	3,8	13,4
Восточная Азия	8,2	11,4	8,3
Западная Азия	4,2	4,0	14,8
Африка	3,5	3,3	8,6
Южная Америка	3,2	4,9	11,5
Мировое хозяйство	3,1	5,4	10,7

* В ценах 2010 г.

** В 1980–2016 гг.

Рассчитано по: UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unctadstat. Unctad .org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en.

Таблица 2

Сдвиги в структуре производства в ЮВА и в других КРРС в 1970 – 2016 гг. (доля секторов в ВВП, %)

Регионы	Аграрный сектор		Индустриальный сектор		Сфера услуг	
	1970	2016	1970	2016	1970	2016
ЮВА	32,2	11,0	24,4	36,2	43,4	52,8
Южная Азия	39,7	17,0	23,3	29,0	37,0	54,0
Восточная Азия	32,3	7,7	39,2	38,9	28,5	53,4
Западная Азия	20,5	3,8	38,7	39,0	40,8	57,2
Африка	22,3	17,1	29,4	27,9	48,2	55,1
Латинская Америка	11,3	5,7	35,6	27,6	53,2	66,7
Мировое хозяйство	9,4	4,4	37,2	27,6	53,4	68,0

Рассчитано по: UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unct-adstat. unctad.org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en.

Таблица 3

Динамика ВВП и вклад факторов экономического роста в темпы роста общественного производства в ЮВА и в некоторых КРРС Азии в 1970 – 1975 гг. и в 2010 – 2015 гг., %

Регионы	ВВП		Затраты труда		Реальные капиталовложения		Совокупная производительность	
	1970-1975	2010-2015	1970- 1975	2010- 2015	1970-1975	2010-2015	1970-1975	2010-2015
ЮВА	7,1	4,8	21	8	60	69	20	23
Южная Азия	2,5	5,8	59	12	61	70	-20	17
Восточная Азия	5,1	5,6	25	4	106	59	-31	37

Составлено по: Asian Productivity Organization. Productivity Yearbook 2017. Tokyo, 2018, P. 75.

Таблица 4

ЮВА и другие КРРС в глобальных макроэкономических агрегатах в 1970 – 2016 гг. (доля, %)

Регионы	ВВП		ВВП на душу населения от среднего в мировом хозяйстве		Экспорт товаров и услуг		ПИИ, накопленные	
	1970	2016	1970	2016	1970	2016	1970	2017
ЮВА	1,1	3,4	14,6	39,5	2,3	7,1	2,5	6,9
Южная Азия	2,8	4,4	14,1	17,7	1,7	3,0	0,7	1,9
Восточная Азия	3,4	17,9	14.2	88,0	2,5	18,1	26,4	11,9
Западная Азия	1,3	3,3	66,4	105,0	2,5	4,9	0,7	2,6
Африка	3,2	2,8	32,3	17.2	6,1	2,2	5,9	2,9
Южная Америка	5,3	6,8	69,1	79,9	5,9	5,1	5,8	7,3

Рассчитано по: UNCTADstat. Data Center Reports. [Электронный ресурс] URL: https://www.unctadstat. unctad.org/wds/ReportFolders/report-folders.aspx?sCS_ChosenLang.en.

*Воронцов А. В.**

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ США И КНР

Vorontsov Alexander**

US-CHINA TRADE WAR INTERMEDIATE TOTAL

Аннотация: Характер взаимодействия между двумя сверхдержавами современного мира, естественно, в существенной степени определяет и глобальные, и региональные отношения, в том числе в районе Северо-Восточной Азии. В настоящее время отношения между Вашингтоном и Пекином, глобальные разнообразные и многофакторные по своей сути, все более насыщаются не просто конкурентным, но и конфликтным содержанием. Понять основные тенденции, определяющие состояние взаимосвязей между двумя главными экономикам и мира, перспективы из развития и возможные последствия для региона СВА, включая российский дальний Восток и Корейский полуостров представляется весьма важной и актуальной научной задачей. Подводя промежуточной итог периода, предложенной Вашингтоном "глобальной конкуренции", имеются основания заключить что Пекин в очередной раз переигрывает своего заокеанского конкурента.
Ключевые слова: КНР, США, торговая война, регион Северо-Восточной Азии, политика глобальной конкуренци.

Abstracts: The modern world two superpowers relations content naturally to considerable degree defines both global and regional situation including the Northeast Asia. At the current time the global multifactor and multi faceted relations between the USA and China more and more are becoming fill with conflict substance. There is important and urgent research task to understand the two superpowers bilateral ties development key trends and perspectives and its consequences for the Northeast Asia region stability including the Russia's Far East and the Korean peninsula. The US-China trade war intermediate total gives a ground to conclude that China once again is outplaying the overseas competitor.
Keywords: USA, China. the Northeast Asia region. the US-China trade war.

Характер взаимодействия между двумя сверхдержавами современного мира, естественно, в существенной степени определяет и глобальные, и региональные отношения, в том числе в районе Северо-Восточной Азии. В настоящее время отношения между Вашингтоном и Пекином, глобальные разнообразные и многофакторные по своей сути, все более насыщаются не просто конкурентным, но и конфликтным содержанием. Понять основные тенденции, определяющие состояние взаимосвязей между

---

* *Воронцов Александр Валентинович* – к.и.н., заведующий отделом Кореи и Монголии ИВ РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО Университет МИД России.

** *Alexander Vorontsov* – PhD (history), Head of the Korean and IOS RAS, MGIMO University Associate Professor.

двумя главными экономикам и мира, перспективы из развития и возможные последствия для региона СВА, включая российский дальний Восток и Корейский полуостров представляется весьма важной и актуальной научной задачей.

Похоже, что именно в 2018 г. китайско-американские отношения окончательно перешли от длившегося около 40 лет сотрудничества к соперничеству и противоборству. Если в 2017 г. обе стороны ещё пытались проявлять определенную сдержанность, что многими аналитиками объяснялось их стремлением продолжать сотрудничать в зонах совпадения региональных интересов, как например на Корейском полуострове, где в тот год достигла кульминации проводимая Вашингтоном международная кампания оказания "максимального давления" на КНДР, то в 2018–2019 конфликтная повестка четко определилась.

Одним из наиболее знаковых событий в указанном ряду считается программная речь вице-президента США М. Пенса в одном из интеллектуальных оплотов консервативного лагеря Гудзоновском институте в октябре 2018 г. В данном выступлении второе лицо в администрации США обвинило Пекин во "всех смертных грехах" от системной кражи интеллектуальной собственности, глобальной нечестной конкуренции, приведшей к возникновению торгового дефицита в 375 млрд долларов до массового принуждения американских бизнесменов, работающих в Китае, передавать свои секреты и технологии, использования по всему миру "дипломатии долговой ловушки" и т. д. [1].

Перемежающая краткосрочными отрезками относительного затишья, но в целом продолжающая уверенно набирать обороты беспрецедентная по масштабам торговая война, начатая администрацией Д. Трампа против Пекина – одно из серьёзных тому подтверждений. Ученые влиятельного Американского института предпринимательства утверждают, что все предшествующие попытки сдержать осуществляемую неправедными средствами экономическую экспансию Китая, включая не состоявшуюся концепцию "транстихоокеанского партнерства" предыдущей администрации, провалились, и требуют, что Вашингтон во имя спасения мирового свободного рынка должен решительно вмешаться, чтобы сдержать агрессивность Пекина [2].

В контексте рассматриваемой проблематики и, отвечая на вопрос, почему это произошло сейчас, каково соотношение как личного вклада в данный феномен нынешних лидеров США и КНР, так и объективных тенденций в виде нарастающего расхождения коренных интересов двух сверхдержав, представляется важным подчеркнуть следующее. На наш взгляд, указанное качественное изменение двусторонних отношений прежде всего было подготовлено закономерностями предшествующего периода развития и стало логичным, даже неизбежным результатом изменения соотношения мощи и степени влияния двух сверхдержав в современном мире.

Хорошо известно, что в политическом истеблишменте и китаеведении США в последние десятилетия постоянно противоборствовали два основных подхода в отношении кардинального вопроса, каким образом воспринимать «мирное возвышение Китая»: как возможность или как угрозу своим национальным интересам. Разноплановых факторов, влияющих на оценки американских политологов в рамках отмеченной дилеммы, всегда было много. Среди главных из них можно выделить следующие: завышенные или идеализированные ожидания адвокатов стратегического сближения, полагающих, что в результате политики вовлечения и широкого многостороннего сотрудничества Китай в конечном итоге пойдёт по пути западной модели либерализации, распространяя практику глубоких реформ с экономической сферы на политическую, что должно было бы привести к ослаблению позиций КПК, возникновению многопартийности и демократизации Китая. Сторонники данного подхода, возможно, искренне выдавая желаемое за действительное, старались формулировать интересные с научной точки зрения теории, обосновывающие курс на широкое сотрудничество с Китаем в надежде удержать его в лоне собственного влияния на стратегическую перспективу. Концепция "ответственного держателя акций (responsible stakeholder)" в глобальном мире рыночной экономики – одна из них. Акценты в рамках данной дискуссии менялись и в зависимости от того, какая партия побеждала на президентских выборах в США, и, соответственно, приоритеты каких бизнес кругов, поддерживающих победителей, становились ведущими на конкретном историческом отрезке времени. Как правило, группы экономической элиты, стоявшие за демократической партией, были глубже вовлечены в широкое хозяйственное, инвестиционное сотрудничество с Китаем и заинтересованы в его дальнейшем прогрессе.

Не секрет также, что руководство КНР, используя различные тактические схемы и способы, достаточно успешно поддерживало подобные настроения у иностранных партнеров. При этом однако на всех этапах своего развития Пекин твердо и последовательно исходил из решения национальной сверхзадачи – восстановления Китая в качестве могучей, самобытной державы и самостоятельного центра мира, не допускающих какой-либо зависимости от внешних сил. Поэтому столкновение глобальных интересов США и КНР как двух сверхдержав и выход на стадию, на которой элементы соперничества начинают преобладать над факторами сотрудничества, что постепенно способно привести к полномасштабной конкуренции, был объективно обусловлен, являясь лишь вопросом времени. Таким образом открыто заявленный в 2017 г. переход КНР от этапа «обогащения» к этапу «усиления», «политика активных действий», оставив в прошлом сформулированную Дэн Сяопином «политику сокрытия возможностей», представляется нам как неизбежный, назревший выбор новой стратегической линии, соответствующей изменившимся реальному месту Китая в мире и международной обстановке.

Рассматриваемая трансформация стратегического курса, по нашему мнению, не стала «волюнтаристским» решением лидера КНР Си Цзиньпиня, поторопившегося завершить длительный этап развития Китая в рамках сформулированной Дэн Сяопином стратегии «держаться в тени», сконцентрироваться на внутреннем развитии и самоусилении, в чём его упрекали в ходе неформальных дискуссий в китайском интернете в 2018 г. Тактическая схема «не высовываться из тени», выбранная Дэн Сяопином в течение длительного времени успешно работала в интересах Китая, но в конце концов, видимо, исчерпала свой ресурс.

Вместе с тем ускорению перехода Си Цзиньпиня к «политике активных действий», как представляется нам, до известной степени также поспособствовал приход к руководству в США республиканской администрации Д. Трампа, отражающей интересы неоконсервативных сил, решительно настроенных на практически сдерживание Китая. Этот курс быстро нашёл отражение как в доктринальных документах республиканской администрации США (в том числе доктрина национальной безопасности), принятых на рубеже 2017–2018 гг., где КНР вместе с РФ была указана в списке главных угроз национальным интересам США в качестве ревизионисткой державы, (но, к удивлению многих китайских деятелей Китай оказался на первом месте), так и в практических действиях в форме торговой войны и др.

Кризисные явления в американо-китайских отношениях, изменение в них соотношения компонентов сотрудничества и соперничества в пользу последних, последовательно нарастали в последние годы. И хотя представители администрации Д. Трампа в интересах внутриполитической полемики упрекают предшествующего президента-демократа в близорукости и недооценке «китайской угрозы», это не вполне справедливо. В мире хорошо помнят, как Б. Обама многократно открыто заявлял, что главная цель создаваемого им в тот период «транстихоокеанского партнёрства» заключалась в том, чтобы и будущем «правила мировой торговли писались в США, а не в Китае». Он неоднократно с максимальной откровенностью подчеркивал: «…Америка должна писать правила. Америка должна командовать. Другие страны должны играть по правилам, определенным Америкой и нашими партнерами, а не наоборот. … Изменился мир. Правила меняются вместе с ней. США, а не страны вроде Китая, должны писать их» [3]. Тем не менее ведущие интеллектуальные центры правоконсервативных кругов в США, на которые опирается администрация Д. Трампа, представляют именно нынешнего президента в качестве единственного истинного борца за интересы США в рамках стратегического курса «Америка прежде всего». Китаисты указанного Американского института предпринимательства заключили, что США должны всерьёз и надолго «возвести Китай в качестве главного приоритета международной экономической стратегии, понимая, что он – стратегический соперник и действовать против него необходимо по другому, нежели в отношении дружественных государств, с которыми у нас есть споры» [4].

Как уже отмечалось, манифестом новой антикитайской стратегии можно считать выступление вице-президента США М. Пенса в Гудзоновском Институте, в котором он обвинил Пекин в грехах, в том числе, в неизмеримо больших по сравнению с Россией попытках вмешиваться во внутреннюю политику и президентские выборы в США. Второе должностное лицо Вашингтона договорилось до того, что, по сути отнесло 430000 китайцев, обучающихся в США, объединенных в 150 ассоциаций китайских студентов и учёных в разряд «скрытых акторов», мобилизованных Пекином с целью повлиять в нужном ему направлении на американское восприятие китайской политики [5]. Не удивительно, что в последние месяцы многие китайские студенты в США ощутили на себе груз тотальной подозрительности, и привлекательность Америки как страны обучения значительно снизилась среди китайской молодежи.

В формировании данного нового антикитайского курса активное участие приняли и другие высокопоставленные представители администрации Д. Трампа. Внес свою лепту и советник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон, в том числе в ходе презентации в Фонде наследия новой стратегии Вашингтона в Африке 13-го декабря 2018 г. Харизматичный неоконсерватор утверждал, что Китай, который и на Африканском континенте является главным соперником США, «использует взятки, непрозрачные соглашения, стратегию использования задолженности для удержания африканских государств в плену требований Пекина»…» [6], а также, что «подобные хищнические действия являются субкомпонентами более широких китайских стратегических инициатив, включая "Один пояс, один путь" – планов, нацеленных на продвижение глобального китайского доминирования» [7].

С особой тревогой Дж. Болтон указывал на тот факт, что в 2017 г. Китай основал свою первую в Африке военную базу в Джибути «всего в нескольких милях от нашей базы США лагерь Лемоньер».[8]. Тот факт, что в начале президенства Б. Обамы США располагали в Африке всего 3 военными базами, а в момент его ухода с поста президента, уже более чем 30-ю подобными объектами, естественно остался за пределами внимания Дж. Болтона [9]. А ведь именно это резкое наращивание военного присутствия США на данном континенте и стало ответом Вашингтона на экономическое проникновение сюда китайского бизнеса.

В данном контексте, вопрос, кто стал инициатором слома существовавшего статус-кво представляется риторическим и не столь принципиальным. Важно другое – в США к власти пришли силы, убедившиеся в том, что Китай выиграл больше, чем сама Америка, от инициированного ею же курса на глобализацию мировой экономики, политики предшествующих руководителей Белого дома по вовлечению Китая в контролируемую Вашингтоном мировую рыночную систему и т. д. Сейчас эти силы решительно настроены на то, чтобы вновь кардинально переписать правила игры с целью сдержать дальнейшее усиление Пекина на мировой арене. И руководство КНР

приняло этот вызов, в том числе, в форме упорного и полномасштабного сопротивления на фронте торговой войны, развязанной администрацией Д. Трампа, что, естественно, не исключает проявление гибкости и стремления к поиску компромиссов с китайской стороны.

Подводя промежуточной итог периоду, предложенной Вашингтоном "глобальной конкуренции", имеются основания заключить следующее. Весьма характерно, что в экспертных кругах как США, так и КНР по итогам турбулентного года нарастает понимание, что и сейчас в навязанных Д. Трампом Китаю условиях жесткой торговой войны, вопреки самоуверенным заявлениям главы Белого дома Пекин лучше к ней приспособился, надежнее контролирует свою экономику, чувствует себя уверенно и в очередной раз переигрывает заокеанского конкурента [10].

Литература/References

1. Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China, The Hudson Institute, Washington, D.C., October 4, 2018, – https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/

2. Derek Scissors and Daniel Blumenthal: China Is a Dangerous Rival, and America Should Treat It Like One. Enough with the endless talks and handshakes. We need to untie the American economy from China., The New York Times, October 14, 2019 – https://www.nytimes.com/2019/01/14/opinion/us-china-trade.html?mkt_tok=eyJpIjoiWTJReU1XVmxNVFl4TW1ZMyIsInQiOiJkTHVaU3dpSnlqU0gxcFBcL245OXBWWWM1OTdkTGtRYmpUalZWOE9xRCtBY09ERlF5RzRyV25HZlhUSm90akdtQXhmdUJMdXFMYTBTcmRSZVhOVXJMNStMSWdmc0hUK0RnQTRWWlRzWE93cWR5NUE5bStcL3NBek9STFBGYzhkblwvMCJ9.

3. President Obama: The TPP would let America, not China, lead the way on global trade, The Washington Post, May 2, 2016. – https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4–0fd0–11e6–93ae-50921721165d_story.html.

4. Derek Scissors and Daniel Blumenthal: China Is a Dangerous Rival, and America Should Treat It Like One. Enough with the endless talks and handshakes. We need to untie the American economy from China., The New York Times, October 14, 2019 – https://www.nytimes.com/2019/01/14/opinion/us-china-trade.html?mkt_tok=eyJpIjoiWTJReU1XVmxNVFl4TW1ZMyIsInQiOiJkTHVaU3dpSnlqU0gxcFBcL245OXBWWWM1OTdkTGtRYmpUalZWOE9xRCtBY09ERlF5RzRyV25HZlhUSm90akdtQXhmdUJMdXFMYTBTcmRSZVhOVXJMNStMSWdmc0hUK0RnQTRWWlRzWE93cWR5NUE5bStcL3NBek9STFBGYzhkblwvMCJ9.

5. Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China, The Hudson Institute, Washington, D.C., October 4, 2018 https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/

6. Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the The Trump Administration's New Africa Strategy., December 13, 2018 – https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/

7. Там же.

8. Там же.

9. Nick Turse: U.S. Military Says It Has a "Light Footprint" in Africa. These Documents Show a Vast Network of Bases., December 1, 2018 – https://theintercept.com/2018/12/01/u-s-military-says-it-has-a-light-footprint-in-africa-these-documents-show-a-vast-network-of-bases/

10. Anna Fifield, David J. Lynch: A year into the trade war, China learns to ride out Trump's turbulence, The Washington Post, August 28, 2019 – https://www.washingtonpost.com/podcasts/daily-202-big-idea/a-year-into-the-trade-war-china-learns-to-ride-out-trumps-turbulence-1/

*Волкова С. Л.**

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ (2002 – 2018 гг.)

Volkova Svetlana**

MAJOR STRUCTURAL SHIFTS IN TURKEY'S FOREIGN TRADE DURING THE RULE OF THE JUSTICE AND DEVELOPMENT PARTY (2002-2018)

Аннотация: Внешняя торговля Турции продолжала играть важную роль в развитии страны в период пребывания у власти Партии справедливости и развития. В данной статье проанализированы основные показатели турецкой внешней торговли в динамике. Отмечены структурные внешнеторговые изменения, произошедшие за указанный период. Автором дана оценка различным классификациям экспорта и импорта страны и выделены новые тенденции и изменения, имевшие место в структуре внешней торговли.

***Ключевые слова*:** Партия справедливости и развития, внешняя торговля, экспортно ориентированная стратегия, структура экспорта и импорта.

Abstract: Turkey's Foreign trade continued to play an important role in the development o f the country during the period of the Justice and Development Party in power. This article analyzes the main indicators of Turkey's foreign trade in dynamics. Structural foreign trade changes that have occurred during this period are noted. The author assesses the different classifications of exports and imports of the country and identifies new trends and changes in the structure of foreign trade.

Keywords: Justice and development Party, foreign trade, export-oriented strategy, export and import structure.

В ноябре 2002 г. происламская партия справедливости и развития (ПСР) одержала свою первую победу на парламентских выборах. Партия пришла к власти в условиях затяжного экономического кризиса. Для страны начался новый этап экономического развития, основанный на сохранении компромисса между проведением стабилизационных мер и социальной политикой. Задача Турции во внешнеэкономической политике заключалась в переходе на новый уровень экспортноориентированного развития, цель которого состояла в увеличении экспорта и производстве более высокотехнологичной продукции.

Торговля играла существенную роль в процессе экономического роста Турции. Вклад этой сферы услуг в ВВП являлся неизменно высоким. Доля оптовой и розничной торговли в ВВП за исследуемый период колебалась

---

* *Волкова Светлана Леонидовна* – к.э.н., старший преподаватель Военного университета МО РФ, научный сотрудник ИВ РАН; e-mail: svet-200932@rambler.ru.

** *Volkova Svetlana Leonidovna* – PhD (economics), senior lecturer At the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, researcher IOS RAS; e-mail: svet-200932@rambler.ru.

в пределах 11–12%, и занимала второе место после обрабатывающей промышленности. Если рассмотреть в динамике, то с 2003 по 2009 гг. величины были стабильными и наблюдалось незначительное их увеличение (2003 г. – 12,1%, 2006 г. 12,4%). После небольшого падения данного показателя в 2009 г. – 10,7% (негативное воздействие мирового экономического кризиса 2009 г.), далее вновь началось его увеличение (2010 г. – 11,1%, 2015 г. – 11,5%, 2017 г. – 11,9%). Для сравнения стоит отметить, что доля финансовой и страховой деятельности, играющих важную роль для экономики страны, в 2017 г. составила всего лишь 3,2%[1].

Внешняя торговля является одним из основных двигателей экономического развития страны. О влиянии внешней торговли на производство в стране, развитие экономики и втянутости экономики Турции в мировое общественное хозяйство можно судить по экспортной и импортной квотам (отношению экспорта и импорта к ВНП страны).

Таблица 1

Экспортная и импортная квоты*

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Эксп. квота, %	16	21	20	21	19	18	17	16	17	19	18	20	17	16	18
Имп. квота,%	23	32	32	34	29	27	23	25	31	30	31	30	24	23	27

Рассчитано и составлено по: Gayri safi yurtiçi hasıla, harcama yöntemiyle cari fiyatlarla (değer, pay, değişim oranı).

* Расчеты выполнены с использование ВВП.

После прихода к власти ПСР экспортная квота демонстрировала резкий скачок с 16% в 2003 г. до 21% в 2006 г. Однако после она немного понизилась и колебалась в исследуемом периоде в пределах 18%. Но в целом можно говорить о тенденции к увеличению или относительной стабильности доли экспорта в ВВП страны. Так, в 2008 г. экспортная квота составила 18%, в 2012 г. – 19%, в 2017 г. – 18%. Максимальное значение было достигнуто в 2014 г. – 20%, что является близким к показателю многих развитых стран. Данные показатели говорят об увеличении темпа роста экспорта и экспортных отраслей, повышении спроса на турецкие товары, росте их качества и увеличении конкурентоспособности турецкой продукции. Экспорт продолжает играть важную роль и оставаться одним из основных источников валютных поступлений, которые в свою очередь требуются для импорта необходимых товаров.

Доля импорта в ВВП в 2003 г. составляла 23%, а после прихода к власти ПСР также резко возросла до 32% в 2004 г. В последующие годы она составляла от 25 до 30%. При этом в отдельные годы демонстрировалось увеличение данного показателя до 34% – 2006 г., затем в 2008–2010 гг. – небольшое снижение до 25%, а в 2012–2014 гг. – вновь возрастание до 30%, и в 2017 г.

импортная квота составила 27%. Таким образом мы отмечаем преобладание импортной квоты над экспортной, что объясняется тем, что Турция импортировала сырье, а также продукцию, необходимую для производства национальных товаров, т. е. импорт был необходим для обеспечения системы воспроизводства общественного продукта.

Экспортная стратегия играла огромную роль в экономическом развитии Турции. Экспорту отводилась значительная роль в планах экономического развития страны за исследуемый период.

Еще в 2001 г. страна приняла долгосрочную программу экономического развития на 2001–2023 гг., в которой экспорту было отведено значительное место. Ставилась задача роста экспорта и реализации основных направлений по экспортной стратегии. В 9-м Плане экономического развития страны (2007–2013) отмечалась необходимость продолжения применения различных мер для развития экспорта. В 2012 г. с целью осуществления экономических преобразований в экспортной стратегии страны правительством Турции была разработана *«Стратегия экспортного развития»* и *«План действий до 2023 г.»*, где прописывались основные действия по реализации экспортной стратегии. Согласно 10-му Плану экономического развития страны на 2014–2018 гг. было намечено использование различных методов для повышения конкурентоспособности продукции, развития более высокотехнологичного производства, создания прочного имиджа Турции для обеспечения роста экспорта, обновления и усовершенствования имеющихся механизмов содействия экспорту для представления своей продукции заграницей.

Внешнеторговый оборот Турции имел почти всегда постоянную тенденцию к росту его абсолютных значений, за исключением отдельных годов, когда наблюдалось его снижение (значительное сокращение в кризисном 2009 г. и незначительное сокращение в 2014–2016 гг.). Причем, стоит отметить, что сокращение объема внешней торговли в указанный период произошло в результате более значительного снижения объема импорта чем экспорта. Так, темпы роста экспорта и импорта были отрицательными и составили в 2015 г. соответственно -8,7% против -14,4%, а в 2016 г. – -0,9% против -4,2% (см. таблицу 2).

Таблица 2

Показатели внешней торговли

Годы	Экспорт (млрд долл.)	Экспорт (темп роста,%)	Импорт (млрд долл.)	Импорт (темп роста,%)	Объем внешней торговли (млрд долл.)	Внешне-торг. баланс (млрд долл.)	Экспорт/Импорт (%)
2002	36 059	15,1	51 553	24,5	87 612	-15 494	69,9
2003	47 252	31,0	69 339	34,5	116 592	-22 086	68,1
2004	63 167	33,7	97 539	40,7	160 706	-34 372	64,8
2005	73 476	16,3	116 774	19,7	190 250	-43 297	62,9

Годы	Экспорт (млрд долл.)	Экспорт (темп роста,%)	Импорт (млрд долл.)	Импорт (темп роста,%)	Объем внешней торговли (млрд долл.)	Внешне-торг. баланс (млрд долл.)	Экспорт/ Импорт (%)
2006	85 534	16,4	139 576	19,5	225 110	-54 041	61,3
2007	107 271	25,4	170 062	21,8	277 344	-62 790	63,1
2008	132 027	23,1	201 963	18,8	333 990	-69 936	65,4
2009	102 142	-22,6	140 928	-30,2	243 071	-38 785	72,5
2010	113 883	11,5	185 544	31,7	299 427	-71 661	61,4
2011	134 906	18,5	240 841	29,8	375 748	-105 934	56,0
2012	152 461	13,0	236 545	-1,8	389 006	-84 083	64,5
2013	151 802	-0,4	251 661	6,4	403 463	-99 858	60,3
2014	157 610	3,8	242 177	-3,8	399 787	-84 566	65,1
2015	142 838	-8,7	207 234	-14,4	351 073	-63 395	69,4
2016	142 525	-0,9	198 618	-4,2	341 147	-56 088	71,8
2017	157 055	10,2	233 791	17,7	390 847	-76 736	67,2
2017 (янв.-сент.)	115 046		168 956		284 003	-53 91	68,1
2018 (янв.-сент.)	123 110	7,0	174 198	3,1	297 308	-51 088	70,67

Составлено и рассчитано по: Yıllara göre dış ticaret http://risk.gtb.gov.tr/data/572b3a8a1a79f-50cd8a22b1a/1-Yillara%20Gore%20Dis%20Ticaret.pdf

Объем внешней торговли в 2002 г. составил 87,6 млрд долл., в 2008 г. – 334 млрд долл., а в 2017 г. – 390,8 млрд долл. Таким образом, объем внешней торговли возрос за 15 лет в 4,5 раза. Задача увеличения объема внешней торговли была первостепенной в стратегии развития страны за данный период.

При этом отмечается значительное увеличение экспорта. Так в 2002 г. объем составлял 36 млрд долл., в 2007 г. – 107,3 млрд долл. (рост в 3 раза), в 2012 г. – 152,5 млрд долл. (увеличение на 42% по сравнению с 2007 г.). Всего за 15 лет абсолютные значения экспорта увеличились в 4,4 раза, что говорит об эффективной экспортной стратегии страны. Если рассмотреть темпы роста экспорта по годам, то стоит отметить их рост, хотя и неравномерный, по годам, за исключением 2009, 2013 и 2015–2016 гг., когда темпы роста были отрицательными, что объясняется влиянием мирового финансового кризиса.

Показатели импорта также демонстрировали увеличение, что являлось общим отражение внешнеторговой стратегии. Турция не только наращивает объемы экспорта, но и одновременно увеличивает импорт, так как экономический рост тесно связан с импортом, что следует из его

структуры. И поэтому ограничение импорта будет нецелесообразным для роста экономики.

В тоже время, в 9-ом плане экономического развития (2014–2018 гг.) правительство ставит перед собой цели снижения зависимости от импортных товаров путем собственного их производства, выхода на новый уровень технологичности продукции. Так же, в связи с тем, что одну четвертую часть импорта составляет энергетическое сырье, имеется необходимость рассмотрения вопроса об альтернативном сырье – лигнитах и привлечении новых собственных источников.

В новой экономической программе правительства Турции на 2019–2021 гг. (Yeni Ekonomi Programı-YEP), принятой в сентябре 2018 г., значительное внимание уделялось как увеличению экспорта, так и сокращению зависимости от импорта. В рамках данной экономической программы была принята Стратегия по уменьшению зависимости от импорта и росту экспорта – Стратегия по закупке материалов (GİTES – Girdi Tedarik Stratejisi). Согласно данной стратегии, производство сырьевых и промежуточных товаров обеспечивается, по возможности, в своей стране, а в случае, если они необходимы в промышленном производстве, закупаются по наиболее выгодным ценам.

Объем импорта в 2002 г. составлял 51,6 млрд долл., а в 2007 г. – 170 млрд долл. (увеличение в 3,3 раза); в 2010 г. – 185,5 млрд долл., а в 2017 г. – 233,8 млрд долл. (увеличение на 20.7%). За пятнадцатилетний период импорт вырос в 4,5 раза. Темпы роста импорта в основном превышали темпы роста экспорта, хотя в отдельные годы импорт демонстрировал падение (2009, 2012, 2014, 2015, 2016 гг.), и экспорт рос быстрее.

Однако, так как объем экспорта был меньше объема импорта (в 2002 г. – в 1,4 раза, в 2007 г. – в 1,6 раза, в 2012 г. – 1,5 раза, в 2017 г. – в 1,5 раза), на протяжении всех 15 лет мы наблюдали отрицательный внешнеторговый баланс. Причем его значения увеличивались с 2002 по 2008 гг. (с 15 до 70 млрд долл.), затем в 2009 г. наблюдалось небольшое сокращение до 38,8 млрд долл., а затем опять величина внешнеторгового баланса выросла до 106 млрд долл. в 2011 г. За последние 6 лет (с 2012 по 2017 гг.) отрицательный показатель внешнеторгового баланса колебался в пределах 80 млрд долл., и в 2017 г. дефицит составил 76,7 млрд долл. Отрицательное сальдо внешнеторгового баланса можно назвать хронической тенденцией, характерной для страны.

Рост дефицита в абсолютном исчислении отражается и в показателях отношения экспорта Турции к ее импорту. Они составляли менее 100%, колеблясь при этом от 60 до 70% (в 2002 г. – 70%, 2007 г. – 63%, 2012 г. – 64,5%, 2017 г. – 67,2%). В результате, для турецкой экономики остается актуальной проблема дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Данное обстоятельство объясняется характером внешнеторговых отношений Турции. Цены на импортные товары значительно превышают стоимость турецкого экспорта. Турция выступает в качестве крупного

покупателя энергетического сырья. А цена на газ, нефть и нефтепродукты значительно выше, чем цена на экспортные товары.

Экспорт является главным источником поступления иностранной валюты. За исследуемый период произошли определенные сдвиги в структуре экспорта с точки зрения его различных классификаций.

Рассмотрев структуру экспорта по характеру использования товаров, стоит отметить, что основную долю в 2017 г. составила группа сырьевых и промежуточных товаров – 46,5%(см. таблицу 3).

Таблица 3

Структура экспорта Турции по характеру использования товаров (%)

Товарные группы	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2016	2017
Инвестиционные товары	9,2	10,9	12,8	10,9	10,5	10,3	10,7	11,1	11,7
Сырье и промежуточные товары	39,1	41,2	46,1	48,7	50,4	49,3	47,6	46,9	46,5
Потребительские товары	51,1	47,4	40,7	39,9	38,7	40,0	41,1	41,3	41,3
Прочее	0,6	0,5	0,4	0,5	0,6	0,4	0,6	0,6	0,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: Geniş Ekonomik Grup Sınıflamasına Göre İhracat / Ekonomik Raporlar 2003–2017, https://www.tobb.org.tr.

Причем доля данной группы товаров имела значительное увеличение по сравнению с началом 2000-х гг. Так, в 2003 г. – 39,1%, а 2011 г. уже 50,4%, в 2016 г. – 46,9%. И именно с приходом к власти ПСР мы наблюдаем тенденцию выхода данной товарной группы на первое место. Так, в 2005 г. потребительские товары еще превышали группу сырье и промежуточные товары – 47,4% против 41,2%, но в 2007 г. уже наблюдается рост и опережение доли сырья и промежуточных товаров (их доля составила 46,1% против 40,7%, приходящихся на потребительские товары). Доля потребительских товаров заняла в 2017 г. второе место (в отличие от лидирующих первых позиций в экспорте начала 2000-х гг.) и составила 41% (в 2003 г. – 51,1%, а в 2009 г. – 39,9%). Отмеченная особенность соответствует общей тенденции развития мировой торговли, в связи с чем рынки промежуточных товаров растут быстрее рынков готовых изделий благодаря увеличению числа звеньев в технологической цепочке от сырья до готовой продукции. По существующим оценкам, до 60% мирового экспорта приходится на промежуточную продукцию. Турция, являясь страной, которая в меньшей мере обеспечена сырьем, более открыта процессам формирования связей по производству более сложной промежуточной продукции, что и отражается да росте доли данной товарной группы. Отмечалась еще одна

тенденция, характерная для страны за данный период – увеличение, хотя и не столь значительное, доли в экспорте инвестиционных товаров (9,2% в 2003 г., 10,5% в 2011 г., 11,1% в 2016 г. и 11,7% в 2017 г.), что несомненно демонстрирует позитивные изменения в экспортной стратегии страны. Однако, эта величина пока недостаточно высока в общей доле экспортных товаров, а ведь именно экспорт инвестиционных товаров отражает степень владения национальной экономики собственными конкурентоспособными технологиями.

В последнее время в Турции используются классификации в соответствии с принципами международной торговой статистики. Классификационные принципы национальной статистики делят экспортные и импортные товары на основные сектора экономики.

Таблица 4

Товарная структура экспорта (%)

годы	Продукция сельского хозяйства	Продукция добывающей промышленности	Продукция обрабатывающей промышленности
2003	4,7	1,0	93,9
2005	4,7	1,1	93,7
2007	3,6	1,5	94,2
2009	3,5	1,6	93,4
2011	3,9	2,1	93,4
2013	3,9	2,6	93,1
2015	4,3	1,9	93,4
2016	4,1	1,9	93,7
2017	3,7	2,2	93,7

Рассчитано по: Sektörlere göre ihracat / Ekonomik Raporlar 2003–2017, https://www.tobb.org.tr.

Согласно данному делению, устойчиво лидирующую позицию за указанный период занимала продукция обрабатывающей промышленности, причем ее доля оставалась стабильной на протяжении всего исследуемого периода (2003 г. – 93,9%, 2011 г. – 93,4%, 2015 г. – 93,4%, 2017 г. – 93,7%). Это еще раз подтверждает, что Турция является страной с преимущественно промышленной структурой экспорта. Стоит отметить, что за указанный период времени осваивались новые отрасли обрабатывающей промышленности не только легкой, но и такие как машиностроение, включая автомобилестроение, металлообработка, химия и нефтехимия, оптика, электроника, производство компьютеров и электрооборудования, которые в том числе и поставляли свою продукцию на экспорт. Кроме того, наблюдалось, хоть и незначительное, но увеличение (с 1,1% в 2003 г. до 1,6% в 2009 г. и 2,2% в 2017 г.) продукции добывающей промышленности, что несомненно свидетельствует о ее развитии и отражает направление в экспортной

стратегии, ориентированное на расширение добычи собственных имеющихся природных ресурсов и поиск новых месторождений для использования национальной экономикой. Доля продукции сельскохозяйственной промышленности, напротив, сократилась по сравнению с началом прихода правительства ПСР к власти (с 4,7% в 2003 г. до 3,9% в 2013 г. и 3,7% в 2017 г.), хотя и с незначительными колебаниями по годам. Данная тенденция еще раз подтверждает развитие движения по экспорту от сельского хозяйства в сторону промышленности, причем сначала легкой, а затем и машиностроительной.

Так как, как отмечалось выше, продукция обрабатывающей промышленности занимала лидирующие позиции, рассмотрим структуру экспорта обрабатывающей промышленности по степени технологичности (см. таблицу 5).

Таблица 5

Структура экспорта обрабатывающей промышленности по степени технологичности (%)

	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Товары высокотехнологичн. отраслей	4,8	5,0 (21,5)*	3,2	2,5	2,2	2,1	2,2	3,7
Товары среднетехнологичн. отраслей высокого уровня	26,0	28,5 (41,3)*	32,3	30,4	32,0	31,5	31,6	31,8
Товары среднетехнологичн. отраслей низкого уровня	22,6	26,9 (18,1)*	30,0	34,4	32,5	30,7	29,2	29,5
Товары низкотехнологичн. отраслей	44,9	38,7 (19,1)*	32,6	31,7	32,3	34,5	35,8	35,0

* В скобках указан данный показатель в странах ЕС
Составлено по:

Согласно классификации экспортных и импортных товаров по степени технологичности, которая используется в странах OECD (OECD ISIC. Rev.3), товары обрабатывающей промышленности делятся на товары высокотехнологичных отраслей, среднетехнологичных отраслей высокого и низкого уровня и низкотехнологичных отраслей. Причем, по классификации Организации экономического сотрудничества и развития высокотехнологичными считаются отрасли, в которых показатель наукоемкости превышает 3,5%. Если он находится в диапазоне 3,5–8,5%, то производства и соответствующие продукты относятся к группе технологий «высокого уровня»; если он выше 8,5%, то они характеризуются как «ведущие» наукоемкие технологии.

На начальном этапе исследуемого периода в структуре экспортных товаров обрабатывающей промышленности доля высокотехнологичных товаров в 2003 г. составляла всего 4,8%, в 2005 г. – 5% (для сравнения в странах

ЕС средний показатель в 2005 г. составлял 21,5%). Доля среднетехнологичных товаров высокой и низкой степени в 2005 г. составила 28,5% и 26,9% (в странах ЕС – 41,3% и 18,1%), и низкотехнологичных – 38,7% (в странах ЕС – 19,1). Рассмотрев данную экспортную структуру в динамике с 2003 по 2015 гг., стоит отметить увеличение доли среднетехнологичных товаров отраслей высокого уровня производства (с 26% до 32%) и низкого уровня производства (с 22% до 30%), что несомненно говорит об успехах экспортноориентированной стратегии и увеличении степени технологичности турецкой продукции. Доля же низкотехнологичной продукции сократилась (с 45% в 2003 г., до 38,7% в 2005 г. и 35% в 2015 г.), что также демонстрирует положительную динамику с точки зрения увеличения конкурентоспособности турецкого экспорта по степени технологичности. Однако доля высокотехнологичных товаров оставалась невысокой и даже отмечалось ее сокращение (с 5% в 2003 г. до 3,2% в 2007 г., 2,2% в 2011 г. и 3,7% в 2015 г.). Данные показатели достаточно низкие, особенно по сравнению со странами ЕС. В итоге, экспорт товаров низкотехнологичных отраслей и среднетехнологичных отраслей низкого уровня составлял около 65% общего объема, что говорит о все еще невысоком уровне технологичности турецкой продукции и сохранении ряда проблем, требующих разрешения, таких как: отсутствие достаточной технологической базы, недостаточно быстрое поступление и распределение современного оборудования на производство, отсутствие квалифицированной рабочей силы и др. Для повышения конкурентоспособности турецких товаров власти Турции регулярно включали в свои планы экономического развития страны (DOKUZUNCU KALKINMA PLANI (2007–2013), ONUNCU KALKINMA PLANI (2014–2018)) разработку стратегии развития промышленной отрасли, согласование и координация деятельности в данной сфере с Министерством промышленности и торговли ТР. Таким образом, стоит отметить, что в период правления ПСР рост экспорта и увеличение конкурентоспособности турецких экспортных товаров на мировых рынках, и прежде всего товаров обрабатывающей промышленности, было выбрано в качестве основных направлений политики экономического роста страны.

Национальная статистика Турции предоставляет статистику по товарным группам обрабатывающей промышленности (см. табл. 6).

Таблица 6

Структура экспорта обрабатывающей промышленности (млрд долл. %)

Название товарной группы	2012 г. млрд долл. (%)	2015 г. млрд долл. (%)	2016 г. млрд долл. (%)	2017 г. млрд долл. (%)
Продукция черной металлургии	13,1(12,0%)	7,8(7,2%)	7,2(6,7%)	9,5(7,8%)
Продукция химической промышленности	8,9(8,2%)	9,1(8,4%)	8,5(7,9%)	9,4(7,7%)

Название товарной группы	2012 г. млрд долл. (%)	2015 г. млрд долл. (%)	2016 г. млрд долл. (%)	2017 г. млрд долл. (%)
Прочие промежуточные товары (кожи, шкуры, каучук, бумага, строит. мат., стекло)	14,4(12,2%)	14,0(12,9%)	13,6(12,6%)	14,9(12,3%)
Машины и транспортн. средства (оборуд-е, электрич. и неэлектрич. машиностроение)	37,4(34,4%)	39,3(36,4%)	41,1(38,1)	48,2(39,8%)
Текстильные изделия	11,1(10,2%)	11,2(10,4%)	11,1(10,3%)	11,6(9,6%)
Готовая одежда (изделия из кожи, меха и проч.)	14,3(13,1%)	15,1(14,0%)	15,0(13,9%)	15,1(12,5%)
Прочие потребит. товары (сантехн. продукция, обувь, товары д/отдыха и проч.)	9,5(8,7%)	11,5(10,6%)	11,3(10,5%)	12,3(10,2%)
Итого	108,8 (100%)	108,1 (100%)	108,0 (100%)	121,15 (100%)

Рассчитано и составлено по: İhracatın sektörel dağılımı / T.C. Ticaret Bakanlığı, www.ticaret.gov.tr.

Основными статьями экспорта обрабатывающей промышленности являлись в 2017 г. машины и транспортные средства (39,8%), готовая одежда (12,5%) и прочие промежуточные товары (кожи, шкуры, каучук, бумага и проч.) (12,3%). Далее следовали статьи прочие потребительские товары (10,2%) и текстильные изделия (9,6%). Таким образом, следует отметить, что машины и транспортные средства занимали первое место в экспорте обрабатывающей промышленности, причем их доля увеличилась, например, с 2012 г. по 2017 г. на 5%, а доля продукции черной металлургии напротив сократилась за данный период на 4,2%. Это несомненно говорит об успехах стратегии диверсификации экспорта, по сравнению с началом 2000-х гг., когда большую долю экспорта обрабатывающей промышленности занимали традиционные отрасли, базировавшиеся на использовании дешевой рабочей силы или же природного сырья. Однако, согласно классификации ОЭСР, основанной на сложившейся структуре высокотехнологичных отраслей развитых стран, к средне-технологичным отраслям обрабатывающей промышленности (Medium-hightech manufacturing) относятся производство химикатов и химических продуктов, автомобилей, прицепов и другого транспортного оборудования, а также оборудования и электрооборудования, не классифицируемого по другим отраслям промышленности. Таким образом, статья машины и транспортные средства

в экспорте промышленной продукции относится к продукции средне-технологичных отраслей (промежуточные товары), что подтверждает тенденцию развития технологичности турецкого экспорта, но и говорит о пока еще недостаточно высоком его уровне.

Необходимость страны в определенных товарах покрывается за счет импорта, структура которого также претерпела определенные изменения за исследуемый период.

Классификация структуры импорта по характеру использования товаров демонстрирует, что значительная доля принадлежала инвестиционным товарам и группе сырье и промежуточные товары (см. табл. 7).

Таблица 7

Структура турецкого импорта по характеру использования товаров (%)

Товарные группы	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2016	2017
Инвестиционные товары	16,3	17,5	15,9	15,2	15,5	14,6	16,8	18,1	14,2
Сырье и промежуточные товары	71,7	70,1	72,7	70,6	71,9	73,0	69,2	67,6	73,3
Потребительские товары	11,3	12,0	11,0	13,7	12,3	12,1	13,8	14,1	12,2
Прочее	0,7	0,5	0,4	0,5	0,3	0,3	0,2	0,2	0,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по: Geniş Ekonomik Grup Sınıflamasına Göre İthalat / EkonomikRaporlar 2003–2017, https://www.tobb.org.tr.

Доли данных товарных групп за данный период постоянно колебались, но незначительно (в пределах 2%) и в среднем составляли около 15% и 70% соответственно (в 2017 г. – 14,2% и 73,3%). Импорт сырья и промежуточных товаров занимает неизменно высокую долю в турецком импорте (хотя в 2015 и 2016 гг. имело место небольшое сокращение: в 2015 г. – 69,2% и в 2016 г. – 67,6% против 72,7% в 2007 г. – следствие снижения мировых цен на нефть), что и объясняется зависимостью страны от сырьевых продуктов. В результате, подобное преобладание импорта сырья и промежуточных товаров над инвестиционными товарами и отражается на внешнеторговом обороте, делая его баланс отрицательным. Хотя, если рассматривать долю инвестиционных товаров в конце 90-х и начале 2000-х гг., то стоит отметить тенденцию к сокращению инвестиционных товаров (так, в 2016 г. она составила 18,1%, в 2011 г. – 15,5%, в 2003 г. – 16,3%, в 2000 г. – 20,9%, в 1999 г. – 22,5%). Что говорит об уменьшении зависимости страны от импорта инвестиционных товаров вследствие небольшого роста собственного производства и экспорта товаров данной группы. Доля импорта потребительских товаров также имела за данный период приблизительно стабильные цифры – 11-13% и в 2017 г. составила 12,2%.

Товарная группа сырье и промежуточные товары согласно классификации по отраслям производства частично включается в группу продукции обрабатывающей промышленности, что в итоге и дает стабильное преобладание в импорте продукции обрабатывающей промышленности – около 80% с небольшими колебаниями по годам (см. табл. 8).

Таблица 8

Товарная структура импорта (%)

годы	Продукция сельского хозяйства	Продукция добывающей промышленности	Продукция обрабатывающей промышленности
2003	3,7	13,0	80,3
2005	2,4	14,0	80,7
2007	2,7	14,9	78,8
2009	3,3	14,6	78,8
2011	3,7	15,5	76,4
2013	3,1	15,2	78,2
2015	3,5	13,3	80,5
2016	3,5	9,6	84,2
2017	3,8	11,2	81,6

Рассчитано по: Sektörlere göre ithalat / Ekonomik Raporlar 2003–2017, https://www.tobb.org.tr.

Доля добывающей промышленности составляла за указанный период около 14-15%, что опять же объясняется отсутствием собственного сырья и необходимостью его ввоза. Хотя в последние годы имелась тенденция к снижению продукции данной товарной группы. Так в 2009 г. она составила 14,6%, а в 2017 г. – 11,2%. Вероятно, можно говорить об успехах страны в реализации политики по снижению зависимости от импорта. Продукция сельского хозяйства занимала стабильное третье место, его доля колебалась около 3–4%.

Для оценки зависимости Турции от импорта высокотехнологичной продукции, обратимся к классификации импорта товаров обрабатывающей промышленности по степени технологичности (см. табл. 9).

Таблица 9

Структура импорта обрабатывающей промышленности по степени технологичности (%)

	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Товары высокотехнологичн. отраслей	15,0	14,3	13,0	14,7	12,9	12,3	14,0	15,7
Товары среднетехнологичн. отраслей высокого ур-ня	45,8	45,9	43,6	42,8	43,2	41,2	42,1	44,3
Товары среднетехнологичн. отраслей низкого ур-ня	24,0	27,0	30,4	28,3	30,4	33,8	30,3	26,5
Товары низкотехнологичн. отраслей	15,2	12,8	13,0	14,2	13,5	12,7	13,5	13,5

Составлено по: [18]

Так, доля товаров высокотехнологичных отраслей составляла за указанный период около 13-15%, товаров среднетехнологичных отраслей высокого уровня – около 40-43%, среднетехнологичных отраслей низкой степени переработки – 25-30% и товаров низкотехнологичных отраслей – около 12-14%. Колебания по годам составили около 2%. Однако следует отметить хоть и не столь значительное, но увеличение импорта товаров среднетехнологичных отраслей низкого уровня (с 24% в 2003 г. до 33,8% в 2013 г., 30,3% в 2014 г.), что говорит о пока еще значительной зависимости от среднетехнологичной продукции. Хотя и отмечалось небольшое снижение доли товаров низкотехнологичных отраслей (с 15,2% в 2003 г. до 14,2% в 2009 г. и 13,5% в 2015 г.). В общем, данная картина за исследуемый период по технологичности импортной продукции демонстрирует зависимость Турции от импорта технологичных промежуточных товаров. Ситуация, когда экспорт высокотехнологичных товаров составлял за данный период 3-4% (как отмечалось выше), импорт же – 13-15%, отражает, что Турция вынуждена импортировать высокотехнологичные товары, которые она не производит сама.

Многие турецкие экономисты и исследователи в области экономики считают, что данная проблема представляет собой замкнутый круг, и ее обсуждение вызывает много споров. Так, исследователи факультета экономики и управления Турецкого Университета им. Сытки Кочмана в г. Мугла М. Авджи, С. Уйсал и Р. Ташчи подготовили исследование по обрабатывающей промышленности Турции. Согласно представленным статистическим данным, турецкий экспорт с 2003 по 2015 гг. в основном был представлен промежуточными товарами. Таким образом, Турция не имеет еще достаточно возможностей для производства товаров с высокой добавленной стоимостью и вынуждена их импортировать. В результате чего мы наблюдаем дефицит внешнеторгового баланса.

В правительственной программе по развитию страны отмечалось, что Турция имеет особенности структуры экономики и внешней торговли. Так, страна испытывает потребность в импортных товарах для производства экспортной продукции более высокой добавленной стоимости. И для преодоления этой проблемы нужно создавать более эффективную и технологически развитию экономику. Иначе невозможно будет преодолеть данный замкнутый круг цепочки производственных технологий, и страна будет вынуждена импортировать продукцию для производства национальной продукции. Второй структурной особенностью Турции является то, что страна испытывает потребность в природном сырье и вынуждена его импортировать. А так как мировые цены на сырье постоянно растут, это увеличивает дефицит торгового баланса. В этой связи правительство страны планирует проводить строгий контроль за ценами, отслеживать мировые тенденции по сырью и осуществлять сбалансированную и масштабную политику. Кроме того, отмечалось необходимость своевременной

информационной согласованности между производителями на внутреннем и внешнем рынках.

Для анализа импорта обрабатывающей промышленности обратимся к статистике по товарным группам (см. табл. 10).

Таблица 10

Структура импорта обрабатывающей промышленности по группам товаров (млрд долл. (%))

Название товарной группы	2012 г. млрд долл. (%)	2015 г. млрд долл. (%)	2016 г. млрд долл. (%)	2017 г. млрд долл. (%)
Продукция черной металлургии	11,1(8,4%)	11,4(8,3%)	9,5(6,9%)	11,5(7,9%)
Продукция химической промышленности	29,7(22,4%)	29,0(21,2%)	27,5(20%)	31,4(21,6%)
Прочие промежуточные товары (кожи, шкуры, каучук, бумага, строит. мат., стекло)	10,7(8,1%)	10,8(7,9%)	10,9(7,9%)	11,1(7,6%)
Машины и транспортные средства (оборудование, электрич. и неэлектрич. машиностроение)	61,6(46,5%)	65,5(47,9%)	70,4(51,2%)	71,6(49,3)
Текстильные изделия	6,6(5,0%)	7,3(5,3%)	6,3(4,6%)	7,0(4,8%)
Готовая одежда (изделия из кожи, меха и проч.)	2,7(2,0%)	3,2(2,3%)	3,0(2,2%)	2,4(1,6%)
Прочие потребит. товары (сантехн. прод-я, обувь, товары д/отдыха и проч.)	10,3(7,7%)	12,1(8,9%)	10,7(7,8%)	10,4(7,2%)
Итого	132,6(100%)	136,7(100%)	137,5(100%)	145,3(100%)

Рассчитано и составлено по: İthalatın sektörel dağılımı / T. C. Ticaret Bakanlığı, www.ticaret.gov.tr.

Согласно данным 2017 г. около 50% импорта Турции приходилось на машины и транспортные средства. Данные цифры еще раз подтверждают, что Турция вынуждена импортировать машины и оборудования для компенсации недостатка в собственном производстве (несмотря на то, что как отмечалось выше, около 40% экспорта также приходилось на статью машины и транспортные средства). Причем стоит отметить, что происходило постепенное увеличение доли машин с 2012 по 2017 гг. на 2,8%. Второе и третье место в 2017 г. занимала продукция химической промышленности (21,6%) и черной металлургии (7,9%).

После анализа структуры экспорта и импорта и рассмотрения их доли согласно классификации по характеру использования товаров, можно вычислить коэффициент потоварных взаимосвязей (разница между объемами экспорта и импорта по определенной товарной статье/объем товарооборота по данной статье), который будет отражать зависимость страны от импорта и его превышение над экспортом – если он будет близок к -1,

или показывать сбалансированность товарных потоков, когда будет близок к 0. Обратимся к данным табл. 11.

Таблица 11

Коэффициенты потоварных связей Турции с мировым рынком

Товарные группы	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2016	2017	2018 (янв.-авг.)
Инвестиционные товары	-0,45	-0,45	-0,33	-0,32	-0,45	-0,40	-0,39	-0,39	-0,29	-0,23
Сырье и промежуточные товары	-0,46	-0,46	-0,43	-0,33	-0,44	-0,42	-0,35	-0,34	-0,40	-0,40
Потребительские товары	0,51	0,43	0,40	0,36	0,28	0,33	0,35	0,36	0,40	0,45

Рассчитано по: Geniş ekonomik grupların sınıflamasına (BEC) göre ithalat, 1996–2018; Geniş ekonomik grupların sınıflamasına (BEC) göre ithalat, 1996–2018, http://www.tuik.gov.tr.

Следует сказать, что по инвестиционным товарам отмечается неравновесный характер внешней торговли – коэффициент имеет отрицательные величины. Однако, за рассматриваемый период прослеживается тенденция к снижению данного дисбаланса (за исключением 2011 г.). Так, если в 2003 г. данный показатель составлял -0,45, то в 2007 г. -0,33, в 2015 г. – -0,39, а в 2017 г. уже -0,29 и -0,23 за первые шесть месяцев 2018 года. Данные цифры еще раз демонстрируют позитивные сдвиги в экспорт-ориентированной стратегии и увеличении доли инвестиционных товаров в экспорте, что положительно отражается на развитии экономики в целом. По потребительским товарам данный коэффициент имел в начале 2000-х гг. тенденцию к незначительному снижению (0,51 в 2003 г. и 0,40 в 2007 г.), что говорит о сокращении экспорта потребительских товаров. Зависимость Турции по сырью и промежуточным товарам оставалась примерно стабильной – коэффициент имел отрицательные величины. Хотя в отдельные годы (2009 г., 2015 и 2016 гг.) демонстрировались попытки к снижению зависимости от импорта данной категории товаров. Так, в 2003 г. данный коэффициент составлял -0,46, а в 2009 г. -0,33, в 2015 г. -0,35 и в 2016 г. – -0,34.

Таким образом, в результате проведения экспортноориентированной политики за рассматриваемый период Турция увеличила объемы внешней торговли, наращивая при этом как экспорт, так и импорт. Однако дефицит внешнеторгового баланса продолжал иметь отрицательные значения. Структура турецкого экспорта и импорта претерпела определенные изменения. Опережение доли товарной группы сырье и промежуточные товары над потребительскими товарами говорит о формировании в стране производственных цепочек стоимости. Рост, хоть и незначительный, доли экспорта инвестиционных товаров отражает увеличение степени владения национальной экономики собственными конкурентоспособными товарами. Увеличение доли среднетехнологичных товаров отраслей высокого

и низкого уровня производства также говорит о повышении технологичности продукции. Однако, из-за пока еще низкого уровня производства и экспорта товаров высокотехнологичных отраслей, большую часть импорта занимают товары высокотехнологичных отраслей и среднетехнологичных отраслей высокого уровня, что говорит о пока еще недостаточно высоком уровне технологичности продукции в стране. Преобладание импорта минерального топлива, нефти, реакторов ядерных, котлов и оборудования подтверждает необходимость применения и политики снижения зависимости от импорта, а для этого – создания более эффективной и технологически развитой экономики и обеспечения структурной перестройки национальной промышленности.

Литература/References

1. Gayri safi yurtiçi hasıla, iktisad ifaaliyet kollarına (A21) göre cari fiyatlarla (değer, pay, değişimoranı), 1998-2017//URL: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist.
2. Рассчитано по данным сайта Турецкого статистического общества за1998–2017 гг. URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1108; данным сайта Министерства торговли ТР за 2005-2018 гг. / Yıllara göre dış ticaret// URL: http://risk.gtb.gov.tr/data/572b3a8a1a79f50cd8a22b1a/1-Yillara%20Gore%20Dis%20Ticaret.pdf.
3. Dış Ticaret Değerleri //URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046 (дата обращения: 10.08.2018).
4. Sekizinci beş yıllık kalkınma planı 2001-2005 //URL: http://www.goc.gov.tr/ (дата обращения: 11.10.2018).
5. Волкова С. Л. Торгово-экономические связи Турции с Ираном на современном этапе //Мусульманский мир на исторических рубежах России. Выпуск 5, с. 172.
6. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120613-31-1.pdf (дата обращения: 02.11.2018).
7. Интернет-сайт Турецкого статистического общества: Türkiye İstatistik Kurumu. Yıllara Göre Dış Ticaret // URL: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist (дата обращения: 15.10.2018).
8. Yeni Ekonomi Programı // URL: https://www.memurlar.net/common/news/documents/776254/11246yeni-ekonomi-programipdf.pdf.
9. İhracata Dönük Üretim Stratejisi// URL: https://www.ticaret.gov.tr/ihracat/ihracata-donuk-uretim-stratejisi.
10. Рассчитано по: Türkiye İstatistik Kurumu // Yıllara Göre Dış Ticaret// URL: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist.

11. Интернет-сайт Турецкого статистического общества – Türkiye İstatistik Kurumu // Yıllara Göre Dış Ticaret// URL: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist.

12. Ульченко Н. Ю. Перспективы экономического сотрудничества Турецкой Республики и Российской Федерации после кризиса 2015 г. // Мусульманский мир на исторических рубежах России. Выпуск 5, с. 54.

13. Dokuzuncu kalkınma planı // URL: https://www/pbk.tbmm.gov.tr/dokumanlar/kalkinma-plani-9-genel-kurul.pdf; 2009 Yılı Programı // URL: https://www.dunya.com/ekonomi/2009-yili-programi-yayimlandi-haberi-59120; Avcı M., Uysal S, Taşçı R. Türk İmalat Sanayinin Teknolojik Yapısı Üzerine Bir Değerlendirme / Türk İmalat Sanayi'nin Teknoloji Düzeylerine Göre İhracat Miktarı (Milyar $) ve Yüzdesi // Sosyal ve beşeri bilimler araştırmaları dergisi // Bahar/Spring 2016. Cilt. Volume 17. Sayı/Issue 36. URL: http:// www.dergipark.gov.tr.

14. Гаврилова С. В. Концептуальные основы определения высокотехнологичного сектора экономики и функционирования высокотехнологичных компаний // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. М., 2, 2014, с. 54.

15. İmalat Sanayii Üretimve İhracatının Yapısı // URL:https://pbk.tbmm.gov.tr/dokumanlar/kalkinma-plani-9-genel-kurul.pdf (дата обращения 22.09.2018).

16. Гаврилова С. В. Концептуальные основы определения высокотехнологичного сектора экономики и функционирования высокотехнологичных компаний // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. М., 2,2014,с. 54.

17. URL: http://rapory.tuik.gov.tr/26-09-2018-14:29:22-13969716616914324761884084318.html? (дата обращения 18. 08.2018).

18. Avcı M., Uysal S., Taşçı R. Türk İmalat Sanayinin Teknolojik Yapısı Üzerine Bir Değerlendirme/Türk İmalat Sanayi'nin Teknoloji Düzeylerine Göre İthalat Miktarı (Milyar $) ve Yüzdesi // Sosyal ve beşeri bilimler araştırmaları dergisi. Bahar/Spring 2016. Cilt.Volume 17. Sayı/Issue 36. URL: //http: www. dergipark.gov.tr.

19. Ibid.

20. Kamu Politikası Tasarımında Davranışsal Yaklaşım/Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı // URL: https://www. ticaret.gov.tr/data/5b9623ea13b8761ce82c5e34/senin_kararin_mi.pdf (дата обращения: 05.11.2018).

*Кочешков Г. А.**

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВКЛАДА ЭКСПОРТА В РОСТ ЭКОНОМИКИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2000 – 2010-е гг.

Kocheshkov G. A.**

ON SOME ASPECTS OF THE EXPORT'S CONTRIBUTION TO THE ECONOMIC GROWTH OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA DURING THE 2000s–2010s

Аннотация: В статье даётся оценка вклада экспорта в экономический рост КНР за 2000–2010-е годы. Делается вывод, что на рубеже 2000–2010-х годов после экономического кризиса, начавшегося в 2008 году, на фоне ухудшившейся внешней конъюнктуры в Китае произошла смена модели экономического развития: вклад расширения экспорта в экономический рост КНР резко сократился, и именно сокращение этого вклада объясняет общее замедление темпов роста экономики Китая. Проведены расчёты вклада экспорта в экономический рост КНР за 2000–2010-е годы: как за отдельные годы, так и за докризисный, кризисный и посткризисный периоды.

Ключевые слова: Китай, экономика, экспорт, экономический рост, иностранный капитал, смена модели экономического развития, новая нормальность.

Abstract: This article gives an estimation of the export's contribution to the PRC's economic growth during the 2000s-2010s. The conclusion is that China changed its economic development model at the turn of 2000s and 2010s after 2008 global economic crisis amid deterioration of the external economic situation: the export's contribution to the PRC's economic growth decreased dramatically and this decrease explains the overall slowdown of the Chinese economic growth. There were also made calculations to estimate the export's contribution to the PRC's economic growth during the 2000s-2010s: this contribution was calculated for individual years as well as for pre-crisis, crisis and post-crisis periods.

Keywords: China, economy, exports, economic growth, foreign capital, the change of economic development model, New Normal.

На фоне увеличения роли КНР в мировой экономике, замедления темпов роста экономики Китая в последние годы по сравнению с первым десятилетием XXI века, а также разворачивающегося экономического конфликта между Пекином и Вашингтоном, всё чаще встаёт вопрос о том, в какой степени Китаю удастся сохранить высокие, а точнее, уже средневысокие темпы роста своей экономики в условиях нестабильной и ухудшающейся внешней

* *Кочешков Георгий Андреевич* – выпускник магистратуры ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

** *Kocheshkov G. A.* – Student of Institute of the Asian and African Studies, Moscow University.

конъюнктуры. В частности, из-за такого важного фактора, как снижение спроса на продукцию китайского экспорта.

Ещё со времени поездки на юг Дэн Сяопина в 1992 году, сломившей сопротивление противников рыночных реформ[1], началась реализация той модели сборочной мастерской мира, которая определяла имидж китайской экономики многие годы: привлечение иностранных инвестиций за счёт дешёвой рабочей силы и экспорт произведённых таким образом товаров. Так, именно в 1992 году объём привлечённых Китаем ПИИ впервые превысил объём иностранных займов и кредитов и составил более половины объёма иностранного капитала, поступившего в КНР[2].

После же вступления Китая в ВТО в 2001 году экспортная ориентация китайской экономики стала проявляться ещё сильнее, и это продолжалось вплоть до кризиса 2008 года. А снижение спроса на китайскую продукцию на внешних рынках после кризиса, в годы «новой нормальности», стало одним из значимых факторов замедления темпов роста её ВВП[3].

Вместе с тем важно вычислить конкретные значения вклада экспорта в экономический рост КНР за 2000-е и 2010-е годы, чтобы лучше понять значимость этого фактора и оценить, какую роль он может сыграть в будущем. Такой период автор предлагает, не только из-за того, что это первые два десятилетия XXI века, но и так как, как уже сказано выше, 2001 год – год вступления Китая в ВТО, а это событие, которое является значимой вехой не только для китайской, но и для мировой экономики в целом[4].

При этом, с одной стороны, для лучшего понимания процессов данного периода в ряде случаев будут рассматриваться и более ранние, 1990-е годы, а, с другой стороны, в основном рассматриваемый период будет ограничен 2017 годом. Во-первых, в самой КНР осенью 2017 года на 19 съезде КПК была официально объявлена «новая эпоха развития социализма с китайской спецификой»[5]. Во-вторых, в следующем, 2018 году, США начали

[1] Смирнов Д. А. Двадцатилетие поездки Дэн Сяопина на Юг Китая: вопросы теории и практики // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2 / Редколл.: А. И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. – 487 стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 9 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.). С. 390–397. Гельбрас В. Г. Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949–2007. Курс лекций. Ч. 1. / МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Гуманитарий, 2007. – 428 с. (С. 192)

[2] Гельбрас В. Г. Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949–2007. Курс лекций. Ч. 1. / МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Гуманитарий, 2007. – 428 с. (С. 206)

[3] Островский А. В. Ожидает ли китайскую экономику «жесткая посадка» в годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.)? // 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) – важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменнов. – М.: ИДВ РАН, 2018. – С. 5–20

[4] Пекин, когда ему нужно, также вспоминает о значимости данного события, например, в белой книге «Китай и ВТО». 《中国与世界贸易组织》白皮书 URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018–06/28/c_1123050189.htm (Дата обращения: 11.06.2019)

[5] 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 (Доклад, с которым Си Цзиньпин выступил на 19 съезде Коммунистической партии Китая) URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094–29613660.html (дата обращения: 09.06.2019)

открытую торговую войну против КНР, а это кардинально новый фактор, влияющий на развитие китайской экономики.

Периодизация экономического развития Китая за 2000–2010-е годы

Для большего удобства при анализе разделим временной отрезок 2001–2017 гг. на более короткие периоды. С учётом мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 году, логично выделить три периода: докризисный (до 2007 года включительно), кризисный, а также посткризисный.

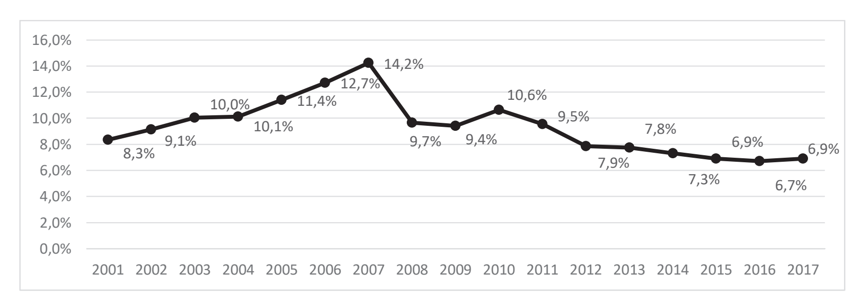
При этом в условиях Китая автор предлагает обозначить начало посткризисного периода 2012 годом. Во-первых, это год, когда начался процесс передачи власти нынешнему лидеру КНР Си Цзиньпину. Во-вторых, хотя в 2011 году темпы роста ВВП и снизились по сравнению с 2010 годом, они всё ещё остались на уровне выше 9%.

Также, с учётом того, что Китай вступил в ВТО только в декабре 2001 года[6], автор предлагает за первый год докризисного периода взять не 2001 год, а 2002 год, так как в 2001 году последствия вступления КНР в ВТО явно ещё не успели сказаться в полной мере. Правда, также нельзя сказать, что предшествующие переговоры о вступлении в эту организацию уже тогда не оказывали влияние на китайскую экономику[7].

Таким образом, за 2000-е и 2010-е годы мы будем рассматривать следующие периоды: докризисный (2002–2007 гг.: возрастающие высокие темпы роста, в среднем, ежегодно 11,3% ВВП), кризисный (2008–2011 гг.: годовые темпы роста на уровне 9–11% ВВП, в среднем, 9,8%) и посткризисный (2012–2017 гг.: снижающиеся темпы роста, ниже 8% в годовом выражении, в среднем, 7,2%).

Рисунок 1

Темпы роста ВВП КНР за 2001–2017 гг.

Источник: По данным табл. 3–4 ежегодника ГСУ 2018 года (中国统计年鉴 – 2018) и World Bank Open Data. GDP growth (annual%). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (Дата обращения: 28.04.2019).

[6] China and the WTO // World Trade Organization URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/china_e.htm (дата обращения: 28.04.2019)

[7] WTO successfully concludes negotiations on China's entry // WTO NEWS: 2001 PRESS RELEASES, Press/243, 17 September 2001 URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres01_e/pr243_e.htm (дата обращения: 28.04.2019)

Помимо этого, по возможности и для лучшего понимания процессов 2000–2010-х годов, также будут проведены расчёты и для периода 1992–2001 гг.

Вклад эффектов расширения внутреннего спроса, расширения экспорта и импортозамещения в экономический рост КНР

Для расчёта роли экспорта в экономическом росте Китая, с помощью формулы **ΔY = d1×ΔS + ΔX + (d2-d1)×S2** разделим рост ВВП КНР на три эффекта: расширения внутреннего спроса, расширения экспорта и импортозамещения. Рассчитаем величину трёх этих эффектов для КНР за каждый из периодов 2000-х и 2010-х гг., а также за предшествующий им период 1992–2001 гг.

В данной формуле **ΔY** – прирост ВВП, **S1** и **S2** – внутреннее предложение ресурсов **(Y-X+M)** в начале и конце периода, **d1** и **d2** – соответственно доли внутреннего производства **(Y-X)** в начале и конце периода во внутреннем предложении ресурсов – **(Y-X)/(Y-X+M)**[8]. **d1×ΔS** представляет расширение внутреннего спроса, **ΔX** – расширение экспорта, а **(d2-d1)×S2** – импортозамещение.

Результаты вышеописанных расчётов представлены в таблицах 1–4[9].

Для начала посмотрим докризисный период (2002–2007 гг.) и предшествующий ему период от поездки на юг Дэн Сяопина до вступления Китая в ВТО (1992–2001 гг.).

Таблица 1

Вклады эффектов расширения внутреннего спроса, расширения экспорта и импортозамещения в рост экономики КНР за период 1992–2001 гг.

	Эффект расширения внутреннего спроса		Эффект расширения экспорта		Эффект импортозамещения		Прирост ВВП
	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП
1992	14,0%	(98,7%)	3,4%	(23,9%)	-3,2%	(–22,5%)	14,2%
1993	15,4%	(111,1%)	3,4%	(24,2%)	-4,9%	(–35,4%)	13,9%
1994	7,2%	(55,5%)	4,3%	(32,6%)	1,6%	(11,9%)	13,1%
1995	8,6%	(78,8%)	1,4%	(12,6%)	0,9%	(8,6%)	10,9%

[8] Источник формулы: Мельянцев В. А. Страны Запада, Востока и Россия: долгосрочные тенденции, факторы и противоречия экономического развития. – Вестник московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. № 2. С. 14

[9] Расчёты проведены на основе данных World Bank Open Data. ВВП 1991 года был принят в качестве базовой единицы, величины экспорта и импорта рассчитывались исходя из их доли относительно ВВП. World Bank Open Data. GDP growth (annual%). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (Дата обращения: 29.04.2019). World Bank Open Data. Exports of goods and services (% of GDP). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS (Дата обращения: 29.04.2019). World Bank Open Data. Imports of goods and services (% of GDP). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.ZS (Дата обращения: 29.04.2019). В таблицах 1–4 представлены результаты расчётов по данной формуле.

	Эффект расширения внутреннего спроса		Эффект расширения экспорта		Эффект импортозамещения		Прирост ВВП
	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП
1996	7,8%	(78,3%)	1,8%	(17,6%)	0,4%	(4,0%)	9,9%
1997	5,4%	(58,1%)	3,4%	(36,5%)	0,5%	(5,4%)	9,2%
1998	6,5%	(82,7%)	0,3%	(3,7%)	1,1%	(13,6%)	7,8%
1999	7,6%	(99,1%)	1,2%	(15,8%)	-1,1%	(–15,0%)	7,7%
2000	7,3%	(86,4%)	4,5%	(53,1%)	-3,4%	(–39,5%)	8,5%
2001	6,8%	(82,0%)	1,1%	(13,3%)	0,4%	(4,6%)	8,3%
В среднем	8,5%	(82,7%)	2,5%	(23,8%)	-0,7%	(–6,5%)	10,3%

Таблица 2

Вклады эффектов расширения внутреннего спроса, расширения экспорта и импортозамещения в рост экономики КНР за докризисный период (2002–2007 гг.)

	Эффект расширения внутреннего спроса		Эффект расширения экспорта		Эффект импортозамещения		Прирост ВВП
	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП
2002	6,9%	(75,4%)	4,4%	(48,2%)	-2,2%	(–23,5%)	9,1%
2003	8,1%	(80,7%)	7,0%	(70,2%)	-5,1%	(–50,9%)	10,0%
2004	7,0%	(69,3%)	7,2%	(71,4%)	-4,1%	(–40,7%)	10,1%
2005	5,6%	(49,3%)	6,6%	(58,1%)	-0,8%	(–7,4%)	11,4%
2006	6,7%	(52,9%)	6,8%	(53,4%)	-0,8%	(–6,3%)	12,7%
2007	8,2%	(58,0%)	4,4%	(30,8%)	1,6%	(11,2%)	14,2%
В среднем	6,9%	(61,5%)	5,9%	(52,2%)	-1,5%	(–13,7%)	11,3%

В целом, можно увидеть некоторые общие тенденции. Во-первых, расширение экспорта играло значительную роль в оба рассматриваемых периода (в среднем, около ¼ всего прироста в 1992–2001 гг. и около ½ всего прироста в 2002–2007 гг.). Во-вторых, в оба этих периода эффект импортозамещения, в среднем, имел отрицательные значения, хотя в отдельные годы (1995–1998 гг., 2001 г. и 2007 г.), он и был положительным.

Также стоит отметить, что вступление в ВТО резко увеличило значение вклада расширения экспорта: за 2002–2007 гг. доля экспорта в приросте ВВП ни разу не падала ниже 30%, а в 2003 и 2004 годы даже превысила 70%.

Иную картину можно наблюдать в кризисный период 2008–2011 гг.

Таблица 3

Вклады эффектов расширения внутреннего спроса, расширения экспорта и импортозамещения в рост экономики КНР за кризисный период (2008–2011 гг.)

	Эффект расширения внутреннего спроса		Эффект расширения экспорта		Эффект импортозамещения		Прирост ВВП
	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП
2008	7,1%	(73,3%)	0,3%	(2,8%)	2,3%	(23,9%)	9,7%
2009	9,0%	(95,3%)	-5,8%	(–61,3%)	6,2%	(66,0%)	9,4%
2010	8,6%	(81,0%)	4,6%	(43,3%)	-2,6%	(–24,3%)	10,6%
2011	8,1%	(84,8%)	2,8%	(28,9%)	-1,3%	(–13,7%)	9,5%
В среднем	8,2%	(83,7%)	0,7%	(6,9%)	0,9%	(9,4%)	9,8%

В данном случае скорее выражены не общие тренды, а их отсутствие – разные годы сильно различаются по величине и направлению эффектов: если в 2008 г. и особенно в 2009 г. роль экспорта в росте резко снизилась (и даже стала резко отрицательной в 2009 г.), а роль импортозамещения – увеличилась, в 2010 и 2011 гг., когда шло восстановление мировой экономики, картина, в целом, казалось бы, вернулась к докризисному виду.

Тем не менее, данный период стал переломным и весьма показательным в одном отношении: стало ясно, что китайская экономика очень сильно (и возможно, даже слишком сильно) зависит от внешних рынков. Особенно явно это показал 2009 год, ставший пиком падения для мировой экономики.

Конечно, у самой КНР темпы роста, в целом, если и снизились, то всё равно сохранились на достаточно высоком уровне, однако эффект расширения экспорта не просто резко снизился, а достиг отрицательного значения почти в 6% ВВП. Фактически, если бы не чрезвычайные меры, принятые китайским правительством для поддержки своей экономики, выражавшиеся прежде всего в гигантских вложениях в инфраструктуру[10], чтобы компенсировать данное падение экспорта, темпы роста китайской экономики могли снизиться практически до нуля (с учётом возможного падения смежных отраслей – даже стать отрицательными).

Ещё более выражено падение вклада расширения экспорта проявилось в посткризисный период.

[10] Конкретно, в 2008 году было анонсировано вливание 4 трлн юаней или 586 млрд американских долларов по тогдашнему курсу. Bosler C. Huang Y. China's Debt Dilemma: Deleveraging While Generating Growth // Carnegie Endowment for International Peace, September 18, 2014 URL: https://carnegieendowment.org/2014/09/18/china-s-debt-dilemma-deleveraging-while-generating-growth (дата обращения: 01.05.2019).

Таблица 4

Вклады эффектов расширения внутреннего спроса, расширения экспорта и импортозамещения в рост экономики КНР за посткризисный период (2012–2017 гг.)

	Эффект расширения внутреннего спроса		Эффект расширения экспорта		Эффект импортозамещения		Прирост ВВП
	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП	(Доля)	% ВВП
2012	5,5%	(70,2%)	0,9%	(11,6%)	1,4%	(18,2%)	7,9%
2013	6,0%	(77,4%)	1,0%	(12,9%)	0,8%	(9,7%)	7,8%
2014	5,8%	(79,3%)	0,7%	(9,7%)	0,8%	(11,1%)	7,3%
2015	4,3%	(62,8%)	-0,7%	(–9,8%)	3,2%	(46,9%)	6,9%
2016	6,1%	(91,1%)	-0,4%	(–5,6%)	1,0%	(14,5%)	6,7%
2017	6,0%	(87,6%)	1,5%	(21,2%)	-0,6%	(–8,8%)	6,9%
В среднем	5,7%	(78,5%)	0,5%	(6,8%)	1,1%	(14,7%)	7,2%

Как можно увидеть, вклад расширения экспорта сильно снизился, составив, в среднем, около 1/15 роста китайской экономики, причём в 2015 и 2016 годах этот эффект имел даже отрицательное значение. При этом, за исключением 2017 г., эффект импортозамещения наоборот имел стабильно положительное значение и, в среднем, дал около 1/7 прироста ВВП или 1,1% ВВП.

В целом же за все рассматриваемые периоды, расширение экспорта дало в 1992–2001 гг. 2,5% ВВП (23,8%) из 10,3% среднегодового прироста, в 2002–2007 гг. 5,9% ВВП (52,2%) из 11,3% среднегодового прироста, в 2008–2011 гг. 0,7% ВВП (6,9%) из 9,8% среднегодового прироста и в 2012–2017 гг. 0,5% ВВП (6,8%) из 7,2% среднегодового прироста ВВП.

Таким образом, можно сказать, что изменение вклада расширения экспорта в рост ВВП КНР во многом, если не целиком, объясняет замедление китайской экономики в посткризисный период по сравнению с докризисным.

Между тем, роль экспорта в росте китайской экономики может оказаться даже больше, чем кажется при первом рассмотрении, проведённом выше. Дело в том, что в китайском экспорте его подавляющий объём составляет экспорт товаров (более 90% от всего экспорта), а не услуг, причём товаров обрабатывающей промышленности (более 90% от товарного экспорта)[11]. А поэтому его влияние на рост добавленной стоимости в промышленности или вторичном секторе будет даже больше.

Чтобы проверить это, рассчитаем ещё одну вещь: вклад прироста экспорта товаров обрабатывающей промышленности в прирост

[11] По данным ГСУ КНР.国家数据 // 中华人民共和国国家统计局 URL: http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 09.06.2019).

добавленной стоимости, созданной в промышленности[12] и вторичном секторе. В данном случае мы используем более простой вариант использованной выше формулы: просто ΔX (расширение экспорта, в данном случае, товаров обрабатывающей промышленности) делённое на ΔY (прирост добавленной стоимости, созданной в промышленности или вторичном секторе соответственно).

Таблица 5

Вклад прироста экспорта товаров обрабатывающей промышленности в прирост добавленной стоимости, созданной в промышленности и во вторичном секторе за указанные периоды

	Вклад расширения экспорта товаров обрабатывающей промышленности в прирост добавленной стоимости, созданной в промышленности	Вклад расширения экспорта товаров обрабатывающей промышленности в прирост добавленной стоимости, созданной во вторичном секторе
Период 1992–2001 гг.	50%	44%
Период 2002–2007 гг.	114%	101%
Период 2008–2011 гг.	11%	9%
Период 2012–2017 гг.	26%	20%

Источник: Рассчитано по данным базы данных ГСУ КНР. 国家数据 // 中华人民共和国国家统计局. URL: http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 28.04.2019).

Как видно, в росте промышленности и вторичного сектора расширение экспорта играло ещё большую роль, чем для экономики в целом, вплоть до того, что за период 2002–2007 гг. расширение сбыта товаров на внешние рынки было даже большим, чем рост производства добавленной стоимости (т. е. происходила переориентация уже существующего производства с внутреннего рынка на внешний). И даже в посткризисный период около четверти прироста промышленного производства произошло за счёт расширения экспорта.

Роль предприятий с участием иностранного капитала в расширении экспорта и росте ВВП КНР

Важно обратить внимание на ещё один аспект расширения китайского экспорта – значительная его часть приходится на предприятия с участием иностранного капитала.

[12] Для промышленности корректнее было бы сделать расчёт исходя из экспорта всей промышленной продукции, а не только продукции обрабатывающей промышленности, но выделить из первичных товаров только промышленные, чтобы учесть и их, учитывая особенности китайской статистики, делящей товары на первичные и вторичные, достаточно сложно. К тому же, таким образом можно незначительно недооценить вклад экспорта, но не переоценить его.

Обычно роль последнего в экономике рассчитывают исходя из величины притока ПИИ в экономику или накопленного объёма ПИИ. И стоит отметить, что в данном случае наблюдается устойчивое снижение его роли, если исходить из величины притока ПИИ (например, относительно валовых капиталовложений), но, если говорить о величине накопленных ПИИ в китайской экономике относительно ВВП, картина изменения роли иностранного капитала куда менее очевидная.

Таблица 6

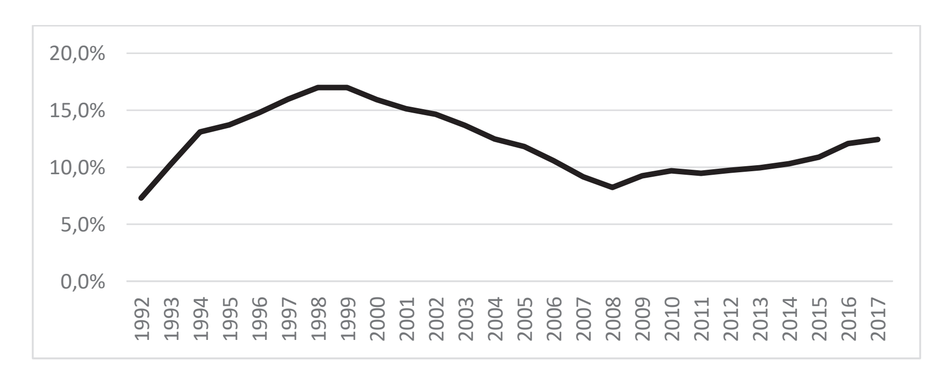
Среднегодовой показатель притока ПИИ относительно валовых капиталовложений по данным различных статистических баз данных

	ВБ	Unctad	ГСУ
1992–2001 гг.	11,4%	11,1%	11,1%
2002–2007 гг.	9,8%	7,5%	7,0%
2008–2011 гг.	7,6%	4,2%	3,8%
2012–2017 гг.	4,9%	2,7%	2,5%

Источники: World Bank Open Data. Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US$). URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD (дата обращения: 09.03.2019). World Bank Open Data. Gross capital formation (current US$). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.CD (дата обращения: 09.03.2019). UNCTADstat // UNCTAD URL: http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html (дата обращения: 09.03.2019). 国家数据 // 中华人民共和国国家统计局 URL: http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 09.03.2019).

Рисунок 2

Накопленные ПИИ в экономике КНР по отношению к ВВП КНР за 1992–2017 гг.

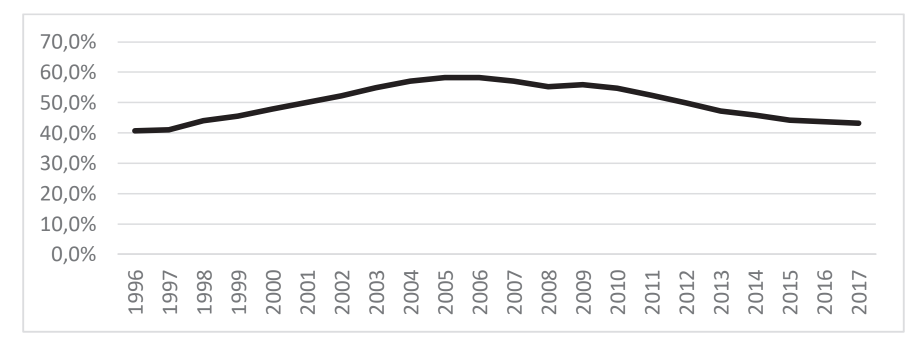
Источник: UNCTADstat // UNCTAD URL: http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html (дата обращения: 09.03.2019).

Однако китайская статистика также приводит ещё один важный показатель – объём экспорта (и импорта) товаров предприятий с участием иностранного капитала. К сожалению, удалось найти эти данные только

начиная с 1996 года, однако, поскольку основной рассматриваемый период – 2000–2010-е годы, это не является большой проблемой.

Рисунок 3

Доля предприятий с иностранным участием в общем объёме товарного экспорта за 1996–2017 гг.

Источник: Рассчитано на основе данных из базы данных ГСУ, а также ежегодников ГСУ КНР (中国统计年鉴) 1999–2018 гг. для тех лет, для которых в базе данных нет данных.

Как видно, вплоть до 2005 года роль предприятий с участием иностранного капитала в товарном экспорте устойчиво увеличивалась, однако в посткризисный период (и даже раньше – уже после 2009 года) она наоборот стала устойчиво уменьшаться.

Но главное, что, зная эти данные, мы можем рассчитать непосредственный вклад иностранного капитала в расширение экспорта и, таким образом, в рост ВВП КНР, вычленив долю расширения экспорта предприятий с участием иностранного капитала из вклада расширения товарного экспорта в целом. Да, это будет не совсем полным показателем, поскольку ГСУ КНР даёт данные только по товарному экспорту, а не услугам, однако поскольку, как уже было сказано выше, основной китайский экспорт – товарный, это не является критической проблемой.

Таблица 7

Вклад расширения товарного экспорта предприятий с участием иностранного капитала в рост экономики КНР

	Прирост ВВП, среднегодовой показатель за период	Расширение товарного экспорта КНР, среднегодовой показатель за период		Расширение товарного экспорта предприятий с участием иностранного капитала, среднегодовой показатель за период		
	% ВВП	% ВВП	Доля от прироста ВВП	% ВВП	Доля от прироста ВВП	Доля от прироста экспорта
1997–2001 гг.	8,3%	2,0%	24,7%	1,3%	15,7%	63,6%
2002–2007 гг.	11,3%	5,8%	51,2%	3,5%	30,7%	60,0%

	Прирост ВВП, среднегодовой показатель за период	Расширение товарного экспорта КНР, среднегодовой показатель за период		Расширение товарного экспорта предприятий с участием иностранного капитала, среднегодовой показатель за период		
2008–2011 гг.	9,8%	0,4%	4,5%	-0,1%	-1,1%	-25,0%
2012–2017 гг.	7,2%	0,4%	6,0%	-0,1%	-1,9%	-31,0%

Источник: Рассчитано на основе данных из базы данных ГСУ, а также ежегодников ГСУ КНР (中国统计年鉴) 1999–2018 гг. для тех лет, для которых в базе данных нет данных.

Как можно увидеть, картина получается достаточно чёткая. В докризисный период (также, как и в период, предшествующий вступлению Китая в ВТО) предприятия с участием иностранного капитала сыграли большую роль в расширении китайского экспорта, и, следовательно, экономики в целом: порядка 60% прироста экспорта и, в среднем, 16% прироста экономики в 1997–2001 гг. и 31% – в 2002–2007 гг. соответственно.

Однако кризис сильно ударил не только по экспорту в целом, но и конкретно по экспорту предприятий с участием иностранного капитала: в посткризисный период рост их экспорта фактически снизился до нуля (и даже достиг отрицательных значений).

Конечно, если считать относительно изменений ВВП КНР, приняв величину какого-то конкретного года за базовую единицу, так как в номинальном, долларовом выражении, картина немного другая: в 2007 году объём товарного экспорта предприятий с участием иностранного капитала составил 695 млрд долл. и к 2011 году он вырос до уровня примерно 1 трлн долл. Однако затем он и в номинальном выражении так и замер примерно на этом уровне: 995 млрд долл. в 2011 году, 1074 млрд долл. на пике в 2014 году и 978 млрд долл. в 2017 году[13].

* * *

Таким образом мы можем сделать вывод, что после начала мирового экономического кризиса 2008 года вклад расширения экспорта в экономический рост Китая резко снизился по сравнению с докризисиным периодом, можно даже сказать, что до близких к нулевым значениям: если до кризиса экспорт давал 1/4–1/2 роста ВВП КНР, причём около 60% этой величины приходилось на предприятия с участием иностранного капитала, после кризиса на экспорт приходится только около 1/15 роста ВВП и вклад предприятий с участием иностранного капитала в эти годы формально стал близким к нулевому, если считать его через вклад этих предприятий в расширение экспорта.

[13] Данные ГСУ КНР.

В процентных пунктах ВВП вклад экспорта в рост экономики КНР упал более чем в 10 раз: с 5,9% до 0,5% ВВП. Фактически можно говорить о том, что в результате мирового экономического кризиса в КНР сменилась модель экономического развития, пусть это и произошло в значительной степени вынужденно.

Однако можно ли из этого сделать вывод, что ухудшившаяся внешняя конъюнктура, в частности, экономический конфликт с США, не окажут на рост китайской экономики серьёзного влияния? Не совсем. Да, вклад экспорта в рост китайской экономики и вклад иностранного капитала в рост китайского экспорта в последние годы итак снизились до значений, близких к нулевым. Однако одно дело – близкие к нулевым значения и совсем другое – отрицательный вклад.

С одной стороны, после кризиса внешняя конъюнктура для китайской экономики итак была не самой благоприятной, и поэтому экономика КНР уже во многом адаптировалась к «новой нормальности» невозможности роста за счёт расширения экспорта. Однако, с другой стороны, пока что эта адаптация по большей части выражена в снижении темпов рост как раз примерно на величину вклада экспорта в докризисный период, а такие вещи, как увеличение роли третичного сектора (сферы услуг) – во многом следствие того, что эти отрасли, в отличие от промышленности, растут, в основном, за счёт сбыта на внутренний, а не внешние рынки.

К тому же, для промышленности около ¼ прироста произведённой в ней добавленной стоимости по-прежнему приходится на расширение экспорта. Это, конечно, меньше, чем едва ли не весь прирост в докризисный период, но всё равно значительная величина.

Что касается возможных конкретных последствий американо-китайского конфликта для экономики КНР, сделаем прикидку исходя из того, что на экспорт в США приходится порядка 4% китайского ВВП[14]. Величина достаточно значительная, хотя и вряд ли критическая. Однако с учётом того, что подавляющая часть этих 4% ВВП (более 95%) – товарный экспорт[15], на экспорт в США приходится около 1/10 китайского промышленного производства. И таким образом, с учётом смежных отраслей, США могут напрямую ударить по 4–10% китайской экономики за счёт введения запретительных пошлин или иных мер, которые позволят снизить импорт из КНР до близких к нулевым значениям.

---

[14] Правда, если исходить из американских данных по торговле, эта величина скорее чуть больше 4 % ВВП, в то время как по китайским данным, скорее ближе к трём с половиной процентным пунктам. Возможно, такая разница объясняется тем, что часть китайского экспорта идёт в США не напрямую, а через Гонконг и другие юрисдикции. The People's Republic of China // Office of the United States Trade Representative URL: https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china (Дата обращения: 11.06.2019). 2018年中美贸易投资简况 // 中国华人民共和国商务部 URL: http://www.mofcom.gov.cn/article/i/dxfw/nbgz/201905/20190502859509.shtml (Дата обращения: 11.06.2019)

[15] The People's Republic of China // Office of the United States Trade Representative URL: https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china (Дата обращения: 11.06.2019)

Похожий удар китайская экономика уже испытывала в 2009 году (возможно даже, если считать в процентных пунктах ВВП, он был сильнее), однако тогда, во-первых, темпы роста в предшествующие годы были выше, чем сейчас, а, во-вторых, удержаться Китаю удалось во многом только за счёт антикризисных мер, связанных с вливанием значительных средств в экономику. Возможно в этот раз Пекину также удастся принять меры, которые скомпенсируют падение экспорта, однако нет гарантий, что они и на этот окажутся столь же успешными.

Литература/References

1. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949–2007. Курс лекций. Ч. 1. / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Гуманитарий, 2007. – 428 с.
2. Мельянцев В.А. Страны Запада, Востока и Россия: долгосрочные тенденции, факторы и противоречия экономического развития. – Вестник московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. № 2. С. 3–26.
3. Островский А.В. Ожидает ли китайскую экономику «жесткая посадка» в годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.)? // 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) – важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. – М.: ИДВ РАН, 2018. – С. 5–20.
4. Смирнов Д.А. Двадцатилетие поездки Дэн Сяопина на Юг Китая: вопросы теории и практики // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. – 487 стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 9 / Редколл.: А.И. Кобзев и др.). С. 390–397.
5. Bosler C. Huang Y. China’s Debt Dilemma: Deleveraging While Generating Growth // Carnegie Endowment for International Peace, September 18, 2014 URL: https://carnegieendowment.org/2014/09/18/china-s-debt-dilemma-deleveraging-while-generating-growth (дата обращения: 01.05.2019).
6. China and the WTO // World Trade Organization URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/china_e.htm (дата обращения: 28.04.2019).
7. The People's Republic of China // Office of the United States Trade Representative URL: https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china (дата обращения: 11.06.2019).
8. UNCTADstat // UNCTAD URL: http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html.
9. World Bank Open Data // The World Bank URL: http://data.worldbank.org.

10. WTO successfully concludes negotiations on China's entry // WTO NEWS: 2001 PRESS RELEASES, Press/243, 17 September 2001 URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres01_e/pr243_e.htm (дата обращения: 28.04.2019).

11. 1999–2018. 中国统计年鉴. (1999–2018. Китайский статистический ежегодник, всего 20 ежегодников).

12. 2018 年中美贸易投资简况 // 中国华人民共和国商务部 URL: http://www.mofcom.gov.cn/article/i/dxfw/nbgz/201905/20190502859509.shtml (дата обращения: 11.06.2019).

13. 国家数据 // 中华人民共和国国家统计局 (Национальная статистика // Государственное статистическое управление КНР) URL: http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01.

14. 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 (Доклад, с которым Си Цзиньпин выступил на 19 съезде Коммунистической партии Китая) URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094–29613660.html (дата обращения: 09.06.2019).

15. 《中国与世界贸易组织》白皮书 (Белая книга «Китай и ВТО») URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018–06/28/c_1123050189.htm (дата обращения: 11.06.2019).

*Лебедева Н. Б.**

СТАНЕТ ЛИ QUAD 2.0. ФОРМАТОМ QUINT?

Lebedeva N. B.**

CAN QUAD 2.0 BECOME QUINT FORMAT?

Аннотация: В статье рассматриваются основные причины, проблемы, направления и границы активизации Четырёхстороннего диалога по безопасности или стратегической «Четвёрки» (США–Япония–Австралия–Индия) или QUAD в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Показаны сдвиги и особенности в позициях её участников, шансы на расширение формата за счет подключения возможных новых членов из числа стран АСЕАН (в первую очередь Вьетнама) при условии сохранения её «центрового» места и роли в регионе, а также Южной Кореи или Новой Зеландии. Проанализированы оценка Пекином возможностей группировки и отношение к «Четвёрке» со стороны Китая, в силу экономического и политико-стратегического подъема которого прежде всего и предпринимаются попытки её обновления.

Ключевые слова: Четырёхсторонний диалог по безопасности (США–Япония–Австралия–Индия), ИТР, АСЕАН, Вьетнам, Новая Зеландия, Китай.

Abstract: This article is devoted to the study of main reasons, problems, directions and limits of the activization of QUAD or the quadrilateral strategic dialogue (USA-Japan-Australia-India) in the Indo-Pacific. It shows shifts and peculiarities in the positions of its members, chances for broadening of this format with joining of probable new participants from ASEAN (firstly Vietnam) under conditions of remaining it “central” place and role in the Indo-Pacific, or also South Korea and New Zealand. The analysis reveals estimation of opportunities of QUAD and attitude of China towards this grouping, which does undertake the own activization first in force of economical, geopolitical and geostrategic raising of an Asiatic giant.

Keywords: QUAD, QUINT, Indo-Pacific, USA, Japan, Australia, India, ASEAN, Vietnam, New Zealand, China.

Введение

За минувшие год-два явно наметилась активизация четырёх демократий США–Япония–Австралия–Индия спустя 10 лет, по сути бездействия и даже на какое-то время ухода в 2008 г. Австралии[1] с момента ее основания в 2007 г. На этот процесс отреагировали и политики, и политологи. А в СМИ проскользнули даже нотки желания эту, до некоторых пор консультативную, т. е.

* *Лебедева Нина Борисовна* – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра Индийских Исследований ИВ РАН; e-mail: indology@inbox.ru.

** *Lebedeva N. B.* – Ph.D (history), Leading Researcher at Centre for Indian Studies, IOS RAS.

[1] Это произошло после того, как «Четверка» впервые провела совместные маневры, на что Пекин отреагировал жестко в отношении Пятого континента, и австралийский премьер-министр К. Радд дал знак покинуть ее, чтобы не осложнять отношения с Китаем.

не налагающую никаких обязательств и собирающуюся время от времени группировку обозначить как QUAD-2.0 или как некую форму антикитайской коалиции или как НАТО на евразийском пространстве, видимо, сильно забегая в подобной оценке далеко вперёд [1].

Кроме того, обратили внимание и на то, что участницы формата представляют собой весьма и весьма солидное «сообщество» – самых крупных и самых быстро растущих экономик, топовых «транжиров» на оборону в мире, крупных по популяции стран. Необходимо также учитывать, что с момента ее формирования прошло время и менялись позиции участников по проблемам безопасности, как и самого формата, его роль и ситуация уже не в АТР, а в формирующемся ИТР[2].

Фигурально выражаясь, оживление QUAD представляет собой картинку, когда в воду брошен увесистый камень и от него пошли ровные расширяющиеся круги, но несущие разные последствия, цели, задачи и т. п.

Это вызывает закономерные вопросы – какие факторы разжигают процесс активизации? Кто из членов «Четверки» прежде всего заинтересован в нем? Каковы нюансы позиций ее членов? По каким направлениям и в каких границах он развивается? И есть ли проблемы на этом пути?

Сдвиги в позициях сторон «Четверки»

Оживление формата 4-х связывают со вторым приходом к власти в Японии Синдзо Абэ в 2012 г., который позже в своем эссе, где он обозначил QUAD как «бриллиант безопасности» региона, призвал своих демократических коллег к сдерживанию Китая путем тесного сотрудничества на морском пространстве от Индийского океана до западной части Тихого океана [3].

До 2017 г. формат был скромным по сравнению с другими структурами, но с претензиями, у него не было ни секретариата, а поэтому его вряд ли можно было считать полноценной структурой. Вместе с тем QUAD никогда не рассматривался краткосрочным инструментом политики с такой особенностью – его сила была не в совместных акциях четырех государств, а в наличии двусторонних или трехсторонних взаимосвязей, которые сложились и активно развиваются между Японией и Индией, Японией и Австралией, Индией и Австралией и т. п. Точно также действуют отношения на основе альянсов между США и Японией и Австралией. Безусловно, нарастает сближение между США и Индией [4].

Нынешнее обращение С. Абэ в первую очередь нашло отклик и понимание в **Индии**, которая в большей степени испытывала давление энергичного внедрения Китая в БИО по разным направлениям (появление флота, атомных подлодок, опорных пунктов, затем первых постоянных баз и т.п.) и исходя из этих факторов и преодолев некоторую первоначальную осторожность

---

[2] Идея формирования «Индо-Пасифики» уже давно применима во многих странах, в частности, в австралийской внешней политике (см. Белую книгу-2013 «Австралия в Азиатском веке»), как и политиками и политологами в Индии, Индонезии, Японии и даже в какой-то мере в Китае [2].

пошла на сближение с США и их союзниками, как по отдельности, так и с «Четверкой», которое способствовало обеспечению ее безопасности. Спустя несколько лет китайский проект «Один пояс – одна дорога» (ОПОП) дополнил список озабоченностей Дели по поводу усиления «китайского фактора».

Схожие опасения ощущала **Австралия**, но скорее в ИТР (Индо-Тихоокеанском регионе), ЮКМ (Южно-Китайском море) и во внутренних делах в связи с такими проблемами, как попытки подкупа высокопоставленных чиновников, давление на китайско-язычные СМИ и использование прокитайских журналистов для пропаганды идей Коммунистической партии Китая (КПК), слежка за китайскими студентами в австралийских университетах и др. Все это толкало Пятый континент на участие в QUAD, которая в свою очередь оказывала поддержку как оппозиционной Лейбористской партии, так и коалиционному правительству.

США, как и Япония были ведущими адептами идеи QUAD, но их видение претерпело эволюцию. При президенте Дж. Буша-мл. был короткий период горячего одобрения, которое быстро погасло по двум причинам: 1. Еще не было столь острого противоборства с Китаем; 2. Отсутствовало чувство общности среди 4-х участниц формата.

При Бараке Обаме был предпринят «Азиатский разворот», по задумке которого считалась достаточной для баланса Китая перефокусировка американских военных, экономических и дипломатических механизмов и внимания к региону. Однако ее не удавалось полностью и быстро реализовать в виду обострившихся ситуаций на Ближнем Востоке и Украине.

Для США, которые, безусловно, были «мотором» «Четверки» даже в период десятилетнего «ничего неделания», в деятельности администрации Д. Трампа несомненно приоритетом стало заметно нарастающее соперничество с Китаем не только в стратегической, но и в экономической сфере. Так же круто негативно менялась ситуация в АТР (Азиатско-тихоокеанском регионе), особенно в ЮКМ, что требовало пересмотра подхода. Новый президент, проявив меньший интерес к идее «концерта демократий», сосредоточился на том, что границы дискуссий «Четверки» оказались близки видению Пентагона задач развития действующих союзов и партнерства в ИТР до уровня плотной сети архитектуры безопасности, способной противодействовать агрессии, сохранять стабильность и обеспечивать свободный доступ ко всем пространствам (суша, море, воздух, космос).

Существенно также, что и QUAD в период до 2017 г. не смогла сформулировать свои принципы и потому не отвечала ряду целей:

1. Формат должен был фокусироваться на двух вопросах:
    - гарантирование свободы всех сфер (воздух, море, космическое и киберпространство);
    - формулирование общего подхода к решению территориальных конфликтов.
2. Диалог должен оставаться диалогом, что подразумевало отсутствие необходимости формализации формата.

3. При большом числе разных форумов и структур сотрудничества в Азии QUAD должен действовать не как «исключительный клуб», а без диктата, уважая равенство всех миролюбивых наций и международные нормы.
4. Работать так, чтобы быть услышанным всеми его членами, каждый из которых должен сохранять принципы рыночной экономики, свободного, открытого гражданского общества и ответственной безопасности.
5. «Четверка» должна была быть готова к спору и, может быть, даже конфликту с Китаем, который рассматривает ее как угрозу, и поэтому должна защищать себя, свои принципы и действия, чего по сути не было [5].

Знаменательными встречами, положившими начало оживлению, стали консультации руководителей «Четвёрки» в Маниле в ноябре 2017 г., а в Сингапуре в июне 2018 г. – решение расширить круг тем для дискуссий и сделать их регулярными, которые будут проходить не под прежним названием «Четырёхсторонний диалог по безопасности», а под более спокойному – «Консультации США-Австралии-Японии-Индии». В Маниле рассматривались вопросы морской безопасности, международного права и ядерной угрозы Северной Кореи, помимо традиционной задачи углубления сотрудничества в сфере безопасности в целом. На встрече в Сингапуре ее новое мягкое название свидетельствовало о зарождении идей с целью большего объединения интересов QUAD в таких направлениях, как сотрудничество в поисках механизмов, отвечающих потребностям в инфраструктуре, а также в борьбе с терроризмом, повышения уровня оперативности между ними для более эффективных ответов гуманитарным вызовам. Итак, «Четверка» стала шире рассматривать себя в качестве геостратегического формата инициатив в границах ИТР. Судя по всему, новая Индо-Тихоокеанская «Четверка» намеревалась строиться не только на демократических ценностях, а и на разнообразных интересах и иметь более гибкую структуру.

Конкретно первыми, пока не очень значимыми знаками активизации формата стали:

1. Летом 2018 г. обсуждение напряжённой ситуации на Мальдивах из-за жёсткого противостояния Индии и Китая, который к тому же намерен построить там военную базу с причалами для крупных судов и субмарин. А это, по мнению бывшего мальдивского министра иностранных дел Ахмеда Насима, чревато обострением стратегической обстановки в Индийском океане [6].
2. В конце лета того же года обращение «Четвёрки» с настоятельным призывом к партнёрам о присоединении к более широким выступлениям против создания китайцами военных баз в других частях региона [7].
3. В конце мая 2018 г. Вашингтон переименовал Тихоокеанское командование США в Индо-Тихоокеанское с тем, чтобы оно четче соответствовало целям новой концепции [8].

Каковы ключевые мотивы активизации?

• **Первый**. Подъем активности QUAD был безусловно вызван нарастающими опасениями в связи с мощным экономическим и военным подъёмом и довольно агрессивным поведением Китая в ЮКМ, БИО (Большом Индийском океане) и ИТР. Этот фактор побуждал структуру в первую очередь искать рычаги противодействия проекту ОПОП в условиях некоторого ослабления позиций и влияния США после выхода из ТТП (Транс-Тихоокеанского партнерства) и из боязни возникновения определенного вакуума. Параллельно, не без оснований, США стали активно предпринимать меры сдерживания Китая как самолично, так и в рамках других форматов сотрудничества, помимо QUAD. Новейшим шагом на данном пути было подписание Д. Трампом прошедшего 19 декабря минувшего года через горнило Сената **Акта об обеспечении азиатских инициатив (ARIA).** По закону предполагается профинансировать на сумму в 1,5 млрд долл. долгосрочные многоцелевые стратегические программы США в «**Свободном и открытом ИТР**» и, прежде всего в Восточной и Юго-Восточной Азии. Документ подтвердил высокую значимость QUUAD 2.0 для США в качестве одного из ключевых стратегических направлений курса. В нем конкретно о QUAD говорилось: 1. Диалог по безопасности жизненно необходим с целью подавления стратегических вызовов в ИТР на основе общепринятых правил и уважения международных законов; 2. Диалог подобного рода нацелен скорее на дополнение, а не замену существующим механизмам [9].

Иными словами, США поставили цель расширить свои стратегические и другие интересы в регионе.

• **Второй**. В Вашингтоне вызывали раздражение принципы и масштаб непрозрачных методов финансирования китайских инвестиций, которые подводили немало стран-участниц ОПОП и других проектов к краю долговой ямы из-за грабительски высоких процентных ставок по ряду кредитов (Шри Ланка, Бангладеш, Мьянма, Пакистан и др.), слабое управление и игнорирование общепризнанных норм, стандартов и иных причин. Госсекретарь Рекс Тиллерсон, выступая в Центре стратегических и международных исследований (CSIS) в октябре 2017 г., откровенно назвал такую политику КНР угрозой экономическому порядку в АТР, где для США более выгодным становится **тандем** с другими членами «Четвёрки» в альтернативных проектах, чем какая-либо самостоятельная версия мер в пику ОПОП. Об этом также говорилось в ARIA, как и об общих интересах в водах Азии и ЮКМ, о необходимости поддержки Вашингтоном стран АСЕАН, когда они с Китаем примут Код поведения в ЮКМ. 3 апреля 2019 г. в Вашингтоне заявили о том, что США не собираются направлять в Китай делегацию высокого ранга для участия в форуме международного сотрудничества «Один пояс–один путь» – 2019 из-за указанных выше проблем ОПОП [10].

• **Третий**. Впервые одним из ключевых в расширении иных сфер кооперации в рамках QUAD становится инфраструктурный проект, в котором, между

тем, **ведущим инициатором** является Япония с программой «**качественной инфраструктуры»** мая 2015 г. для стран ИТР и последовавшими позже ее вариациями. На состоявшейся 13 ноября 2018 г. встрече в Токио между вице-президентом США М. Пенсом и премьер-министром Японии С. Абэ было решено создать фонд в 70 млрд долл. для инвестирования в эти проекты.

• **Четвертый.** Вместе с тем Д. Трамп предпринял ряд мер на двухстороннем уровне по укреплению позиций США в этой сфере в противовес ОПОП. Так, в 2017/2018 финан. гг. это были соглашения на 500 млн долл. с Непалом об улучшении электрических сетей и транспорта; с Бангладеш (дополнительно 40 млн долл.) о создании береговой сети радаров и др. [11]

Однако размеры указанных и других инвестиционных проектов (к примеру, даже 60 млрд долл. в рамках Корпорации США по финансированию международного развития – IDFC или выделенные Белым домом в июле 2018 г. 113 млн долл. на инфраструктуру в ИТР) это, по большому счету, «**комариные укусы»** по сравнению с 1, 3 трлн долл. к 2027 г. Пекина на ОПОП. В целом, стратегия администрации Д. Трампа выглядит по меньшей мере попыткой лишь точечно противостоять проекту ОПОП, который, напротив, даёт чёткое представление будущего регионального порядка, хотя и не лишен огрехов и проблем [12].

• **Пятый.** Безусловно, наиболее сильным магнитом для взаимного притяжения «Четвёрки» по-прежнему остаётся **стратегический диалог**, который в новых условиях активизации может подвести ее к **институтолизации партнёрства.** Трудно оспорить, что катализатором этого направления, особенно **в стратегическом сдерживании КНР** являются **США**: в ноябре 2018 г. Вашингтон анонсировал твёрдое намерение расширить свою политическую практику в «Свободном и открытом ИТР» как через двусторонние, так и через почти все существующие здесь многосторонние механизмы – АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество – APEC), Форум тихоокеанских островов, Инициатива Нижнего Меконга, БИМСТЕК (Инициатива стран Бенгальского залива по многосекторному техническому и экономическому сотрудничеству), ИОРА (Ассоциация сотрудничества стран Индийского океана) и др. Мало сомнения и в том, что США ставят цель не столько пристегнуть QUAD к этому длинному перечню структур, сколько переформатировать ее в полноценную четырёхстороннюю коалицию с антикитайской составляющей [13].

Роль доклада "think tanks" – 2018

Для ускорения решения задач в стенах «Четвёрки» усилиями **г**руппы из 4-х так называемых «think tanks» (Японский институт мира Сасакава, Индийский центр Вивекананда, Австралийский национальный университет, Фонд мира Сасакава в США) был разработан доклад с двумя десятками предложений с целью проведения независимой политики в области безопасности и экономики в условия активного внедрения Китая в ИТР, особенно в БИО.

Поэтому была даже сформирована четырёхсторонняя комиссия по безопасности в Индийском океане.

Нельзя не указать на предпосылки к появлению данного доклада. С 2013 г. эксперты из разных аналитических структур всех четырех стран QUAD (Heritage Foundation в США; Vivekananda International foundation в Индии; Tokyo Foundation с 2017 г.; Японский институт международных дел с 2018 г. и Австралийский институт стратегической политики) организовывали ряд конференций – «круглых столов» под названием «QUAD + – Диалог». Идея заключалась в том, чтобы положить начало дискуссий по взаимно интересным стратегическим вопросам и возможности привлечения какого-либо пятого члена. За 6 лет эксперты провели 5 конференций на основе ротации места – в Канберре (2013 г.), Джакарте (2015 г.), Джайпуре (2016 г.), Вашингтоне (2017 г.), Токио (2018 г.) и намереваются встретиться в Сиднее в 2019 г. (примечательно, что Китай, являющийся важным объектом обсуждений, принимал участие в них). Круг проблем был широк – от свободы навигации и возможной архитектуры дипломатии до борьбы с терроризмом и нетрадиционными угрозами. Это были частные дискуссии, в которых вопрос **вызова** со стороны Китая не был их главным предметом, Более того, китайские коллеги активно призывались к участию для выражения их мнений [14].

Ныне активизация QUAD повлекла за собой такое же приглашение Афганистану и Франции для участия в «QUAD+ или Диалог – 2019».

Остроту и ситуации, и докладу, который был опубликован в августе 2018 г., добавил факт, что в этот же период Индия (участница QUAD) и Китай предприняли меры по урегулированию ряда спорных проблем и в связи с этим провели переговоры между министрами обороны – Нирмалой Ситхараман и генерал-лейтенантом Вэй Фэнхэ после 73-х дневного противостояния двух армий на плато Доклам. Как повлиял этот факт переговоров на позиции Индии отметим ниже.

Главные из предложений доклада-2018: а). Японии и США рекомендовано пересмотреть участие в Азиатском инвестиционном инфраструктурном банке (AIIB) для поддержки высоких стандартов проектов, в том числе включающих Китай, а также строить свои экономические отношения с Австралией и др. б). QUAD и ее партнеры должны выступать против создания китайцами постоянных баз в БИО и требовать от Пекина рассмотрения проблем безопасности на основе сотрудничества и консультаций. в). Индия, США и Япония должны включить Австралию в полноправное участие в трёхсторонних морских манёврах «Малабар». г). Участники «Четверки» должны расширять свои морские и сухопутные возможности обороны исходя из собственных интересов, для реализации которых их ВМС будут необходимы способность к акциям на дальних расстояниях и, возможно, оснащение подлодок атомными двигателями. д). Члены «Четвёрки» должны сотрудничать и поддерживать такие региональные структуры, как ИОРА, ИОМС (Морской симпозиум Индийского океана), СААРК (Ассоциация Южной Азии по региональному

сотрудничеству) и др. Весомо прозвучала и информация о подготовке «Документа о видении» с целью фокусировки формата на главных проблемах [15].

Особенности условий и проблемы расширения QUAD

Одним из эффективных механизмов активизировать деятельность «Четверки» может быть расширение состава, т. е. путь формирования «Диалога+один», «Диалога+два» и т. д. Это характерно для многих схожих структур в мире. По этому поводу индийский премьер Н. Моди отмечал, что ИТР не должен быть управляем «клубом с ограниченным составом». Участников формата большое внимание привлекали в этом контексте государства Восточной Азии и АСЕАН. Но члены группировки ЮВА какое-то время предпочитали сохранять некий нейтралитет, чтобы избежать прямого конфликта между США и Китаем, хотя обсуждения вопросов безопасности с экспертами QUAD были им важны, как позже для Четверки -поддержка АСЕАН по причине того факта, что эта Организация (подпишет ли она формально соглашение с QUAD или нет) является центральной для стратегии США и их союзников в ИТР. Однако существенен и иной факт – АСЕАН не должна рассматриваться ими как механизм мягкого сдерживания Китая.

В целом восприятие «Четверки» среди членов АСЕАН было неоднозначно: Вьетнама и Филиппин – наиболее позитивное; Индонезии – скептическое; Сингапура, который выступал за присоединение еще в 2007 г., – ныне с наименьшим энтузиазмом, хотя оно быстро изменилось: от нежелания войти в соглашение с «Четверкой» на основе «свободного и открытого ИТР в мае до такой возможности в июне после того, как Н. Моди и Дж. Мэттис подтвердили принцип центральности АСЕАН и их согласия на выработку деталей в будущем, например, в форме QUAD+ или еще какой-либо иной [16].

Помимо официальных позиций по вопросам укрепления оборонных связей стран АСЕАН с QUAD параллельно формировалось общественное мнение. Согласно опросу организации Pew Poll, 43% индонезийцев и 77% филиппинцев предпочитают лидерство США и лишь 22% первых и 12% вторых чувствовали бы себя комфортно в условиях более значительного влияния Китая в регионе, особенно в ЮКМ. В целом, на наш взгляд, не стоит опасаться расхождения во взглядах между официозом, интеллектуалами и обществом по данной проблеме. Оно лишь отражает сложности нынешних международных отношений и их стратегической среды, которая ныне перекраивается молниеносно.

В ответ на региональное усиление Китая, не мог не начаться зеркальный процесс сближения стран АСЕАН и «Четверки», что отмечается многими экспертами. Как этот тренд может развиваться в дальнейшем? К числу наиболее заинтересованных в расширении связей с QUAD несомненно относится **Вьетнам**, которому более всех необходима поддержка извне в сохранении баланса в ЮКМ. В ноябре 2017 г. вьетнамские лидеры сигнализировали о принятии стратегии Вашингтона «Свободный и открытый ИТР» не без

заднего умысла – конкретно для предотвращения нежелательных сдвигов в «статус кво» вокруг Парасельского архипелага и островов Спратли. В марте 2018 г. вьетнамский президент Чан Дай Куанг совместно с Н. Моди подтвердил свое намерение сохранять свободу навигации и облета в ЮКМ, решать споры законными средствами, как и поддерживать мирный и процветающий Индо-Тихоокеанский регион. Ханой продолжал развивать разносторонние связи с Дели и в сфере обороны.

В сентябре 2018 г. в русле углубляющихся морских отношений с Токио, Вьетнам разрешил первый заход японской субмарины в один из своих портов, и в ответ вьетнамский фрегат нанес такой же визит в Японию в качестве акта, подтверждающего расширение их стратегических взаимосвязей. В этом же контексте стоит рассматривать визит в сентябре американского авианосца, первый с момента окончания войны во Вьетнаме. Был поднят уровень вьетнамо-австралийских взаимосвязей до стратегического партнерства. Таким образом, так или иначе (через совместные маневры, заходы в порты друг друга, углубление двусторонних отношений в сфере стратегии и обороны, предоставление или получение кредитов на вооружение, продажу или покупку военного снаряжения и т. д.) Ханой явно демонстрировал намерение идти на сближение со всеми четырьмя членами QUAD. Эти меры дали шанс (не без оснований) некоторым аналитикам оценивать возможности QUAD совершить переход к QUINT [17].

Вместе с тем, шаги Ханоя в сторону «Четверки» закономерно привлекали большое внимание некоторых политиков, политологов и СМИ, но также закономерно поднимали провокационный вопрос – станет ли Вьетнам членом этого формата? Или же он останется на позиции «теневого члена»?

Существует одно «НО», которое, по большому счету, касается не только Вьетнама. Оно заключается в не состыковке демократических принципов QUAD и идеологических установок (не всегда демократических) ряда стран АСЕАН. В таком случае, если «Четверка», скажем, намерена не драматизировать этот факт, ею руководит стремление скорее стратегического, а не нормативного характера. И яркий пример тому – Вьетнам, о чем выше говорилось.

Австралийские аналитики Р. Медкалф и Д. Брюстер подчеркивали, что расширение структуры будет существенным для нее. И все же склонялись к принятию новых членов, прежде всего, за счет региональных демократий, например, Южной Кореи. Вместе с тем, трудно не согласиться с их мнением, что включение стран недемократических или даже номинально демократических с понижающимся уровнем соблюдения прав человека несет определенный риск подрыва норм и правил QUAD. Пример «заигрывания» с Вьетнамом может усилить этот тренд [18].

Но можно еще раз подчеркнуть, что структура шаг за шагом предпочитает уступать место своих демократических ценностей стратегическим интересам и экономическим выгодам, в первую очередь, в противоборстве с Китаем.

В связи с этим вполне объяснимы причины, по которым Д. Трамп не поднимал вопросы прав человека во время его визита в страны АСЕАН в ноябре

2018 г. Япония также охаживает те страны АСЕАН, в которых не все благополучно с такими правами. Австралия в ходе специального саммита с группировкой в начале того же года снизила уровень критики относительно прав человека все по тем же мотивам. Что касается позиции Индии, то в совместном коммюнике с лидерами АСЕАН по итогам их январского визита 2018 г. в Дели этот вопрос упоминался вскользь и наряду с другими общечеловеческими ценностями как часть «общей судьбы».

Сдвиги в позициях участников «Четверки» по правам человека, углубление ее взаимосвязей с Вьетнамом, похоже, подтверждают ее первые шаги на пути от «клуба единомыслящих» к инклюзивности в форме хотя бы «младшего партнера» – Вьетнама по началу.

Вопрос о возможном участии стран АСЕАН в QUAD осложнен еще одним фактором, помимо указанного «НО», связанного с соблюдением прав человека. Индонезия, Вьетнам, Малайзия и Сингапур хотели бы стать частью QUAD, чтобы быть способными противостоять напору Китая. Но их настораживало отсутствие у «Четверки» ясности механизма их участия в партнерстве с ней, во-первых. И во-вторых, опасения потерять центровую роль в ИТР в связи с усилением таковой у QUAD, хотя ее членами были приложены немалые дипломатические усилия убедить АСЕАН в обратном, т. е. в том, что этого не произойдет и вопрос будет улажен. Н. Моди, Дж. Мэттис, Таро Коно, М. Пейн в один голос твердили, что центровая роль АСЕАН жизненно важна, никаких преград для вступления в «Четверку» не будет – а необходимо соблюдение ее правил и принципов [19]. Напрашивается вывод, что стороны могут договориться и обхаживание «Четверкой» указанных стран увенчается рано или скорее поздно успехом. Но на это, судя по всему, понадобится длительное время.

Нюансы позиций других ведущих членов АСЕАН

Индонезия, по-видимому, на очереди, чтобы присоединиться, хотя ее отношение к «Четверке» эволюционировало. Поначалу причиной послужила ситуация вокруг индонезийского о. Натуна, суверенитет водных пространств которого нарушают многократные патрулирования Китая. В августе 2017 г. министр обороны Индонезии Рямизад Рякуда в ходе встречи со своим коллегой Дж. Мэттисоном обсудил важность сохранения ИТР открытым и свободным. Джакарта сигнализировала о том, что присоединилась бы к QUAD, если это сделают остальные члены АСЕАН. Ей важно поддержание баланса в ЮКМ. Позже Индонезия поддержала концепцию «открытого и свободного ИТР» и не против мини-сторонней структуры QUAD, но, если она не будет 1). подрывать центровую роль АСЕАН и 2). исключать некоторые страны, как, например, Китай. Это понятно – страна активно сотрудничает с Пекином в сфере экономики и коммуникаций даже в условиях соперничества в этом с Индией, строящей порт в Сабанге.

Не все так просто с позицией **Филиппин**, особенно после прихода к власти Р. Дутерте. В политических и особенно в военных кругах Манилы, между тем, не слишком уверены в продолжительности его «дружбы» с Китаем в условиях конфликтов из-за рыбных ресурсов, необходимости испрашивать разрешение у Китая на рыбный промысел вокруг о. Скарборо, других серьезных факторов. Их представители склонны думать, что по этим причинам филиппинские власти могут пересмотреть степень близости с Пекином и решиться на восстановление связей с Вашингтоном в сфере обороны (это по существу стартовало), а значит в перспективе и с QUAD.

Малайзия имеет самый низкий уровень каких-либо взаимных неудовольствий и напряженности с Китаем. Но многое могло измениться после возвращения к власти М. Махатхира в мае 2018 г., который позже согласился с японским премьером С. Абэ совместно реализовать на основе закона принцип «свободного и открытого» ИТР, а также заявил в своем намерении поддерживать свободу навигации в Малаккском проливе и ЮКМ для всех стран. И хотя Куала Лумпур колеблется из-за некоторого отхода от принципов традиционного неприсоединения в своей внешней политике, отношения с Пекином стали более прохладными за последние несколько месяцев, судя по пересмотру и отмене М. Махатхиром некоторых проектов в рамках китайского ОПОП. Но состоится ли его заметная перебалансировка в пользу Вашингтона пока неясно [20].

Иные возможности расширения «Четверки». Неустойчивость позиции Австралии

Вместе с тем, этот процесс просматривается по другим направлениям и с другими возможными участниками. Например, Австралия, Япония, Новая Зеландия и Южная Корея планируют создать многомиллионный фонд для финансирования программы по обеспечению электричеством и сетью интернета Папуа-Новую Гвинею. США на площадке саммита АПЭК в ноябре 2018 г. заявили о выделении $300 млн структуре БИМСТЕК с целью получения странами Южной и Юго-Восточной Азии информации от партнёров о проблемах судоходства и возможных угрозах в регионе Бенгальского залива и за его границами. По-видимому, этой акцией Вашингтон надеется наладить более тесные отношения со странами Залива, а возможно и кое-кого из них привлечь к «Четверке».

Появление **Новой Зеландии** рядом с Австралий и Японией в планируемом фонде далеко не случайно. Вопрос о ее возможности подключиться к возрождаемой QUAD был одним из главных во время дискуссий на трехсторонней встрече АСЕАН-Австралия-Новая Зеландия в ноябре 2017 г. Хотя эта страна является членом многих региональных структур по безопасности (Оборонная договоренность 5-ти государств, механизм по разведывательному наблюдению в Проливе «Пять глаз» и др.), формализация ее участия в «Четверке» может создать для нее далеко не простую ситуацию в силу ее

стремления сохранять автономные дипломатические и экономические взаимосвязи со всеми главными игроками в регионе, в частности и с США даже после их выхода из ТТП. В тоже время Новой Зеландии хотелось бы избежать осложнения отношений с Китаем, особенно экономических в условиях заметного размежевания в регионе между Вашингтоном и Пекином, которое не привносит что-то полезное интересам страны. В таком случае ей остается балансировать между ними в поисках своей ниши [21].

В воздухе висит идея, что «Четверка» должна стать катализатором не только для более формализованной организации по безопасности QUAD+, но и для включения помимо АСЕАН других участников – **Южной Кореи,** сотрудничающей с США по вопросу размещения у себя ракетной системы THAAD с целью обороны от атак Северной Кореи и по иным проблемам безопасности на полуострове.

Рассматривая будущее QUAD нельзя не остановиться на особенностях позиций Австралии и Индии по этому вопросу. Для них характерны в чем-то параллельно схожая неустойчивость при определенной близости друг другу, свое видение ситуации в регионе, что несомненно воздействует так или иначе на активизацию формата. Так, премьер-министр **Австралии** Скотт Моррисон поспешил в ноябре 2018 г. посчитать QUAD важнейшим элементом архитектуры международных отношений в ИТР, в рамках которого можно сотрудничать не только стратегически, но и экономически. В связи с этим он заявил о выделении его правительством 2 млрд долл. на инфраструктуру в АТР с целью реализации силовой и иной проекции Австралии как важного партнера по безопасности и развитию [22].

Однако в январе 2019 г. на крупной международной конференции в Дели «Раисина диалог» министр иностранных дел Австралии Мариза Пейн, разъясняя позицию страны, особо выделила 4 пункта позиции Австралии:

1. Индийский океан занимает центральное место в стратегии Пятого континента;
2. У Канберры есть намерение углублять взаимосвязи с Индией;
3. Австралия признает роль Индии в Тихом океане;
4. «Четверка» не является индо-тихоокеанской.

Эти положения можно расшифровать и дополнить также такими сдвигами в австралийском видении общей ситуации, когда в 2017 г. Канберра всерьез обратила внимание на впечатляющий рост экономики Индии за последние два десятилетия и принятие ею «Экономической стратегии –2035», включающей дорожную карту углубления австралийско-индийских взаимосвязей. На это Австралия в свою очередь отреагировала объявлением о реализации ею 4-х летней программы в 25 млн долл. по улучшению инфраструктуры в транспорте, энергетике и т. п. в Южной Азии. Кроме того, Канберра выделила 1 млрд долл. на обустройство западного побережья континента с целью размещения патрульных кораблей, фрегатов и подводных лодок. Все это свидетельствует о ее интересах и обязательствах в регионе всерьез и надолго [23].

Из указанных фактов логично вытекает, с одной стороны, ожидание Пятого континента от Индии поддержки и активного вовлечения в южную часть Тихого океана, т. е. «задний двор» Канберры, а также ее партнеров в Тихом океане. А с другой, в связи с этим достижение ею меньшей зависимости от Китая и его экономики, а также большей степени гибкости в ее маневрировании между «Четверкой» и Пекином.

М. Пейн упомянула QUAD лишь в ряду с другими многосторонними группировками – АРСИО, ВАС, АСЕАН, в которых участвуют и Австралия, и Индия. Что это может означать в широком плане для «Четверки» и американской стратегии Индо-Пасифики? Во-первых, она поддержала позицию Н. Моди о центральной роли АСЕАН и уважении ее интересов. Во-вторых, на какое-то время осталось без ответа предложение о поднятии встреч QUAD до уровня министров иностранных дел (позже Австралия согласилась). В-третьих, Канберру (как и Дели) не устраивала очевидная антикитайская направленность «Четверки» из-за опасения нарушения баланса отношений с Китаем и повторения ее выше упомянутых трений с Пекином.

Так что Австралия будет, по-видимому, исходить из своих приоритетов в стратегии и собственных интересах. И это при том, что между ней и Индией тоже есть несогласованности по проблеме ее участия в морских маневрах «Малабар»: Дели продолжает отказывать ей, с чем не согласны другие члены «Четверки», поскольку многосторонние учения для нее по сути являются лакмусовым тестом успешного сотрудничества на новом уровне [24].

Особая позиция Индии – причины и факторы

Что касается **Индии** – то у нее более выраженное особое мнение, на котором нельзя не остановиться. Ряд аналитиков называли Индию слабым звеном, стоящим на обочине QUAD. Другие указывали на отсутствие у нее энтузиазма и даже в определенной мере сопротивление из-за все еще приверженности Дели принципам неприсоединения с периода создания «Четверки» – в 2007 г. В последующее десятилетие, между тем, Индия участвовала во внутри-азиатских структурах по безопасности на двухсторонней основе – Индия-Япония, расширяла экономические, военные связи и торговлю оружием с АСЕАН, особенно с Вьетнамом, с которым установила отношения на уровне стратегического партнерства [25].

В тот период Индия не откликалась на призывы США и Японии активизировать свою роль в формате QUAD. Лишь к середине 2017 г. Индия пришла к иному решению в силу углубления напряженности в индийско-китайских отношениях, серьезных расхождений в подходах к принципам реализации ОПОП, сопротивления Пекина ее членству в международной группе ядерных поставщиков, поддержки им Пакистана и пакистанских баз террористов, наконец, из-за 73-х дневного конфликта на плато Доклам летом 2017 г.

Вместе с тем Индия сохраняла особую позицию по некоторым другим значимым для нее мотивам: Индия всегда выступала за более инклюзивный

и менее конфронтационный характер формата, против попыток сделать маневры «Малабар» (с начала 90-х гг. индийско-американские) маневрами QUAD. Отказ был далеко не единичный, а участие Австралии в учениях «Малабар» впервые продемонстрировало бы определенную меру единства «Четверки», ее готовности к совместному использованию военно-морского потенциала, направленного против Китая [26].

Индия была против проведения встреч на уровне министров иностранных дел или госсекретарей. Одной из ключевых целей Дели стало принятие за АСЕАН центральной роли в регионе, а не QUAD или какой-либо отдельной страны. Такой особый подход Индии к QUAD объяснялся следующими факторами: **во-первых,** у Индии было немало причин для острого недовольства трениями и угрозами со стороны Пекина в отличие от других членов «Четверки». Она имела наибольшее число пограничных споров с Китаем и опыт китайского вторжения на ее территорию в минувшем веке. И это при том, что у нее, единственной в QUAD не было гарантий безопасности с стороны остальных ее членов. **Во-вторых**, отношения с Китаем были наиболее важным компонентом в ее дифференцированной внешней политике и неприсоединении в прошлом, которые определяли ее стратегическую автономию по многим проблемам. Ныне их взаимодействия несомненно являются столь же значимым фактором в структуре ИТР. В связи с этим Дели скорее склоняется к обсуждению и улаживанию накопившихся между сторонами проблем, чем отмахивается от них (последний пример – решение конфликта в Докламе). Вот почему ее подход к QUAD не строится на антикитайской основе [27].

В-третьих, хотя Индию называли наиболее «своевольным» членом среди 4-х, на деле она оказалась единственно твердой и неуклонной в отстаивании своего неприятия принципов ОПОП с начала реализации проекта, нарушения ее суверенных прав в Кашмире и т. п. Лишь в 2017 г. Австралия, США и некоторые европейские государства озвучили свои опасения и заняли негативные позиции по ряду китайских проектов в Евразии и ИТР [28].

В-четвертых, для Индии важна возможность выбора между полнокровным участием в QUAD или эффективной стратегией в ответ на китайские провокации. Там понимают выгоду для себя в медленном продвижении к активизации «Четверки» и решению проблемы маневров «Малабар», которое дает ей дополнительные рычаги воздействия в будущих возможных трениях с Китаем. На сегодня отношения между ними более или менее стабильные, чему способствовала первая неформальная встреча между лидерами сторон в Ухане 27–28 апреля 2018 г. Спустя несколько месяцев Н. Моди заявил, что такого рода встреча помогла понять, что сильные и стабильные индийско-китайские отношения, внимание к интересам друг друга являются важным фактором для обеспечения мира и прогресса и в Азии, и на планете.

Можно согласиться с выводом аналитика из Центра по изучению наследия в Вашингтоне Дж.М. Смита о том, что остальные участники «Четверки» должны понять и принять особую чувствительность и в чем-то уникальную

позицию Индии, которая, исходя из указанных причин и факторов, полагается в меньшей степени на своих демократических коллег по формату, а в большей мере зависит от поведения и курса Китая [29].

Такую же оценку ситуации дал и вице-президент аналитического центра Observer Research Foundation в Нью-Дели, проф. Нандан Унникришнан в частной беседе автору данной статьи после лекции на тему «Внешняя политика Республики Индия. Особенности и перспективы», которую он прочитал в Центре индийских исследований ИВ РАН 22.04.2019 г.

Нельзя не указать на практические меры, которые предпринимались правительством Республики в последние месяцы для упрочения своих позиций в окружающей, не всегда спокойной среде. В ноябре 2018 г. президент Индии Рам Натх Ковинда совершил визиты в страны юго-западной части БИО. На о. Маврикий он заявил о выделении кредита на сумму в 100 млн долл. на оборонные нужды. На Мадагаскаре им были обсуждены меры по реализации кооперации в сфере «голубой экономики», поддержке рыболовства, укреплению взаимосвязей по морю, а также по развитию экотуризма, решению проблем контроля за экосистемами и др. В Мозамбике индийские офицеры осуществляют подготовку местного военного контингента, модернизируется оборонная инфраструктура, налаживаются гидрографическая служба, сеть медицинского обслуживания и т. п. На о. Агалега Индия строит современную взлетную полосу и модернизирует порт, который в будущем сможет принимать корабли индийских ВМС. Несомненно, эти разнообразные меры и визиты других официальных лиц и специалистов в островные и прибрежные страны рассматривались в Дели как зеркальный ответ усилению Китая [30]. Кроме того, подписав ряд соглашений, Дели получил доступ к таким опорным точкам и портам в БИО, как Дакм (Оман), о. Эссампшн (Сейшельский архипелаг), Чабахар (Иран), Сабанг (Индонезия).

В Индии, между тем, многие, но не все понимают, что индийский флот даже с помощью этой сети не сможет в одиночку обеспечить ИТР и БИО стабильность и мирный порядок. Так что возможности в этом контексте остальных 3- х членов усилят индийские операции и дополнят численность опорных пунктов для сдерживания Китая [31].

Некоторые детали позиции Пекина

Что касается Пекина, то министр иностранных дел **КНР** Ван Ю с насмешкой назвал группировку блоком, медленно ползущим на четвереньках, хотя и с широко освещаемыми в прессе идеями, которые рассеются как туман над водами и Тихого, и Индийского океанов. Эти слова министра обошли многие издания СМИ и статьи политологов. Время покажет, насколько верна такая оценка QUAD 2.0, высказанная Китаем, может быть, довольно поспешно. Судя по всему, это был сию минутный выплеск эмоций. Но разные

точки зрения на проблему, довольно противоречивые оценки той или иной ситуации и ответные меры показали, что помимо эмоций существует расчет:

1. Действительно, по сравнению с 2007 г. оживление «Четверки» в 2017 г. не вызывало поначалу обеспокоенности в Пекине, который в большей мере был озабочен акциями Вашингтона на уровне двусторонних союзов и которые им жестко осуждались.
2. Но в условиях, когда QUAD с его антикитайской направленностью старается стать определенной подмогой для асеановцев, Китай всячески пытается принизить значение «Четверки» и выдвигает на передний фронт АСЕАН, с одной стороны.
3. А с другой, Пекин умаляет центровую роль АСЕАН в регионе ИТР, считает, что «Четверка» как один из столпов «Открытого и свободного» ИТР напротив усиливает таковую.
4. В Китае стали понимать, что демократические принципы «Четверки» могут оказаться привлекательнее китайского тоталиризма.
5. Пекин пытается разными способами ослабить возможности АСЕАН решения проблем спорных островов и переговоров по ЮКМ в целом, предпочитая вести их не с группировкой, а по отдельности с каждой заинтересованной страной – так удобнее и эффективнее оказывать давление (об этом, в частности, высказывался филиппинский президент Дутерте).
6. Китай должен учитывать разочарование некоторых стран ЮВА и ЮА рядом проектов ОПОП, их издержками и рисками, политикой «долговой удавки» и т. п. В то время, как «открытый и свободный» ИТР дает асеановцам шансы более плавно вписаться в его условия как значимый субъект МО и не играть роль «второй скрипки» в игре Пекина.
7. Пекин, видимо, принимает во внимание, что активизация «Четверки» благодаря расширяющимся военно-морским маневрам в разных субрегионах и с разными участниками может со временем сделать ее азиатским НАТО, усилить гонку вооружений, противоборство в регионе, вовлеченность внешних игроков.
8. Китай негативно реагирует на выступления QUAD против его новых постоянных баз в БИО и ИТР [32].

Все это не в интересах Пекина. Однако там вполне ощущают и резонно оценивают различия в подходах стран «Четверки» к ряду ее проблем (особенно по особой позиции Индии). Естественно, это может заметно замедлить трансформацию QUAD в формальную структуру в расширенном (QUINT) или прежнем составе с формальными стратегическими обязательствами. В этом же контексте чрезвычайно важен факт меньшей зависимости ряда из них (Япония, Австралия, Индия, помимо не-членов «Четверки» -Республика Корея, АСЕАН) от экономических связей и торговли с Китаем, реально их главным партнером.

Заключение

После анализа различных этапов истории QUAD, причин недостаточной проекции в регионе, обилия риторики вокруг нее, а не реальных акций, разных аспектов дискуссий в ее стенах, видимо, можно и нужно дополнительно отметить еще несколько особенностей и уж потом сделать некоторые выводы относительно активизации и будущего формата в целом:

1. Отсутствие у «Четверки» какого-либо военного потенциала снижают ее возможности в решении территориальных конфликтов, скажем, в ЮКМ, где наиболее значимую роль в противостоянии китайским притязаниям пока берут на себя ВМС США. Другие участвуют по мере возможностей.
   Не имея такого потенциала, как QUAD может защитить себя? При этом, если бы был поставлен вопрос о его создании в том или ином виде, вряд ли у членов «Четверки» мог бы сформироваться единый подход к пропорции вкладов в него хотя бы потому, что они обладают разными национальными ВС, ВВС и ВМС.
   В силу этого, понятен накал чувствительности вопроса об участии Австралии в маневрах «Малабар», которые могут стать пробным шагом в развитии и военной кооперации.
2. Точно также формат не имеет какой-либо очерченной суммы экономических предложений по упрочению экономического сотрудничества между собой, которое, в том числе, могло бы быть элементом сдерживания Китая в целом и давления на проект ОПОП, в частности. По сути этот процесс лишь начался с намечаемыми общими планами в инфраструктуре.
3. По большому счету, члены QUAD далеко не едины по проблемам мироустройства в целом или в ИТР. Яркий пример Индии, которая выступает за многополярность и придерживается принципов неприсоединения, правда, весьма реформированных, судя по докладу «Неприсоединение – 2.0. Внешняя и стратегическая политика в XXI веке» 2012 г. Для США актуальны принципы «Америка прежде всего», как и Pax Americana в АТР. Япония долго придерживалась ограничений Конституции о недопущении участия в военных действиях вне ее границ.
4. Неоднозначны их единство по отношению к Пекину, его подъему, как и к опыту и зигзагам во взаимодействиях отдельных членов формата с Китаем. За примером далеко ходить не надо: США- Китай, Индия-Китай, Китай-Австралия и др. Следует учитывать обратную сторону – различную реакцию или уровень критицизма со стороны Пекина на эти отдельные взаимосвязи. В ряде случаев китайские власти успешно используют их в собственных интересах.
   Можно поставить под вопрос и единство как основы существования «Четверки». В реальности, по-настоящему сложно ожидать его – это практически невозможно, поскольку столь востребованные в МО

государства «Четверки» почти всегда будут иметь те или иные, пусть незначительные, но расхождения по целому ряду вопросов, особенно стратегических в разных регионах и по отношению к разным странам. В связи с этим маленький штрих для иллюстрации – поддерживая принципы свободы навигации, Индия, Япония и Австралия не следуют примеру США в 12-мильной зоне вокруг спорных островов в ЮКМ. Но эти нюансы – это мелочи перед лицом магистральных, долгосрочных вызовов и трендов, на которые им следует отвечать.

5. Их немало в ИТР и БИО – по своему характеру геостратегических и экономических – территориальные споры в ЮКМ и ВКМ, проблемы безопасности на Корейском полуострове, нескончаемая китайско-американская торгово-экономическая (и не только) «война», отнюдь «незаштопанные» индийско-китайские отношения, проблема Тайваня: по сути противостояние многих стран против одной – Китая. Как будет «вертеться» Пекин в этих условиях, где и как искать дополнительную поддержку – вопрос отнюдь не праздный, но это отдельная обширная тема.
6. Указанные черты QUAD потребуют особой гибкости и инклюзивности, чтобы остаться не только жизнеспособным форматом, но стать более активным и расширенным за счет подключения АСЕАН и понимания ее центрового регионализма. Но есть одно «НО» – чем больше членов, тем меньше шансов на сближение мнений сторон.
7. Индия признает центровую роль АСЕАН, а это означает ограничение влияния «Четверки» в регионе. В связи с этим существуют идеи того, что Индии следовало бы инициировать формирование другой группировки в составе Японии, США, Индонезии и Сингапура. Две асеановские страны расположены на слиянии Тихого и Индийского океанов, что может придать ей полнокровный характер формата безопасности, с одной стороны, но вызовет раздражение Китая, с другой. Верно и то, что АСЕАН не способна защитить свои интересы от претензий, озвучиваемых Китаем, который довольно успешно маневрирует между странами группировки с тем, чтобы продвинуть свои интересы.

Итак о будущем: одни специалисты полагают, что перспективы серьезного оживления «Четверки» довольно слабы по ряду причин в пунктах за №№ 1, 2, 3, 4 и др. Приверженность демократическим принципам, открытой и свободной торговли довольно риторически зазвучала в изменившихся условиях в регионе после выхода Д. Трампа из ТТП, появления на авансцене других мотиваций и целей, о чем упоминалось выше. Несомненно, будет воздействовать на процесс активизации формата обстоятельства внутреннего порядка – скажем, смена С. Абэ в Японии или М. Тернбулла в Австралии. К сожалению, после 2017 г. налицо пока мало энтузиазма и шагов по принятию регулируемой кооперации в стенах «Четверки». Но нельзя при этом не признать, что вопросы обороны и безопасности по сравнению с 2007 г. получили толчок в этом направлении – сотрудничество между

членами формата не развеется как туман, по словам министра иностранных дел Китая.

И в то же время некоторые эксперты полагают, что оживление неминуемо и высоко востребовано в силу необходимости 1). ответа на достаточно агрессивное поведение Пекина (военное укрепление искусственных островов в ЮКМ, строительство новых опорных пунктов и баз на островах БИО, растущий профиль ВМС, эгоистичную экономическую политику в рамках ОПОП ц др.); 2). оказания давления на Китай в сторону выполнения им норм международного права и обязательств в сфере безопасности. В этих условиях QUAD необходимо искать новые концептуальные решения региональных проблем, перестать играть роль клуба для дискуссий избранных игроков, а перейти к разработке конкретных планов и инновационных механизмов, мерам хотя бы начальных, но практических действий (например, по активному вовлечению новых сторонников без каких-либо идеологических ограничений, поддержке индийско-японского проекта Азиатско-африканского коридора роста и т. п.). На наш взгляд, следует придать особый импульс и недавно заявленной, экономической и инфраструктурной компоненте консультаций в стенах QUAD, которая несет выгоду всем сторонам в разнообразных процессах в ИТР.

Закономерны вопросы и о том, куда может завести особая позиция Индии, где некоторые специалисты не разделяют ее по ряду направлений и считают, что формат дает уникальную возможность Республике быть активным игроком в определении региональной безопасности, с одной стороны. А с другой, «Четверка» может влиять на траекторию китайско-индийских отношений. Каковы шансы Китая сохранить свое движение вперед в условиях противоборства, по существу, на основе формулы «один против многих»? По какому сценарию будут развиваться события в ИТР и в и вокруг QUAD в целом? Ответы на них остаются пока открытыми.

Литература/References

1. https://www.aspistrategist.org.au/why-the-quad-wont-ever-be-an-asian-nato.
2. http://risingpowersproject.com/wp-content/uploads/2018/10/Rising-Powers-Quarterly-Volume-3-Issue-2.pdf; Лебедева Н.Б., монография «Индийский океан – вызовы XX1 века и Индия.(очерки международных отношений)», М., ИВ РАН, 2018 г.; Лебедева Н.Б. Китайские инициативы ЭПШП и МШП-21 VS индийские проекты “Mausam”, “Spice road”, Sagar Mala и “Cotton Routes” (проблемы, перспективы, реакция) – журнал «Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития», выпуск XXVI–XXVII, 2015, с. 26–57.
3. https://thediplomat.com/2018/05/the-quad-vietnam-and-the-role-of-democratic-values/
4. https://thediplomat.com/2019/03/us-asia-strategy-beyond-the-quad/

5. https://nationalinterest.org/feature/how-push-back-against-aggressive-china-enter-the-quad-12192.

6. https://www.theweek.in/news/world/2018/03/17/quad-countries-to-discuss-maldives-situation-us.html.

7. https://www.dailypioneer.com/2018/page1/quad-brains-against – china-bases-inior. 08. 23. 2018; https://www.newdelhitimes.com/quad-of-india-japan-s-and-australia-worries-china; http://indiandefensenews.org.

8. https://ria.ru/20180531/1521742064.html;https://www.aspistrategist.org.au/new-perspectives-for-the-revived-quad/

9. https://www.alec.org/article/the-asia-reassurance-initiative-act-a-strategic-vision-for-the-indo-pacific/; https://thediplomat.com/2019/01/trump-signs-asia-reassurance-initiative-act-into-law/; https://thediplomat.com/2019/01/aria-congress-makes-its-mark-on-us-asia-policy/

10. https://thediplomat.com/2019/04/who-is-and-who-isnt-attending-chinas-2nd-belt-and-road-forum/

11. https://www.heritage.org/the-quad-plus.

12. Новое Восточное Обозрение, интернет-журнал – Лебедева Нина, Почему формат США-Япония-Австралия-Индия активизировался? 4 февраля 2019 г.; https://www.livemint.com/Politics/tK8rfMn10WAubTPSmuCuQJ/Quad-quietly-gains-steam-as-way-to-balance-China.html; https://www.nytimes.com/2018/10/14/world/asia/donald-trump-foreign-aid-bill.html.

13. https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-to-identify-collaborative-opportunities-with-bimstec-in-its-indo-pacific-plan/articleshow/66699739.cms.

14. https://www.heritage.org/the-quad-plus.

15. http://indiandefensenews.org.

16. https://thediplomat.com/2018/05/the-quad-vietnam-and-the-role-of-democratic-values/; https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/2121474/us-japan-india-australia-quad-first-step-asian-nato.

17. https://thediplomat.com/2018/05/the-quad-vietnam-and-the-role-of-democratic-values/

18. https://perthusasia.edu.au.;https://www.heritage.org/global-politics/commentary/india-and-the-quad-weak-link-or-keystone.

19. https://www.mofa.go.jp/press/release/press1e_000099.html; https://www.firstpost.com/india/modi-in-singapore-india-us-australia-japan-quad-must-move-from-theoretical-discussion-to-pragmatic-cooperation-5541621.html.

20. https://foreignpolicy.com/2018/10/19/TO-BALANCE-CHINA-CALL-VIETNAM-MALAYSIA-PHILIPPINES/

21. https://www.asiamediacentre.org.nz/opinion/marc-lanteigne-quad-revival-in-indo-pacific-new-zealand-dilemma/

22. https://www.firstpost.com/india/modi-in-singapore-india-us-australia-japan-quad-must-move-from-theoretical-discussion-to-pragmatic-cooperation-5541621.html.

23. https://blogs.griffith.edu.au/asiainsights/australias-indo-pacific-pitch-whats-in-it-for-the-quad; https://foreignminister.gov.au/speeches/Pages/2019/mp_sp_190109.aspx; https://www.pacforum.org/sites/default/files/issuesinsights_Vol19CR3_.pdf

24. https://www.newdelhitimes.com/quad-of-india-japan-us-and-australia-worries-china/; http://indiandefensenews.org.

25. https://www.cnas.org/publications/reports/the-emerging-asia-power-web-the-rise-of-bilateral-intra-asian-security-ties; www.vifindia.org/article/2017/may/12/achievements-india-vietnam-de.fence-and-security-cooperation.

26. https://www.hindustantimes.com/world-news/australia-us-signal-support-for-quad-at-their-2-2-talks/story-ZqMnhWK01AfsJqwO38KchN.html.

27. https://www.iiss.org/blogs/analysis/2018/07/india-inclusive-indo-pacific-policy-china-relations.

28. https://www.eastwestcenter.org/publications/indias-continental-connect-indo-pacific-and-quad-20.

29. www.aspistrategist.org.au/india-and-the-quad-weak-link-or-keystone/15 Jan 2019.

30. https://iasinsights.in/2018/11/16/four-corners-on-the-quads-agendahindu-summary-15th-nov-2018/

31. https://foreignpolicy.com/2018/07/23/india-is-the-weakest-link-in-the-quad/

32. https://www.newdelhitimes.com/quad-of-india-japan-us-and-australia-worries-china/; http://indiandefensenews.org.

*Маркарьян С. Б.**

ЯПОНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗАКОНА ОБ ИММИГРАЦИОННОМ КОНТРОЛЕ

Markarian Seda B.**

JAPAN: ON THE ISSUE OF CHANGING THE LAW ON IMMIGRATION CONTROL

Аннотация: Закон об иммиграционном контроле, принятый после войны, был очень строгим. Условия въезда и пребывания в стране определялись соответствующими статусами. Япония принимала только высококвалифицированных специалистов. Неквалифицированные рабочие начали приезжать в конце века. Это были родственники японцев, проживавшие в Латинской Америке. Они имели право работать. Остальные рабочей визы не имели. Они приезжали по программе овладения техническими специальностями как стажеры или как студенты и работали в свободное от работы и учебы время. Сроки их пребывания постепенно увеличивались, но условия для их работы и пребывания были тяжелыми. Они подвергались дискриминации. Демографические сдвиги (низкая рождаемость и старение населения) вызвали нехватку рабочей силы особенно в трудоемких областях экономики. В декабре 2018 г. был изменен закон об иммиграционном контроле. Введены два статуса (первой и второй категории) для въезда и получения работы низко- и среднеквалифицированным иностранцам. Иностранцы со статусом второй категории получили право въезда с семьей. Имеющие статус первой категории могут получить вторую категорию после сдачи соответствующего экзамена по техническим знаниям и владения языком. «Всеобъемлющие меры по принятию на работу и включению в общество иностранных человеческих ресурсов», а также положения новой визовой программы, выступления ответственных чиновников и специалистов этой проблемы позволяют судить, что правительство намерено действовать в рамках японского трудового законодательства.

Ключевые слова: иммиграция, статусы, иностранные рабочие, стажеры, студенты, неквалифицированная рабочая сила, работодатель, парламент, обсуждение, рабочая виза.

Abstract: The immigration control law passed after the war was very strict. The conditions of entry and stay in the country were determined by the respective statuses. Japan accepted only highly qualified specialists. When unskilled workers began to arrive at the end of the century government began loosing immigration restrictions, first by making long-term visas available to Latin Americans of Japanese descent who obtain work permits. As Japan's birthrate and working-age have declined, acute labor shortages have emerged in a number of labor-intensive sectors of economy. In an absence of a legal framework for the admission of foreign unskilled or semi-skilled laborers, the government has attemped to plug the gap by admitting labor through back-door channels – most

* *Маркарьян Седа Багдасаровна* – д.э.н, в.н.с. Центра японских исследований Института востоковедения РАН; e-mail: sedabagda@gmail.com.

** *Markarian Seda B.* – Doctor of Sciences (Economics), Leading researcher-consultant of Centre of Japanese Studies, IOS RAS; e-mail: sedabagda@gmail.com.

often as three – five years trainees, under the Technical Intern Training Program, or as students, who can easily obtain work permits after they arrive in Japan. But this Program has become notorious for violations, abuses, and irregulaties. So the conditions for trainees and students for work and stay were difficult. In December 2018, the law on immigration control was changed. Two statuses (first and second categories) have been introduced for entry and employment of low- and semi-qualified foreigners. Foreigners with the status of the second category can enter with their family members. Those with the status of the first category can get the second category after passing the relevant technical knowledge and language proficiency exam. The government intends to accept 345000 foreigners in five years. "Comprehensive Measures for the Acceptance and inclusion of Foreign Human Resources" as well as the provisions of the new visa program, speeches by responsible officials and specialists of this problem make it possible to judge that the government intends to act within the framework of Japanese labor legislation.

Key words: immigration, statuses, foreign workers, interns, students, unskilled labor, employer, parliament, working-visa.

Иммиграция – серьезная социально-экономическая проблема для всех развитых стран в настоящее время. Для некоторых из них это настоятельная необходимость приема мигрантов для восполнения недостатка рабочей силы, для других – вынужденная опека беженцев из горячих точек. И в том и другом случае она связана с финансовыми затратами и сложностями социализации людей подчас с очень различными культурными традициями.

Япония, как известно, на протяжении своего исторического развития практически не сталкивалась с иммиграцией, хотя волны иностранного влияния неоднократно захлестывали страну. Творческое восприятие инноваций и интегрирование их в японскую культуру стало для японцев традицией. Но знакомство с носителями чужой культуры в широких масштабах не состоялось. Япония, как в прямом, так и в переносном смысле оставалась закрытой страной. На протяжении веков число иностранцев, попавших в Японию и оставшихся там, было крайне незначительным. Япония, пожалуй, одна из немногих и единственная среди развитых стран, которая до сих пор остается моноэтнической. Проживавшие в конце Второй мировой войны на территории Японии привезенные сюда в качестве рабочей силы корейцы, а также китайцы из континентального Китая и Тайваня после подписания Сан-Францисского договора были объявлены иностранцами.

Государственная политика в отношении иностранцев опиралась сперва на Акт об иммиграционном контроле 1951 г., а затем на Закон об иммиграционном контроле и о признании иностранных граждан беженцами (*Сюцунюкоку канри оёби наммин нинтэйхо*, далее: закон об иммиграционном контроле[1]), который был принят в 1982 г. после присоединения в 1981 г Японии к Конвенции ООН о статусе беженца[2]. Он не предполагал оставление иностранцев на жительство в стране так же, как и закон

[1] Текст закона см.: Сёроппо (Свод законов). Токио, 1999. С. 618–628.

[2] Другие страны присоединились к этой Конвенции еще в 1951 г.

о гражданстве – облегчение иммигрантам получение японского гражданства. Система регистрации иностранцев в соответствии с этим законом предусматривала лишь их мониторинг, как уже живущих, так и прибывающих в страну, и контроль за ними. И, как отмечают Касивадзаки Тикако (доктор социологии Института Кэйё) и Акаха Цунео (профессор Института международных исследований, Монтерей, США), «представление об иностранных резидентах как о членах [японского] общества было исключительно слабым»[3].

Заинтересованность в иммигрантах как в рабочей силе Япония не испытывала даже в период высоких темпах экономического роста, спокойно обходясь собственными ресурсами. Но ее экономические успехи постепенно начали привлекать сюда иммигрантов. Особенно усилился их приток в связи с начавшихся процессов интернационализации и глобализации и появлением иностранных компаний в Японии.

Они попадали в страну через авиа- и морские порты и просто на лодках, приезжали на учебу в университеты и для получения технических знаний, в качестве туристов и пр. Многие и них, имея разрешение лишь на краткое пребывание, оставались нелегально на значительное время.

Японское иммиграционное законодательство имело (и до сих пор имеет) ограничительный характер. Оно предполагало допускать в страну лишь высоко квалифицированных специалистов. Наплыв неквалифицированной рабочей силы развернулся в 1980-е годы. В 1989 г. в Японии находилось 980 тыс. иностранцев, в конце июня 2018 г. – 2,64 млн человек[4]. Они составляют менее 2% населения, что очень отличает Японию от других развитых стран, где этот процент колеблется между 8 и 25%. И только одна пятая иностранных работников, имеющие высокую квалификацию, имеет право работать.

Для въезда в Японию и пребывания в стране были разработаны статусы (*сикаку*), в соответствии с которыми определяются условия въезда в страну иностранцев и сроки их пребывание там, а также характер деятельности тех или иных персоналий. Для получения статуса долговременного (сейчас – постоянного – проживания) необходимо специальное разрешение министра юстиции.

Учитывая приток иностранцев в условиях все расширяющихся межстрановых соглашений и позиционируя себя как приверженца осуществления процессов интернационализации и глобализации Япония начала постепенно смягчать правила иммиграционного контроля и заявлять о своих намерениях создать иммигрантам благоприятную обстановку пребывания в стране.

Накануне нового века, в начале 1999 г. в правительстве был подготовлен доклад под заглавием «На новом рубеже: больше индивидуализма и совершенствование управления в новом тысячелетии», в котором отмечается, что

---

[3] www/migrationinformation.org/Feature/display.cfm? ID=487.

[4] http://www.nippon.com.

«для того, чтобы позитивно ответить на процесс глобализации и обеспечить жизнеспособность Японии в XXI в., нельзя избежать решения проблемы создания конфортной среды обитания для иностранцев в стране… Прежде всего, следует создать более четкую иммиграционную систему, чтобы иностранцы, которые могут внести свою лепту в развитие японского общества, могли приехать сюда на постоянное место жительство. Необходимо обеспечить особо благоприятный режим тем из них, кто ведет научные исследования в Японии, например получение ими автоматически статуса постоянного резидента после завершения их научной работы»[5].

Наиболее серьезные изменения были внесены в упомянутый закон в 1990-е и в 2000-е годы. Все они касались, главным образом, увеличением сроков пребывания, возможностями получать разрешение на работу и т. п. Так, в частности, в 1990 г. право на работу и долговременное проживание до 10 лет получили так называемые *никкэйдзины* – японцы по происхождению, (речь идет о тех, кто в свое время эмигрировал из страны и теперь, когда Япония успешно развивалась, вернулись на свою родину или прародину). В 1999 г. лица, приезжающие по Программе технического обучения (принята в 1993 г. для профессиональной технической подготовки стажеров из развивающихся стран) и студенты колледжей и университетов получили право подрабатывать в течение ограниченного времени, свободного от учебы и т. д. В 2004 г. работодатели получили право передавать иностранных рабочих в другие отрасли, а стажеры – оставаться в стране на два, на три года и даже на пять лет.

Но, несколько смягчая ограничения для иммигрантов, облегчая им возможности большего срока пребывания в стране, одновременно правительство ужесточало борьбу с нелегальными иммигрантами, нарушителями правил, определяемых соответствующими статусами и т. п. Были приняты, в частности, меры по наказанию работодателей, которые принимали на работу лиц, не имеющих прав на работу (штраф или даже тюремное заключение). В целях предотвращения преступной детельности приезжающим на учебу с 2006 г. требовалось предъявлять идентификационные карты с отпечатками пальцев и фотографии в электронном виде. А нелегальное пребывание иностранцев стало считаться для них уголовным преступлением и т. п. Были опубликованы основания для осуществления депортации, и она осуществлялась.

С 2007 г. действует положение о снятии отпечатков пальцев и наличия биометрических фотографий у всех въезжающих в страну, кроме детей до 16 лет. Число нелегалов, по данным министерства юстиции, за 1993–2010 гг. уменьшилось втрое. С 2012 г. были отменены регистрационные карты для иностранцев (*гайкокудзин торокусё)*, выдаваемые муниципалитетами, и вводились «карты проживания» (*дзайрю* card), выпускаемые министерством юстиции. Карты оснащены встроенным чипом IC во избежание подделок и возможных исправлений.

[5] См.:.The Frontie and Within: Individual Empowerment and Better Government in the Millenium, 2000. P. 18, 19.

Экспертная комиссия по вопросам изменения иммиграционной политики в 2015 г. предложила расширить программу въезда по временной рабочей визе низко или среднеквалифицированных рабочих, а также активизировать программу набора иностранных студентов в качестве практикантов для работы в социальной сфере. В 2017 г. была создана система «green card» для профессионалов высокой квалификации, что позволяло им получить статус постоянного резидента через год, против необходимых ранее 10 лет[6].

Но все эти поправки в целом имели скорее палиативный характер. Но пришло время, когда Япония была вынуждена в своих собственных интересах пойти на более радикальные меры по ослаблению иммиграционного контроля, чтобы восполнить ею рабочую силу, численность которой постепенно сокращалась в связи с демографическими сдвигами (сокращением рождаемости, быстрым старением населения). Особенное беспокойство вызывало начавшееся сокращение численности лиц работоспособных возрастов.

В настоящее время право на работу имеют следующие категории иностранцев: люди, обладающие специальными знаниями или каким-нибудь мастерством (профессора, юристы и пр.); японцы по происхождению, о которых говорилось выше, их потомки и жены (то же относится и к долговременным иностранным резидентам корейского происхождения); лица, приезжающие по Программе технического обучения, чтобы полученные знания использовать в развивающихся странах; лица, занятые на особо указанных работах, за которую выплачивается зарплата (уход за больными – санитарки, сиделки,); лица, приезжающие в Японию по двустороннему соглашению об экономическом партнерстве или по соглашениям о работе во время праздников (это положение введено недавно); лица, занятые на работах вне своего статуса. Это, как правило, студенты, которым разрешено подрабатывать не более 4 часов в день и не более 28 часов в неделю.

Две последние категории – интерны (стажеры), приезжающие в Японию по Программе технического обучения и работающие на ее заводах и предприятиях, а также студенты, подрабатывающие в свободное от занятий время, – являются, не считая нелегалов, основой неквалифицированной рабочей силы, въезд которой официально не производится. Поскольку они не имеют рабочую визу, они не учитываются государственными органами как рабочая сила. Условия труда этих работников достаточно тяжелые. Им приходится часто оставаться сверхурочно, их зарплата намного ниже, чем у японцев, выполняющих такую же работу, и ее часто не доплачивают, а жалующихся – выгоняют с работы. Они не имеют ни социального, ни медицинского страхования (правда, они сами от этого часто отказываются, чтобы отсылать больше денег на родину) и подвергаются дискриминации. Стажеры часто сбегают от своих работодателей, главным образом в большие города, где можно устроиться на более выгодных условиях. По данным Нагацума Акира, законодателя от Демократической партии Японии

[6] http://www.nippon.com.

со ссылкой на министерство юстиции, за 2015–2017 гг. погибло 69 интернов (в том числе шестеро покончили с собой). Журналисты «Japan Times» рассказали об 11 стажерах в возрасте от 18 до 44 лет (из Китая, Вьетнама Таиланда, Филиппин и Индонезии), которые стали жертвами несчастных случаев на производстве, что свидетельствует о низком уровне обеспечения систем безопасности. По заявлению министра юстиции, в 2018 г. куда-то пропало 9 тыс. интернов, более 10% из них уехали из-за проблем со своими работодателями. Без принятия соответствующих мер, по словам юриста из Демократической партии Японии Арита Ёсифу, новая система лишь укрепит существующие реалии дискриминации иностранных рабочих, попрания прав человека[7].

Программа технического обучения, кроме того, негативно прославилась своей связью с брокерами, которые собирают с желающих приехать в Японию на учебу баснословные денежные суммы. Вот, например, последние свидетельства журналистов из «Нью-Йорк Таймс», которые интервьюировали человек двенадцать стажеров: чтобы поехать в Японию на учебу они платили брокерам у себя на родине от 7 до 11 тыс долл. Многие для этого брали взаймы деньги у родственников или кредит у банков[8], а не выплатив долга, они не могли покинуть Японию. По Программе технического обучения ежегодно в Японию прибывало свыше 100 тыс. человек. За 2013–2017 гг. в качестве стажеров приехало 480 тыс. человек.

Но при всем при том низкоквалифицированной рабочей силы явно не хватает. Поэтому в июне 2015 г. была одобрена правительственная политика в области экономики, финансового управления и реформ, частью которой было проблема иммиграции. Было принято решение в закон об иммиграционном контроле дополнительно внести два новых статуса, предусматривающих получение иностранцами рабочей визы[9]. Они касались возможностей приезда иммигрантов для выполнения низко- и среднеквалифицированной работы, что резко контрастировало с существующим принципом принимать только исключительно квалифицированных специалистов. Правительство намерено принять за последующие пять лет 345 тыс. иностранных работников для выполнения работы невысокой квалификации.

Эти, наиболее радикальные поправки к закону об иммиграционном, контроле, были приняты парламентом 8 декабря 2018 г. с введением в силу с 1 апреля 2019 г. Такому решению предшествовали бурные дебаты, как в парламентских кругах, так и в средствах массовой информации. Это было удивительно, ибо ранее проблемам иммиграции уделялось незначительное внимание. Как отмечает сотрудник Японского центра международных связей известный специалист по проблемам иммиграции Тосихиро Мэндзю,

---

7 Japan Times. 07.12.2018; Nikkei Asian Reniew. 01.04.2019.

8 The New- York Times, 10.12.2017.

9 http:/.www.nippin.com/en/indepth/a06004/

в парламенте эта проблема рассматривалась в течение долгого времени как предмет третьестепенной важности[10].

Новые статусы вводятся для работников 14 отраслей, где, по данным торгово-промышленной палаты, в июле 2018 г. примерно 65% мелких и средних предприятий ощущали наибольшую нехватку рабочей силы несмотря на то, что зарплата там была увеличена. Требовалось примерно 1,2 млн рабочих, главным образом в трудоемких секторах экономики. Это – строительство, кораблестроение, сельское хозяйство, гостиничный и ресторанный бизнес, оказание различных услуг, розничная торговля, больницы, благотворительные учреждения[11].

Речь идет о появлении статусов для резидентов двух категорий (первой и второй), имеющих определенные технические навыки и какое-то знание японского языка. Срок пребывания по этим статусам определен в пять лет, Статус первой категории, который предполагает у иностранцев небольшой уровень определенных технических навыков (синие воротнички), не разрешает привозить с собой семью. Статус второй категории предоставляется лицам, имеющим более высокий уровень подготовки, чем требует квалификация по статусу первой категории. Они могут приезжать с женами и детьми. Лица, имеющие статус 1 категории, сдав необходимый экзамен, могут получить статус второй категории (это положение пока что может быть применимо с 2021 г. к работникам в строительной и кораблестроительной отраслях). Более того, при определенных условиях они могут получить возможность изменить свой статус, сдав экзамены, подтверждающие повышение их мастерства и знания языка, т. е. новая система предусматривает определенный лифт.

Предполагается, что обе категории иммигрантов будут размещены не в мегаполисах, где неквалифицированных рабочих достаточно, а на периферии, на окраинах, где, в частности, развито ремесленное, традиционно японское, производство, где нужны скорее не автоматизация или роботы, а умелые руки.

В дополнение к предложенным поправкам к закону об иммиграционном контроле, 25 декабря 2018 г. (при том, что поправки к закону были приняты уже 8 декабря!) правительство опубликовало документ под названием «Всеобъемлющие меры по принятию на работу и включению [в общество] иностранных человеческих ресурсов». Предполагается по всей Японии учредить 100 Центров в префектурах и муниципалитетах с целью обеспечивать иностранцев информацией и консультациями по поводу жизни в японских локальных обществах на различных языках, в том числе английском, китайском, корейском, вьетнамском (всего 10 языков).

Но пока что сведений о том, как конкретно будут действовать эти новые структуры, нет. Не ясно, например, как будут финансово обеспечиваться

---

10 www.nippon.com/en/indepth/a06004/

11 https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2018–08–03/japan-becoming-country-immigration; Nikkei Asian Review. 01.04.2019.

упомянутые Центры, хотя предполагается, что правительство будет помогать местным органам власти; все ли муниципалитеты сумеют обеспечить их переводчиками, как будет налажена их языковая подготовка, медицинская помощь. Ничего не сказано также о механизме распределения новой рабочей силы в периферийных районах, где как раз ощущается нехватка рабочей силы, а не концентрироваться в тех, где зарплата значительно выше и т. д., тем более, что в законе предусматривается возможность для работников с статусом первой категории перейти к статусу второй категории, которая не предусматривает никакого ограничения местопребывания. Недаром, видимо, в статьях, касающихся новых поправок к закону, часто попадается слова «дискуссионные», или «противоречивые». Возможно, вводя эти новые статусы, правительство преследует две цели: дать возможность некоторым, особо активным и талантливым интернам и студентам, опираясь на полученные знания, основать, например венчурные предприятия, а тем, кто менее успешны, пополнить ряды низкоквалифицированной рабочей силы.

Но, конечно, надо отметить, что сегодня впервые правительство опубликовало свое видение учреждение дополнительных органов для осуществления иммиграционной политики. Раньше были лишь виртуальные заявления о необходимости создания благоприятных условий для проживания и работы иммигрантов, как в частности, указывалось в вышеприведенном докладе в связи с наступлением нового века. Но этот доклад не был директивой, он был предложен для широкого обсуждения этой проблемы. Нельзя сказать, что иммигрантам совсем никто не помогал. Что-то делали местные органы власти, отдельные группы локальных обществ, волонтеры, неприбыльные организации, но государственной поддержки не было. А ведь в 2017 г. в стране было почти 2,6 млн иностранных резидентов.

Что же предлагает иммигрантам новая визовая система по сравнению со спонсируемой государством Программой технического обучения лиц из развивающихся стран. Сможет ли она защитить иностранных рабочих, обеспечить им права человека и в целом создать благоприятную обстановку для работы и жизни в Японии. Об этом можно судить по сведениям, появившемся в средствах массовой информации в 2017–2019 гг. с основном со ссылками на заявления правительства и выступления ответственных и компетентных лиц.

В частности, меняются правила въезда в страну работников невысокой квалификацией. Они становятся более строгими. Если по Программе технического обучения желающий в возрасте 18 лет мог свободно приехать в Японию, то теперь для получения визы 1 категории он должен подтвердить какие-то навыки по технической специальности и определенный уровень знания языка. Наиболее предпочтительными абитуриентами теперь будут считаться те, кто, так или иначе, прошел трехлетний курс по Программе технического обучения (для предпринимателя они уже знают в определенных рамках японский язык, а также правила жизни в стране). Этого достаточно для получения визы первой категории.

Кроме того, раньше строго оговаривался срок пребывания – три года. По новой системе в течение пяти лет можно поменять работодателя (раньше это было сделать нельзя вообще), прервать работу, а потом продолжать ее до окончания пятилетнего срока (но при этом ежегодно заключать контракт). Виза второй категории дает право в любой момент получить разрешение на приезд жены и детей.

Со своей стороны, работодатель теперь обязан предоставить возможность стажерам открыть банковский счет, обеспечить их обучение японскому языку, объяснить им правила поведения в стране, ее обычаи, помочь найти жилье, медицинскую помощь.

Важной особенностью для рабочих, приезжающих по новой системе статусов, является то, что они после положительного результата проверки их знаний, сами выбирают себе частную фирму в которой они собираются работать. И она же будет осуществлять надзор за их деятельностью. По программе стажеров за их работой наблюдали такие организации как торговая палата, сельскохозяйственный кооператив или неприбыльные организации.

По словам представителя министерства юстиции, чтобы исключить случаи не полной оплаты труда иностранных работников, теперь министерство будет требовать от работодателей предоставлять иммиграционному бюро доказательства об оплате труда в виде банковских извещений. Новая визовая программа касается также соблюдения трудового права и в такой области как оплаченные отпуска и поездки на родину при необходимости. Ранее посещение родной страны стажерами не предусматривалось в течение всего срока обучения – трех лет. Был также решен вопрос и в случае беременности интерна. Если раньше дело доходило до увольнения, то теперь эта проблема будет обсуждаться с работодателем: продолжать ли учебу или сделать перерыв для поездки на родину.

Правительство также обещает, что оно обяжет работодателей, нанимающих работников по новой программе, уплачивать им заплату на уроне получаемой японцами. В частности, с этой же целью оно обещает оказать финансовую поддержку организуемым Центрам на местах расширить заключение соглашений о свободной торговле, что должно помочь избавиться от посредничества нелегальных брокеров при заключении контрактов с иностранными рабочими. Для борьбы с брокерами министерство юстиции предлагает просто не принимать заявлений о приезде на учебу от тех, кто делает это через посредников.

Обеспечение иностранных рабочих такой же зарплатой, которую получают японцы – одно из самых трудных для осуществления положений. Согласно опросу «Кёдо ньюс», примерно половина респондентов выразила сомнение, что местный бизнес сумеет обеспечить иностранным рабочим такую же зарплату, как и японским коллегам. Даже, отвлекаясь от финансовых условий, в которых работают эти компании, ведь важная цель найма

работодателями иностранных рабочих – сэкономить на оплате рабочей силы[12].

Не менее сложная проблема – обеспечить рабочей силой малые города, где зарплата, как правило, намного ниже, чем в мегаполисах. Представитель Либерально-демократической партии посоветовал, в частности, чтобы были приняты легальные шаги к установлению минимальной суммы заработной платы для иностранных рабочих единой по все стране, а не основываться на стоимости прожиточного минимума для каждого данного района, как это практикуется в настоящее время.

Наряду с предложениями о том, как осуществить то или иное положение, связанное с внедрением новых статусов, специалисты, связанные с проблемами иммиграции, снова говорят о необходимости использовать в первую очередь внутренние ресурсы, о том, что Япония еще не исчерпала собственные возможности повышения численности рабочей силы в лице женщин и пенсионеров. Дэгути Харуаки, президент Азиатско-Тихоокеанского университета Рицумэйкан (г. Бэппу, префектура Ойта), например, считает, что вопрос о дополнительном притоке относительно невысокой квалификации рабочей силы можно решить, прежде всего, используя внутренние ресурсы, привлекая на рынок труда все больше женщин и повышая возраст выхода мужчин на пенсию до 75 лет (при том, что здоровье им позволяет еще работать).

Нельзя сказать, что правительство не прилагало усилий для освобождения женщин от домашней работы и улучшения им других условий для воспитания детей. Но, как свидетельствуют факты, пока его усилия не достаточны. И это не удивительно, принимая во внимание национальные традиции, от которых отказаться очень трудно, и еще незначительный срок выхода японок на рынок труда.

Но еще более важным она считает необходимость создать благоприятные условия для привлечения в японские вузы активную молодежь, которая в будущем сможет сдвинуть экономику страны, создав креативные предприятия в наш век информационных технологий.

Первые шаги на пути применения системы новых статусов были сделаны уже в конце января 2019 г. В СМИ появились сообщения, о том, что правительство намерено начать тестировать уровень квалификации иностранцев, которые выразили желание приехать работать в Японию. Оно будет проходить или в Японии, или в странах, откуда собираются прибыть иммигранты (Камбоджа, Китай, Малайзия, Монголия, Мьянма, Непал, Филиппины, Вьетнам, Таилланд). В частности, речь идет о претендентах из Вьетнама и Филиппин для работы в секторе по уходу за больными, немощными, стариками и пр. (кстати сказать, такие специалисты из этих двух стран недавно начали работать в Японии в соответствии с двусторонними соглашениями об экономическом партнерстве). В ресторанном и гостиничном бизнесе такого рода тестирование начнется в апреле главным образом в Японии, в остальных секторах – в мае

[12] Подробнее см.: Nikkkei Asian Review. 01.04.2019., Japan Times. 12.02.2018 и др.

и несколько позже. Тестирование проводится по техническим и языковым знаниям в объеме, в котором это необходимо для той работы, на которую претендуют иммигранты (по японскому языку надо иметь не менее четвертого уровеня знаний по японской шкале, т. е. второму от самого низкого), Кроме того, между заинтересованными правительствами будет произведен обмен документов, в том числе и по вопросу о прекращении деятельности мошенников-брокеров. Для проверки знаний иностранцев для работы в секторе по уходу за больными будут созданы специальные тесты по японскому языку, требуемые для каждой данной специальности[13].

Многие положения новой системы принятия иностранных рабочих и отношения к ним, упомянутые выше, появились в печати уже после принятия закона как такового. И теперь можно сказать, что поправки к закону об иммиграционном контроле действительно означают поворот и даже разворот в иммиграционной политике японского правительства, как об этом пишут в СМИ. Это, безусловно, означает лигитимизацию работу низкоквалифицированных иностранцев в Японии. Оговорены такие важные вопросы как адекватная заработная плата, как направление вновь принятых рабочих на окраины, о необходимости обучение иностранцев японскому языку, ибо он – основа культуры и т. п., но механизма, как удержать их вне крупных городов или как платить им такую же зарплату, как и японским работникам, кто, где и как будет учить японскому языку, пока не предложено. Кстати сказать, о необходимости внедрения адекватной оплаты иностранных рабочих, их страховки от несчастных случаев и пр. не раз требовали Японская федерация экономических организаций (Кэйданрэн) и Японская конфедерация профсоюзов (Рэнго), но ничего не менялось. И нельзя не сомневаться в том, что трудности на пути осуществления такой иммиграционной политики встретятся весьма серьезные.

Предложенные правительством изменения в законе об иммигрантском контроле подверглись резкой критике со стороны оппозиционных партий, различных общественных организаций и отдельных граждан. Неоднократно высказывались требования о необходимости конкретизации многих положений, прежде всего, о конкретном осуществлении социальной инфраструктуры пребывания иммигрантов в стране. Многие критики отмечали, что эти поправки ничего не меняют в деятельности Программы технического обучения, которая себя зарекомендовала очень негативно. Другие, ссылаясь на то, что речь идет о временных рабочих, то надо исключить возможность предоставления им статус долговременного проживания и т. п.

Во всех выступлениях оппозиционеров, прежде всего, звучали требования продлить обсуждение поправок, а не принимать закона немедленно, к чему стремилось правительство и что оно и сделало. К этому, в частности, призывал генеральный секретарь самой крупной оппозиционной партии – Японской демократической партии Фукуяма Тэцуро. Он критиковал правительство

[13] Japan Times. 23.01.2019.

и правящую коалицию за такое срочное принятие поправок к закону без скрупулезного обсуждения текста поправок. Глава секретариата Японской коммунистической партии Коикэ Акира отмечал, что администрация Абэ оказалась неспособной довести необходимые объяснения новой системы принятия иностранных рабочих до общественности и высказал пожелание продолжить обсуждение этой проблемы в будущем[14].

Специалисты по иммиграционным проблемам, в целом положительно оценив предложенные поправки, настаивали на конкретизации основных положений новых статусов, дальнейшее серьезное обсуждение механизма их исполнения, в частности, гарантии осуществления прав человека. Но правящая коалиция настойчиво протаскивала принятие закона незамедлительно.

Оппозиционные законодатели даже предложили осудить деятельность премьер-министра Абэ Синдзо и министра юстиции Ямасита Такаси в связи с предложенной новой системой и исключительной быстротой ее принятия. Представители правящей коалиции объясняли такую поспешность с принятием закона острым недостатком рабочей силы в стране. Дело дошло до того, что когда Ёкояма Синъити, председатель юридической комиссии палаты советников, объявил, что комиссия будет голосовать за принятие закона, один из оппозиционеров попытался вырвать у него микрофон[15].

Но, что самое удивительное, критики закона выступали в большинстве своем не против возможного увеличения притока иностранцев, чего в течение многих лет не хотели японцы, опасаясь потери рабочих мест и роста преступности. Об этом очень ярко свидетельствуют результаты постоянных опросов общественного мнения. Но сейчас, во время заседания парламента, оппозиционеры, прежде всего, выступали против той процедуры, которую создала правящая коалиция для быстрого принятия решения. Опросы общественного мнения подтвердили, что неудовольствие у населения также вызвало скорее недостаточно глубокое обсуждение новой системы, а не возможный приток большого числа иностранных рабочих. Так, например опрос, проведенный в ноябре 2018 г. газетой «Ёмиури симбун», показал, что 48% респондентов поддерживает увеличение числа иностранных рабочих, 42% высказались против. При этом 73% заявили, что нет такой необходимости принимать этот акт на данной сессии, лучше бы продолжить дискуссию. Было даже подсчитано, что юридическая комиссия палаты советников обсуждала поправки к закону 20 часов 45 минут, вместе с часами, в течение которых эта проблема дискуссировалась в палате представителей получается всего 38 часов.

Правительство и выступающие депутаты от правящей коалиции все время подчеркивали, что закон принимается в условиях острой нехватки рабочей силы, что новые визовые нормы не означают радикального изменения политики Японии в отношении приема «иммигрантов», можно не беспокоиться, что японские рабочие лишатся из-за этого своей работы, а преступность возрастет. Кстати сказать, в Японии очень низкий по сравнению с другими

[14] Mainichi. 08.12.2018.

[15] http://nippon.com.

развитыми странами уровень безработицы, так что вряд ли иностранцы будут претендовать на рабочие места японцев.

Абэ Синдзо в своем выступлении в парламенте утверждал, что новая система фундаментально отличается от прежней Программы технического обучения. Он обещал, что правительство сформулирует меры по принятию иностранных рабочих в конце года, что членам парламента все будет разъяснено после того, как правительство и заинтересованные министерства разработают необходимые постановления. Это обещание было дано на запрос спикера палаты представителей Осима Тадамори[16]. За принятие закона голосовали представители Либерально-демократической партии, партии Комэйто и оппозиционной малой партия Ниппон Исин (Японская партия возрождения). Демократическая партия Японии и коммунисты – резко против.

Почему, несмотря на настойчивые требования о необходимости продолжения обсуждения закона, правящая коалиция так спешила его принять? Потребность в рабочей силе проявилась ведь не только в декабре 2018 г. По этому вопросу можно, видимо, прислушиться к мнению главы Токийского центра ОЭСР Мураками Юмико. Она считает, что, официально признав необходимость привлечения иностранных рабочих, Япония должна понять, что речь идет об экономических иммигрантах, для которых надо предложить благоприятные условия, чем они существуют в странах, откуда рабочие приезжают (из Китая, Вьетнама, Индонезии и Филиппин). Старение населения уже идет быстрыми темпами, в том числе и в странах Азии, например в Республике Корея, Китае и Таиланде. И они могут уже скоро составить конкуренцию в погоне за молодой рабочей силой. Республика Корея уж готовит пакет документов, которые смогут привлечь временных мигрантов на срок до 10 лет[17].

Во всех медийных статьях, посвященных поправкам к закону об иммиграционном контроле, отмечается, что изменения, вносимые в закон, означают серьезный отход от прежней политики ограниченного приема иностранных работников – только высокого уровня специалистов – что принятие новых двух статусов – радикальное изменение направления иммиграционной политики страны. А само принятие мер по интеграции иностранных человеческих ресурсов уже оценивается не только как возможность притока иностранных рабочих благодаря новым видам виз, а предусматривает несколько большее. Известный эксперт по иммиграционным вопросам, директор управляющий Центром международного обмена Тосихиро Мэндзю считает, что эта новая политика выходит далеко за пределы проблемы иммиграции[18]. Он не раскрывает смысл последних слов. Возможно, речь уже начала идти о важности адаптации иностранцев в японское общество.

И вот эта проблема – интеграция иностранных рабочих в японское общество – самая сложная, прежде всего, потому, что японцы вообще не любят иностранцев. Они интересуются всем, что есть новое в других странах,

[16] Mainichi. 08.12.2018.

[17] The Japan Times. 17.07.2018.

[18] http://www.nippon.com/en/indeotg/a06004/

стараются при необходимости перенять нововведения и использовать у себя дома в соответствии со своими традициями и т. д. Конечно, иностранные рабочие могут выучить язык, поймут и станут уважать японские обычаи, участвовать в японских праздниках, научатся не шуметь там, где надо вести себя спокойно, привыкнут к раздельному сбору мусора и т. д. Но вот, когда речь заходит о мировоззрении, миропонимании, мироощущении, то счет уже идет на века. Достаточно вспомнить, что буддизм проник в Японию в VI веке, но, сколько прошло времени, чтобы с инто-буддистский синкретизм стал интегральной частью японской культуры…

Как известно, японцев с детства воспитывают с учетом дихотомии «свой-чужой» *(ути-сото)*. И эта их нелюбовь к чужому доводит до того, что слово «иммигранты» они стараются просто не произносить. у них нет иммигрантов, у них есть «приглашенные рабочие» по аналогии с «приглашенными» профессорами, или просто иностранные рабочие. Это вызывает улыбку, но это факт. Когда читаешь официальные документы правительства, то можно сделать вывод, что такого явления как иммиграция в этой стране вообще не существует, что в Японию приезжают иностранные работники только обладающие высококвалифицированными знаниями или уникальными техническими возможностями. Даже, сейчас, когда правительство старается открыть двери к более широкому притоку именно рабочих, японские официальные лица по возможности слово «иммигранты», не используют. Министр юстиции, например, говоря в 2015 г. об увеличении квоты и сроков пребывания в Японии иностранных строителей в связи с олимпийскими играми в 2020 г. называет их иностранными рабочими, а не иммигрантами. Точно также в 2016 г. в ежегодном отчете о работе канцелярии премьер-министра, касающегося стратегии возрождения Японии, по отношению к низкоквалифицированным рабочим используется термин «иностранные таланты – гайкокудзин дзиндзай»[19]. Но, конечно, от того, что иностранных рабочих не будут называть иммигрантами, они не перестанут ими быть.

В 2017 г. в японской экономике работало 1,27 млн иностранцев, в два раза больше, чем в 2012 г. Они сидят за кассами в супермаркетах, они ухаживают за стариками, немощными и инвалидами, они прислуживают в домах престарелых и хосписах. Их только не учитывает официальная государственная статистика, поскольку у них нет рабочей визы.

Но теперь она у них будет. Важно, чтобы все обещания правительства, сделанные в ходе рассмотрения этой проблемы, были бы выполнены. Тогда можно будет сказать, что принятием поправок к закону об иммиграционном контроле Япония сделала важный шаг на пути к осуществлению цивилизационной иммиграционной политики, в которой государственная поддержка иностранным рабочим в процессе адаптации в японское общество должна сыграть серьезную роль.

---

[19] https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2018–08–03/japan-becoming-country-immigration.

*Окимбеков У. В.**

АФГАНИСТАН: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПОД ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ ТАЛИБОВ

Okimbekov U. V.**

AFGHANISTAN: SOCIAL AND ECONOMIC LIFE UNDER PARALLEL GOVERNANCE OF TALIBAN

Аннотация: Материал работы посвящен деятельности и влияния движения талибов в социально-экономической жизни афганского общества, как в неподконтрольных, так и подконтрольных официальной власти территорий. Изложены конкретные факты о размерах, видах и методах сбора талибами налогов в конкретных районах, провинциях и сферах афганской экономики.

Ключевые слова: Афганистан, талибы, экономика, налоги, финансовая комиссия, бюджет.

Abstract: The Article is devoted to the activities and influence of the Taliban movement in the socio-economic life of Afghan society, both in uncontrolled and under the control territorials of the official authorities. Specific facts are presented about the size, types and methods of collection of taxes by the Taliban in specific areas, provinces and spheres of the Afghan economy.

Keywords*:* Afghanistan, Taliban, economy, taxes, financial commission, budget.

Движение талибов, запрещенное в большинстве стран мира и внесенное в список террористических организаций (в частности, в России с 04.03.2003 г.), привлекает все больше внимания, как внешних игроков, так и внутренних, заинтересованных в разрешении афганской проблематики. Многие страны, несмотря на введенные ими же санкции, в последние годы активизировались в этом направлении и участили контакты с талибами относительно вопросов будущего политического обустройства Афганистана, а лидеры самого движения свободно передвигаются по разным странам, принимают участие в переговорах, излагают свое видение, диктуют условия по имеющимся на повестке дня темам.

Наша страна, занимавшая изначально позицию невмешательство во внутриполитические дела Афганистана, подключилась к процессу урегулирования межафганского конфликта и посредством предоставления площадок для встреч разным его участникам, прилагает усилия по продвижению афганского мирного процесса. Только с ноября 2018 по май 2019 гг.

---

* *Окимбеков Убайд Вафобекович* – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН; e-mail: ubayd@inbox.ru.

** *Okimbekov Ubaid Vafobekovich* – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Center for Near and Middle Eastern Countries' Studies, IOS RAS, Moscow; e-mail: ubayd@inbox.ru.

лидеры талибов трижды посетили Москву с целью участия в переговорах по разрешению ситуации в Афганистане.

Первый визит состоялся в рамках московского формата консультаций о мире в Афганистане, куда из каттарского офиса движения приехали высокопоставленные лица талибов. Второй раз в более расширенном составе делегация талибов побывала в российской столице в начале февраля 2019 г. для участия в межафганском диалоге, инициатором которого выступала афганская диаспора России. На встрече приняли участие представители бывшего Северного альянса, известные в Афганистане политические фигуры, представители оппозиционно настроенных к нынешним властям влиятельных партий и движений. Некоторые западные СМИ эту встречу называли беспрецедентной после боннской конференции 2001 г.[1] Третий визит делегации из 14 человек во главе с руководителем политического офиса талибов в Катаре муллой Ахундом Барадаром состоялся 28 мая 2019 г. для участия в торжестве, посвящённого 100-летию становления российско-афганских дипломатических отношений.

США, включившие лидеров талибов в черный список и объявившие самого движения террористической, на разных уровнях давно контактируют с нынешним их руководством, проводят переговоры относительно вопроса политического будущего Афганистана. Талибы на всех встречах твердо настаивают на главное условие – полный вывод иностранных войск из Афганистана. По итогам седьмого раунда мирных переговоров США и талибов в Катаре в начале июля 2019 г. представитель движения заявил, что с американской стороной достигнуты определенные результаты, что черновой вариант соглашения составлен и окончательный текст по мере готовности будет представлен прессе[2].

В связи с этими и другими событиями, происходящими вокруг Афганистана и внутри него, возникает вопрос о том насколько необходимо уделять столь повышенное внимание талибам, вести с ними переговоры, считаться с мнением лидеров движения, насколько прочна и сильна их позиция в стране, какова их роль в экономической жизни страны, изменилась ли социальная политика талибов со времени свержения режима в 2001 г.? Становится интересным проследить ход развития нынешней внутренней социально-экономической обстановки страны, оценить степень фактического влияния движения на происходящие внутри Афганистана процессы.

Возвращаясь к истории афганских политических событий начала текущего столетия, напомним, что осенью 2001 г. в рамках операции «Несокрушимая свобода» США вторглись в Афганистан с целью, как было тогда заявлено, свержения режима талибов, восстановления мира и порядка

[1] طالبان در نشست مسکو: قانون اساسی افغانستان اعتبار ندارد http://www.bbc.com (дата обращения: 05.02.2019).

[2] Представители «Талибана» сообщают о принятом черновике мирного соглашения с США http://afghanistan.ru (дата обращения: 09.07.2019); Afghanistan War Cost, Timeline, and Economic Impact https://www.thebalance.com (дата обращения: 15.06.2019).

в этой стране. После определения состава временного правительства в январе 2002 г. состоялась первая международная конференция, посвященная вопросам восстановления и развития разрушенной экономики постталибского Афганистана. С тех пор странами-донорами, а также международными финансовыми институтами Афганистану была оказана всесторонняя помощь[3]. Результатом приложенных за ушедшие годы усилий стали построенные автомобильные дороги, электростанции, объекты ирригации, школы, больницы, произошли и другие жизненно важные изменения. Самая операция стала одной из самых дорогостоящих для США, прямо и косвенно было потрачено около двух трлн долл. на афганскую кампанию[4].

Прямые расходы афганской компании США

Год	Млрд долл.	Год	Млрд долл.
2001	23	2011	107
2002	23	2012	101
2003	17	2013	86
2004	15	2014	77
2005	21	2015	58
2006	19	2016	50
2007	31	2017	54
2008	39	2018	52
2009	56	2019	52
2010	94	**Всего**	**975**

Источник: Afghanistan War Cost, Timeline, and Economic Impact https://www.thebalance.com/cost-of-afghanistan-war-timeline-economic-impact-4122493

За прошедшие чуть менее 20 лет официальный Кабул формально установил свою власть во всех провинциях, городах и районах Афганистана, административные органы власти и силовых структур действуют во всех городах и районах. В реальности государственная машина в полной мере не везде работает и местами имеет лишь номинальный статус. В отдельных районах параллельно присутствует и функционирует власть талибов, имеющая четкую управленческую структуру с центром в пакистанском г. Кветта, где базируется главный орган правления движения – «Кветта Шура» (Совет Кветты)[5].

[3] Окимбеков У. В. Государственный бюджет Афганистана: проблемы формирования и использования // Восточная аналитика. Выпуск 4, М., 2018. С. 53–54.

[4] Neta C. Crawford. United States Budgetary Costs of the Post-9/11 Wars Through FY2019: $5.9 Trillion Spent and Obligated. Watson Institute for International and Public Affairs at Brown University, 14 November 2018. P. 2–7.

[5] «Во главе талибов стоит амир аль-муъминин (повелитель правоверных), каковым в настоящее время является мулла Хайбатулла Ахун-заде. Форма и масштаб правления варьируются в зависимости от того, кто занимает (эту) позицию, но нынешний эмир действует скорее, как духовный

Талибы не только имеют политическое влияние в подконтрольных районах, но и распространяют свою экономическую власть там, где формально действуют государственные структуры. По сути, движение талибов представляет собой параллельную власть, охватывающая все сферы жизнедеятельности населения подконтрольных территорий.

Согласно материалам отчета американского Специального генерального инспектора по восстановлению Афганистана к концу 2018 г. официальный Кабул контролировал только 53.8% территории с 63,5% населением страны, что говорит о снижении этих показателей по сравнению с годом раньше. Под полным контролем властей находятся 74 района, а в 145 имеют свое влияние (56% территории страны), что на 8 единиц меньше по сравнению с 2017 г. На долю мятежников приходятся соответственно 12 и 38 районов, а остальные (138 районов) считаются спорными. После вывода основной части сил коалиции из Афганистана (2014 г.) талибы стали более активно и увереннее вести вооруженную борьбу против действующих властей. В результате этого государство терпит потери по всем направлениям, включая экономические и в плане живой силы. Президент страны Ашраф Гани в январе 2019 г. заявил, что с момента его прихода к власти в сентябре 2014 г. в боях против противника погибло 45 тыс. солдат, сил безопасности и сотрудников милиции Афганистана[6]. Отметим, что всего с осени 2001 по октябрь 2018 гг. эти потери составили 58 тыс. человек. Следовательно, 77,6% потерь приходятся на период после 2014 г. Талибы за весь период имеют заметно меньше людских потерь – 42 тыс. боевиков[7].

В июне 2018 г. вышел отчет «Overseas Development Institute» под названием «Жизнь под теневым правительством талибов», автор которого изучал ситуацию в районах, находящиеся под контролем талибов. Характеризируя нынешнюю систему управленческой работы движения, автор пишет, что «структура управления талибов более когерентна, чем когда-либо прежде; комиссии высокого уровня с четкой цепью командования и политикой, начиная от руководства, базирующегося в Пакистане и заканчивая уровнем деревень в Афганистане, управляют такими секторами, как финансы, здравоохранение, образование, правосудие и налогообложение. Талибы контролируют движение общественных товаров и услуг, предоставляемые правительством и организациями, оказывающие

и политический лидер, нежели действующий командир. В настоящее время он имеет два заместителя – сын муллы Омара, Якуб, и сын Джалалуддина Хаккани, Сираджуддин, а также руководства *шуры*. На уровне провинций действует теневой губернатор, официально назначаемый руководством *шуры*. Губернаторы обычно выбираются из числа уроженцев других провинций с ежегодной ротацией, хотя бывают и исключения. В настоящее время талибы имеют квази-профессиональное ядро из числа людей, которые в течение нескольких лет управляют несколькими провинциями».

[6] Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction Quarterly Report to the United States Congress. January 30, 2019. P. 43; 68–72.

[7] Neta C. Crawford. Human Cost of the Post-9/11 Wars: Lethality and the Need for Transparency. Watson Institute for International and Public Affairs at Brown University, November 2018. P. 1.

помощь. Здравоохранение и образование в районах подконтрольных ими представляют собой гибрид НПО и государственных услуг, действующих в соответствии с правилами талибов. Министерства, предоставляющие услуги, заключают соглашения с местными талибами; большинство опрошенных чиновников сферы здравоохранения или образования на уровне провинций и районов заявляли, что находятся в непосредственном контакте со своими коллегами из движения талибов, а некоторые даже подписывали официальные меморандумы о взаимопонимании, в которых изложены условия их сотрудничества»[8].

Работоспособность параллельной власти талибов обеспечивается военизированной машиной, в которой общая численность потенциальных участников сражений и вспомогательных элементов, по одним данным превышает 200 тыс. человек. Из них боевиков насчитывается около 150 тыс., из которых свыше 60 тыс. на постоянной основе активны и являются мобильными подразделениями, а остальные – местными ополченцами[9].

Ниже на основе материалов афганской прессы рассмотрим методы работы теневого правительства талибов в экономической сфере конкретных районов и провинций Афганистана в период после 2014 г. Использованы данные тех материалов афганской прессы, в которых ссылаются на представителей провинциальных и центральных властей или подтверждаются ими. Афганские информационные агентства публикуют материалы, основанные на беседах и интервью жителей отдельных провинций, испытывающие, с одной стороны, давление самого рынка, и вынужденные, с другой, выплачивать налог, как в государственный бюджет, так и представителям талибов. Следует сказать, что цифры, приведенные в материалах, скорее всего оценочные и не могут претендовать на абсолютную точность.

Денежными и фискальными вопросами движения талибов занимается Комиссия по экономическим и финансовым вопросам Исламского Эмирата Афганистана, имеющая немного запутанную структуру[10]. То есть источником поступления немалой части материальных доходов служат не только производства и контрабанда наркотических веществ,

---

[8] Life Under the Taliban Shadow Government. June 25, 2018. P.

[9] Antonio Giustozzi. Report Afghanistan: Taliban's organization and structure. The Norwegian Country of Origin Information Centre, Landinfo, 23 August 2017. P. 12.

[10] «Финансовая комиссия состоит из различных подразделений, занимающиеся конкретным видом деятельности или сферы, таких как электричество, горнодобывающая промышленность, таможня или добычи руды. Параллельно отдельные комиссии занимаются полезными ископаемыми, энергетикой, сельскохозяйственными и государственными землями. На первый взгляд представляется, что у этих подразделений мандаты частично совпадают, но интервью показывает, что они охватывают отдельные географические области и у каждой свой источник дохода. Комиссия по минералам и энергетики, по-видимому, отвечает за медный рудник Айнака в Логаре, в то время как отдел по финансовым вопросам Финансовой комиссии курирует мраморные карьеры в Гильменде. Соответствующие филиалы или отделы, находящиеся в ведении военной комиссии, также приносят доход, включая отдела конфискации имущества» Life Under the Taliban Shadow Government. June 25, 2018. P. 21.

но и выгоды, извлеченные за счет обложения налогом субъектов афганского легального рынка товаров и услуг.

Налоги и поборы талибов условно можно разделить на традиционные исламские и рыночные. К первой относятся *ушр* и *закят*[11], а второй – разного рода тарифов и пошлин. Например, в провинции Гур в своем обращении к местным жителям талибы наравне с исламскими налогами также требуют выплачивать транспортный налог в размере пяти тыс. афгани с мотоцикла[12].

На главных автомагистралях, ведущие к сухопутным таможенным портам, боевики движения собирают поборы в соответствии с установленными «Исламским эмиратом» тарифами. В частности, в провинции Нимруз действуют следующие тарифы: на ввоз цемента – 20 тыс. афгани, металла – 40, строительных конструкций – 25, электрооборудования – 60 и сигареты – 130 тыс. афгани с грузовика. Такое положение дел имеет место и в других провинциях[13].

Сравнительно уязвимые звена цепочки объектов налогообложения талибов – жители сельских местностей повсеместно подтверждают факт выплаты представителям движения налогов с полученного урожая. Северо-восточная провинция Кундуз является местом, где талибы получают большие денежные доходы, в частности, за счет сбора двух указанных видов налогов. Здесь, как и в случае других провинций, не только земледелие и садоводство, но и пассажирский, а также грузовой транспорт, включая рикши, занимающиеся перевозкой земледельческой продукции, облагаются налогом[14].

Налоговая система талибов не ограничивается подконтрольными ими территориями. Есть районы, где физическое их присутствие официально признается всеми правительственными структурами, но встречаются и такие которые формально находятся под управлением местных органов государственной власти, назначенных из Кабула, а фактически ситуацией владеют талибы. В той же провинции Кундуз по сообщениям местных жителей два района полностью находятся под контролем талибов, а в шести власть правительственных органов ограничивается зданиями местных администраций. В таких населенных пунктах социально-экономическая жизнь регламентируется правилами, установленными представителями талибов[15]. В соседнем Баглане жители 200 деревень, которые формально находятся под контролем государства, платят *ушр* и *закят* талибам[16].

---

[11] Ушр – араб. десятая часть. Десятина, налог в размере одной десятой части с земледельческой и животноводческой продукции; закят – обязательный ежегодный налог.

[12] طالبان غور از هر موتورسایکل 5 هزار افغانی مالیات می‌گیرند https://www.watan24.com (میزان ۲۰، ۱۳۹٦).

[13] طالبان در برخی مناطق افغانستان مالیات جمع‌آوری می کند http://alwaght.com (دی ۱۸، ۱۳۹٦);
طالبان در تمام ولایات دفتر مالیاتی دارند http://afkhabar.com (۱۳۹٦,۱۰,۰۷).

[14] ساکنان کندز: طالبان به صورت گسترده از مردم مالیات می‌گیرند http://www.dailyafghanistan.com (عقرب ۱۹، ۱۳۹۷).

[15] ساکنان کندز: طالبان به صورت گسترده از مردم مالیات می‌گیرند http://www.dailyafghanistan.com (عقرب ۱۹، ۱۳۹۷).

[16] طالبان و جمع‌آوری عشر و زکات در مناطق تحت تصرف حکومت http://swn.af (عقرب ۱۱، ۱۳۹۷).

На западе Афганистана в Фарахе экономическая политика талибов охватывает 80% населения провинции. Также их влияние распространяется на госчиновников, которых обвиняют в оказании материальной поддержки представителей и боевиков движения. В частности, сообщают о случаях предоставления сотрудниками органов власти горючее, транспорта, продовольственных и непродовольственных товаров, а также наличных денег талибам[17]. Талибы при этом не ограничиваются легальной экономикой и используют все возможные источники поступления доходов. В Фарахе по информации того же источника со ссылкой на представителей провинциальных властей 70% расходов талибы покрывают за счет производства и контрабанды наркотических культур[18].

Талибы применяют разные механизмы и рычаги давления, чтобы заставить крестьян платить налоги. В одних случаях прибегают к методам угрозы и давления, в других жители сами обращаются к представителям движения в поисках справедливости, в других косвенными инструментами направляют поток денежных средств в нужное русло. В провинции Гур земледельцы, поставляющие сельхозпродукцию, вынуждены платить налоги, поскольку местом продажи полученного ими урожая является рынок, который полностью контролируется талибами[19].

Финансовая комиссия талибов действует во многих местах Афганистана, но более сильно их присутствие ощущается в провинции Газни. Здесь о работе представителей налоговых органов талибов говорят на всех уровнях: начальник службы безопасности провинции, представители провинциального совета, торгово-промышленной палаты, а также индивидуальные предприниматели подтверждают, что налогоплательщиками талибов здесь выступают как физические, так и юридические лица. В этой провинции фискальная система талибов распространяется на все виды экономической деятельности участников рынка, включая работников образовательных учреждений и СМИ, причем не только в отдаленных районах, но и административном центре. Пресс-секретарь талибов Забиулла Моджахед подтвердил, что в Газни финансовая система движения начала функционировать с 2015 г. Официальные источники талибов не сообщают о размерах получаемых доходов за счет налоговых поступлений, однако из обнаруженного афганскими журналистами документа выяснилось, что в течение двух лет в провинции Газни талибы выставляли 4600 счетов.

Примечательно, что налоги во многих случаях взимаются не только в национальной валюте, но и пакистанской рупии. Например, владелец торговой точки из Газни сообщает, что в начале 2017 г. выплачивал налог государственным органам в размере 10 тыс. афгани, а позже лица, выступавшие от имени движения талибов, определив размер его капитала,

[17] معاش طالبان فراه از عسشر، زکات و مالیات مردم تامني می‌شود http://moqawemat.com (дата обращения: 03.03.2018).

[18] معاش طالبان فراه از عسشر، زکات و مالیات مردم تامني می‌شود http://moqawemat.com(дата обращения: 03.03.2018).

[19] جمع‌آوری پول برق؛ منبع جدید عایداتِ طالبان https://www.etilaatroz.com (دلو ۱۱، ۱۳۹۵).

выставили другой счет на 10 тыс. пакистанских рупий, что примерно в два раза меньше ставки официальных органов власти[20].

Столь высокая активность талибов в Газни местными властями объясняется тем, что большая часть членов Шуры Кветты – выходцы из этой провинции[21]. Расходы главного органа в Кветте власти талибов покрывают как за счет других источников, так и доходов, полученных на территории Афганистана. Пресс-секретарь провинциального совета провинции Джазуджан сообщает, что талибы за счет *ушра* и *закята* только двух районов этой провинции отправляли в Кветту 10 млн афгани[22].

Способы контакта талибов с объектами налогообложения и пути сбора денежных средств также не однородны. В провинции Газни для получения подробной информации о роде деятельности и экономической ситуации конкретного сегмента местного рынка финансовая комиссия талибов не всегда выходит на связь с отдельно взятыми физическими и юридическими лицами, а договаривается с представителями торговых объединений и ассоциаций (например, ассоциация торговцев изюмом, гостиничного бизнеса, союза торговых центров и т. д.). Лица, попавшие в поле зрения талибов, в силу регулярных угроз и давлений со стороны последних вынуждаются следовать предъявленным требованиям. Неподчинение может привести к физической расправе, что в некоторых случаях заканчивалось фатальным исходом. Суть здесь не в том, что талибы принудительными методами реализуют свой порядок, а в неспособности властных структур, осведомленные ситуацией и не предпринимающие соответствующие меры для обеспечения безопасности жизни и имущества афганцев. Более того, были случаи, когда власти привлекали к административной и уголовной ответственности тех, кто во избежание трагических последствий вынуждались пойти на уступки талибам.

Несомненно, сильна позиция движения и в самой известной своими рекордными площадями посевов и урожая наркотических культур афганской провинции Гильменд. По данным одного из членов провинциального совета Гильменда талибы там полностью контролируют пять крупных районов (Муса-Кала, Нау-зад, Хан-шин, Дишав и Багран) со значительными земельными площадями, занятыми под посевами наркотических культур. Кроме этого, в таких важных с точки зрения легальных и нелегальных источников доходов районах, как Сангин, Гармсер и Марджа, только административные центры контролируются официальными властями, все остальное находится в ведении талибов. Общий годовой доход движения за счет производства и сбыта наркотических веществ, электроэнергии, *ушра, закята* и других видов платежей и тарифов составляет около 3 млрд афгани[23].

---

[20] غزنی به قلمرو مالیاتی طالبان بدل شده است https://8am.af (дата обращения: 10.10.1396).

[21] گردآوری مالیات از سوی طالبان در ولایت غزنی https://www.tolonews.com (جدی ۱۱، ۱۳۹۶).

[22] جوزجان؛ طالبان 10 میلیون افغانی پول مردم را به شورای کویته فرستاده اند http://swn.af (дата обращения: 01.01.1398).

[23] ۳ میلیارد افغانی، عواید سالانه طالبان از ولایت هلمند http://afghannews.af (дата обращения: 01.01.2019).

Выше было сказано о получении большого дохода талибами от сухопутных таможенных портов. Через границу в провинции Фарах товары транзитом поступают из Ирана и этот порт считается одним из самых высокодоходных в Афганистане. Установленный блок-пост вдоль автодороги ведущей к терминалу, если верить сообщениям афганских источников, ежедневно приносит талибам до 8 млн афгани[24]. Такие факты имеют место и во многих других регионах и провинциях страны. На автодороге Маймана–Мазари-Шариф такими же методами с одного грузовика взимается 7–34 тыс. афгани. Официальные власти этот факт подтверждают и по их подсчетам талибы в этом направлении могут зарабатывать 150–200 млн афгани в год[25].

Значительный ущерб государственная казна Афганистана несет и от деятельности талибов в горнодобывающей и энергетической сферах. В районе Тала и Барфак провинции Баглан на четырех шахтах ведется незаконная добыча каменного угля. Местные правоохранительные органы, имеющие ограниченные ресурсы, способны охранять только центральную часть района[26]. В провинции Газни также по сообщениям местных властей действующие гипсовые рудники приносят талибам ежедневные доходы в 100–125 тыс. афгани[27], а Бадахшане от незаконной добычи лазурита ежегодно получают до 6 млн долл. В этой провинции владельцы водяных мельниц в год вносят 20 долл., электрических – 40–70 долл. в копилку талибов. Налог на мелкий рогатый скот там установлен в размере одной овцы с каждые 40 голов[28].

В продолжении разговора об афганском энергетическом секторе отметим, что данная сфера является другим ключевым источником поступления прямых денежных доходов талибов. Афганская государственная энергетическая компания «Брешна-Моасэсса» сообщает, что представители движения собирают плату за электричества в отдельных районах провинций Гильменд, Кундуз, Джаузджан, Фарах и Герат[29]. Афганские власти здесь становились заложником ситуации, когда с одной стороны не способны взять ситуацию в этих населенных пунктах под полный контроль, с другой не могут прекратить подачу электричества, чтобы лишить их источника доходов. Отключение электричества может «вызвать гнев и без того разочарованного народа»[30].

Как выше было сказано, в Гильменде, где расположена ГЭС Каджаки, многие ключевые районы прямо или косвенно находятся под контролем

[24] طالبان روزانه نزدیک به ۸ میلیون افغانی از طریق گمرک فراه عواید دارد https://ariananews.af (дата обращения: 27.11.2017); چرا فراه ناامن شد؟ https://8am.af (میزان ۲۲، ۱۳۹۶); طالبان در فراه، مالیات گمرکی جمع‌آوری می‌کنند https://www.etilaatroz.com (دلو ۳، ۱۳۹۶).

[25] طالبان در بزرگراه میمنه-مزارشریف گمرک ایجاد کرده‌اند http://swn.af (дата обращения: 02.12.1398).

[26] طالبان زغال‌سنگ استخراج می‌کنند بغلان؛ http://swn.af (عقرب ۱۶، ۱۳۹۷).

[27] استفاده میلیونی طالبان از عواید معدن گچ در غزنی http://eqmweekly.com.af (قوس ۲۱، ۱۳۹۶).

[28] جمع‌آوری پول برق؛ منبع جدید عایداتی طالبان https://www.etilaatroz.com (دلو ۱۱، ۱۳۹۵).

[29] صرفیه برق، منبع در آمد طالبان در پنج ولایت کشور https://www.didpress.com (عقرب ۱۱، ۱۳۹۶).

[30] جمع‌آوری پول برق؛ منبع جدید عایداتی طالبان https://www.etilaatroz.com (دلو ۱۱، ۱۳۹۵).

талибов. Напомним, что США за последние годы на реконструкцию этой электростанции в общей сложности потратили до 300 млн долл.[31] По данным начала 2017 г. ежегодный доход талибов от сбора платежей за электричество этой станции составлял 4,8 млн долл.[32] Между тем в данном направлении процесс и методы сбора происходят хаотично и не существует единого стандарта или установленного тарифа по регионам, поэтому в зависимости от провинции методы сбора платежей отличаются. В одних районах плата за электроэнергию взимается в пределах 60–150 долл. в году с одного хозяйства, а в других тариф устанавливается на каждую электролампу. В районе Муса-Кала последний вариант составляет 2 долл. в месяц[33].

Встречаются данные, предоставленные главой департамента энергетики провинции Кундуз, согласно которым в течение двух лет талибы собрали с населения подконтрольных территорий до 60 млн афгани в качестве платежей за электричества. В эти районы электроэнергия поступает из Таджикистана и выходит, что затраты афганским властям приходиться компенсировать за счет государственного бюджета. По этим же данным, число хозяйств, потребляющих электроэнергию в этих районах 14 тыс., что в среднем в каждом платежном периоде (т. е. каждые два месяца) приносят талибам 7,5 млн афгани[34]. Другие источники со ссылкой на этого же чиновника сообщают, что каждые два месяца талибы получают 200 тыс. долл.,[35] что в год составляет 1,2 млн.

Талибы свою экономическую политику свободно ведут не только в Афганистане, но и приграничных районах соседнего Пакистана. По сообщениям конца 2018 г., в пакистанском направлении объектом налогообложения талибов становятся не только афганские граждане и бизнес, но и пакистанские экспортеры товаров в Афганистан. Пакистанские поставщики подтверждают, что без получения согласия талибов сложно поставлять овощей и фруктов в Афганистан. На сельскохозяйственном рынке г. Пешавара каждый грузовик, направляющийся в Афганистан, обязывают платить налоги. Водителям вручают документ с логотипом Исламского эмирата Афганистана, где указан номер грузовика, фамилия и имя водителя, а также размер уплаченного налога[36].

Налог со стороны талибов взимается и с СМИ, мобильных операторов, работников образовательных учреждений, проектов развития. Пресс-секретарь провинциального совета Газни, например, подтверждает, что

[31] Afghanistan waste Exhibit A: Kajaki dam, more than $300 M spent and still not done www.propublica.org (дата обращения: 19.01.2016).

[32] Taliban earn $4.8 million annually from Kajaki Dam https://www.khaama.com (дата обращения: 25.01.2017).

[33] طالبان عایداتِ جدید منبع برق؛ پول جمع‌آوری https://www.etilaatroz.com (دلو ۱۱، ۱۳۹۵).

[34] قندوز برق صرفیه آوری جمع از طالبان میلیونی ۶۰ عواید http://sana.af (дата обращения: 08.10.2017).

[35] طالبان عایداتِ جدید منبع برق؛ پول جمع‌آوری https://www.etilaatroz.com (دلو ۱۱، ۱۳۹۵).

[36] پاکستانی بازرگانان از مالیات دریافت برای افغانستان طالبان خبر https://www.farsnews.com (дата обращения: 05.12.2018).

в провинции не осталось сфер, которые не платят талибам налоги[37]. Из числа СМИ только в этой провинции к таковым можно отнести «Само», «Калид» и «Газнавиан», ежегодно вносящие по 200 тыс. рупий в казну талибов. Как выше было сказано, физические и юридические лица ищут защиту у правоохранительных органов, но из-за бездействия последних вынуждаются согласиться на условия талибов. Телерадиокомпании «Газнавиан», например, был выставлен счет в 200 тыс. афгани, но поскольку власти не гарантировали им безопасность, при посредничестве третьих лиц сумма была уменьшена до 200 тыс. пакистанских рупий и передана талибам. Ежегодно в размере 200 тыс. афгани упомянутые выше компании платят и государству в виде налогов[38].

В 2015 г. на встрече с представителями четырех афганских мобильных операторов талибы потребовали платить им налоги соразмерные с суммой, которую эти компании платят официальным властям. Представитель талибов объяснял, что движение взамен обеспечивает сохранность оборудований операторов и их безопасность[39]. Как видно из этих данных, талибы требуют платить ту сумму, которую налогоплательщики платят государству.

Учителя средних школ, по крайней мере, в северных районах Афганистана также со стороны движения облагаются налогом. Размеры налога по провинциям различаются: в подконтрольных талибами районах Кундуза 1%, Джаузджана – 10% от зарплаты учителя в месяц[40].

Налоговая ставка талибов не всегда является фиксированной и в зависимости от ситуации может измениться в сторону снижения. Поэтому, как практика показывает жителям повсеместно приходиться поторговаться с представителями финансовой комиссии талибов. В провинции Газни, например, в одном эпизоде первоначальная сумма была определена в размере 400 тыс. афгани, но в итоге остановились на 200 тыс. рупий[41], что значительно меньше.

Если в экономической сфере власть талибов распространяется принудительными методами, то при решении правовых и имущественных вопросов, разрешения конфликтов жители сами часто обращаются к ним, пользуются услугами назначенные ими представителей. Причины подобного поведения афганцев кроется в том, что коррумпированная государственная судебная и правовая система не доступна простым гражданам, а талибы охотно пользуются этим случаем. Судебная система талибов в отличие от государственной работает оперативно и показывает результат. В качестве примера можно привести ситуацию в которую попал Мухаммед, житель провинции Кундуз, не смогший долгое время посредством официальных органов

[37] گردآوری مالیات از سوی طالبان در ولایت غزنی https://www.tolonews.com (جدی ۱۱، ۱۳۹٦).

[38] غزنی به قلمرو مالیاتی طالبان بدل شده است https://8am.af (дата обращения: 10.10.1396).

[39] طالبان از شرکت‌های مخابراتی مالیات میخواهد http://www.roushd.com (جدی ۲۸، ۱۳۹٤).

[40] ساکنان کندز: طالبان به صورت گسترده از مردم مالیات می‌گیرند http://www.dailyafghanistan.com (عقرب ۱۹، ۱۳۹۷).

[41] گردآوری مالیات از سوی طالبان در ولایت غزنی https://www.tolonews.com (جدی ۲۱، ۱۳۹٦).

власти разрешить спор вокруг земельного участка с влиятельным вождем племени и вынудившийся в итоге обратиться в суд талибов. В течение семи лет вождь игнорировал повестки судебных органов власти и не явился для обсуждения вопроса, но после того как талибы ознакомились с проблемой и обратились за ним, он на следующий же день встал перед судом движения. Поскольку последний не предоставил необходимых документов о собственности на земельный участок, судья талибов разрешил спор в пользу Мухаммеда, имевшего при себе все необходимые документы о том, что унаследовал участок от своего деда[42].

Известно, что в 90-х гг. талибы вели радикальную социальную политику, особенно в отношении прав и обязанностей женщин, которые могли выходить за пределы порога своего дома исключительно в сопровождении представителя мужского пола. О получении ими образования и занятости речь и не могла идти. Заявления последних лет лидеров движения показывают, что в этой сфере ими сделаны значительные шаги. Сегодня талибы не выступают против женского образования и их запреты носят декоративный характер. Так в провинции Газни в начале апреля 2019 г. руководство движения распространило сообщение о том, что учительницам школ для девочек рекомендуют не делать макияж, а ученицам запрещают носить обтягивающую одежду[43]. На двухдневной межафганской встрече по мирным переговорам между талибами и делегацией из Кабула, состоявшейся 7 июля 2019 г. в Дохе, была принята совместная резолюция, где в частности затронули такие темы как права и место женщин в обществе. Наряду с гарантией безопасности инфраструктурных и социальных объектов, работы международных неправительственных организаций, жизни и имущества афганцев, равноправие представителей всех проживающих в стране народов, говорилось и об обеспечении прав женщин в политической, экономической, социальной, образовательной и культурной сферах, но в рамках исламских ценностей[44].

Вышеизложенный материал показывает растущее влияние и расширение зоны физического присутствия талибов в Афганистане с одной стороны и неспособности официального Кабула установить свою реальную власть не только в подконтрольные противником территории, но и там, где номинально имеет свои органы, с другой. Результатом этого становится установление и распространение талибами наряду с политической властью собственной экономической системы, что удваивает материальную нагрузку на физические и юридические лица. Высокая активность талибов лишает официальных властей возможности во многих подконтрольных первыми районах заниматься реализацией намеченных программ, сбором налогов, тарифов и платежей, однако от такого положения дел больше всех

---

[42] تلاش‌های طالبان برای «دولت‌سازی»؛ از گرفتن مالیات تا برگزاری دادگاه https://www.tasnimnews.com (۰۵ شهریور ۱۳۹۷).

[43] طالبان در غزنی: معلمان زن آرایش نکنند و دختران لباس تنگ نپوشند https://ufuqnews.com (дата обращения: 03.04.2019).

[44] از نتایج و قطعنامه نشست بني الافغانی صلح قطر آگاه شوید https://farsi.alarabiya.net (дата обращения: 09.07.2019).

страдают жители тех мест, где действуют и талибы и властные структуры.В условиях двоевластия в таких районах участники рынка платят налоги обеим сторонам. Талибы, называя официальный Кабул марионеточным режимом, претендуют на легитимность и считают, что право на сбор платежей имеют только они и порою наказывают тех, кто подчиняется государственным нормам и законам. С другой стороны власти, неспособные защитить граждан от давления боевиков, привлекают к ответственности тех, кто идет талибам на уступки.

Экономическая машина талибов аккумулирует в свои руки немалую часть доходов афганской экономики. Свою экономическую политику движение реализует почти по всей стране, но более активны его члены и боевики в северных районах – начиная от Бадахшана и заканчивая провинциями Фарьяб и Саманган.

Наркоторговля еще один значимый источник доходов талибов. Они не только контролируют процесс производства и сбыта наркотических веществ, но и местами для подработки непосредственно занимаются сбором урожая. Все это делает движение самодостаточной, экономически независимой, политически крепкой структурой и в то же время подрывает позицию официальных властей на местах.

Афганская экономика в целом негативно испытывает на себя присутствие Финансовой комиссии талибов. Налоговая нагрузка на экономические агенты приводит к росту транспортных тарифов, цен на сельскохозяйственную продукцию, других товаров и услуг. В отдельных случаях предприниматели вынуждаются из-за высоких издержек сворачивать свою деятельность или искать более безопасное место для ведения бизнеса, порою за пределы Афганистана.

В некоторых местах, особенно восточных и юго-восточных провинциях, как было выше показано, поборы и платежи взымаются в иностранной валюте, точнее рупий соседнего Пакистана. Это, с одной стороны, возможно, выступает своего рода экономической политики, посредством которой талибы показывают, что налоговая ставка, предложенная ими намного ниже, чем у государственных структур. С другой стороны, сумма, поступающая в пакистанской валюте, вероятно, переправляется для нужд лидеров и представителей движения, расквартированных на территории Пакистана.

Афганская экономика на сегодня обладает определенным потенциалом и ресурсами, однако проблемы нестабильности и безопасности не дают ей возможность развиваться в нужном русле. Анализ экономических показателей демонстрирует, что при мирном развитии политической и социально-экономической жизни и эффективном использования внутренних ресурсов через централизованный государственный механизм в виде общего бюджета страна имеет возможность стать более самодостаточной и способной обеспечить поступление денег за счет собственных источников для покрытия большей части расходов, не обращаясь при этом за внешней помощью.

*Чеснокова С. В.**

НА ПУТИ К «ПРЕКРАСНОМУ КИТАЮ»: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭНЕРГЕТИКЕ КНР

Аннотация: Китай объявил о переходе к новому этапу развития – построению к 2050 году экологической цивилизации. Важнейшую роль в этом должна сыграть «новая энергетика», основанная на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ). В статье рассматриваются прогнозы развития энергетики и замещения ископаемых источников энергии альтернативными.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, энергетический баланс, гидроэнергетика, солнечная энергетика, ветроэнергетика, ископаемые источники энергии, прогноз, Китай.

На пути экономических реформ КНР, как и большинство развивающихся стран, сталкивается с двумя типами экологических проблем. Первый тип обусловлен аграрным перенаселением, массовой нищетой и экономически вынужденным нанесением ущерба окружающей среде. Наиболее типичными примерами такого рода являются вырубка лесов, осушение болот и сокращение площади озер, распашка горных склонов, чрезмерный выпас скота в степях и т. п.

Второй тип экологических проблем тесно связан с индустриализацией и наращиванием использования ископаемого топлива. Эти проблемы имеют долгую историю изучения в развитых странах, а с 70-х годов прошлого века они прочно вошли в международную повестку дня – достаточно упомянуть Стокгольмскую конференцию ООН по охране окружающей среды 1972 года и доклад Римскому клубу «Пределы роста», вышедший в том же году.

Можно констатировать, что сейчас КНР в основном решила экологические проблемы, связанные с массовой нищетой сельского населения. В первое десятилетие реформ положительную роль сыграли ограничение рождаемости и миграции в города, мануфактуризация деревни, общественные природоохранные работы (особенно массовые лесопосадки), народное просвещение и т. п. В сфере энергопотребления успешное решение экологических проблем первого вида правомерно связывать со значительным сокращением использования традиционного топлива (дрова и т. п.)[1].

---

* *Чеснокова Светлана Викторовна* – научный сотрудник Отдела экономических исследований ИВ РАН.

[1] А. И. Салицкий, С. В. Чеснокова, А. В. Шахматов. Китай: мощный старт экологической революции. Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 23/03/2015. http://www.perspektivy.info/history/kitaj_moshhnyj_start_ekologicheskoj_revolucii_2015–03–23.htm

Что касается второго типа проблем, то в начальный период проведения рыночных реформ КНР была вынуждена следовать приоритету индустриализации над охраной окружающей среды. Стремление к созданию полномасштабной промышленности с мощной тяжелой индустрией, да еще и с опорой на собственные силы не способствовали решению задач охраны природы и экономии ресурсов.

Энергетика Китая развивалась в соответствии с общими экономическими тенденциями. Ведущую роль в энергобалансе страны играли и играют ископаемые источники энергии, прежде всего уголь, доля которого в энергобалансе страны составляла в 2017 году около 66%[2].

В 10-м, 11-м и 12-м Пятилетних планах (2000–2015 гг.) уголь и нефть активно продвигались в качестве основного топлива для экономического развития Китая. Угольные электростанции были избалованы благоприятными условиями и доступом к дешевому капиталу, что поощрялось госкомпаниями и местными органами власти. Промышленности было разрешено наращивать потребление угля без необходимости учитывать проблемы окружающей среды, а бурный рост транспортного сектора довел потребление топлива до ситуации, когда две трети потребляемой нефти импортируется.

Форсированное наращивание ископаемых видов топлива в энергетической системе хоть и способствовало экономическому росту, но вызвало серьезные экологические проблемы.

Однако при стремительных переменах в экономике Китая за последние десятилетия достаточно своевременно пришло массовое осознание ущербности «грязного» пути. Государство и общество стали постепенно поворачиваться лицом к проблемам энергоэффективности, а также к проблемам загрязнения окружающей среды.

К тому же индустриальный рывок подготовил и бурную потребительскую революцию. А ее составной частью, как это было в свое время и в развитых странах, становится революция экологическая.

Локомотивом экологических перемен стал энергетический сектор. Китай сегодня – это признанный лидер в развитии так называемой «зеленой» или «новой» энергетики, в которой ключевую роль играют возобновляемые источники энергии (ВИЭ). По темпам прироста использования ВИЭ Китай опережает ведущие страны мира.

На Китай сегодня приходится почти половина мирового прироста генерирующих мощностей ВИЭ[3]. В 2017 году Китай произвел около 130 ГВт солнечной энергии. Это в 36 раз больше, чем в 2012 году, и превысило целевой показатель правительства на 2020 год. Мощность китайской гидроэнергетики с 2012 года выросла на 36%.

---

[2] China Renewable Energy Outlook 2018. 29 November, 2018, p. 1.

[3] Green energy chief praises China on renewables. https://asia.nikkei.com/Economy/Green-energy-chief-praises-China-on-renewables.

Пока доля ВИЭ в энергопотреблении страны относительно невелика (около 7%) и «зеленая энергетика» лишь дополняет традиционные источники. Но темпы роста, партийные директивы и прогнозы свидетельствуют о том, что в ближайшем будущем произойдут существенные сдвиги в энергобалансе страны в пользу ВИЭ (см. рис. 1 и табл. 1).

Рисунок 1

Общий объем спроса на первичную энергию КНР (млн т. у.т) 1990–2016[4]

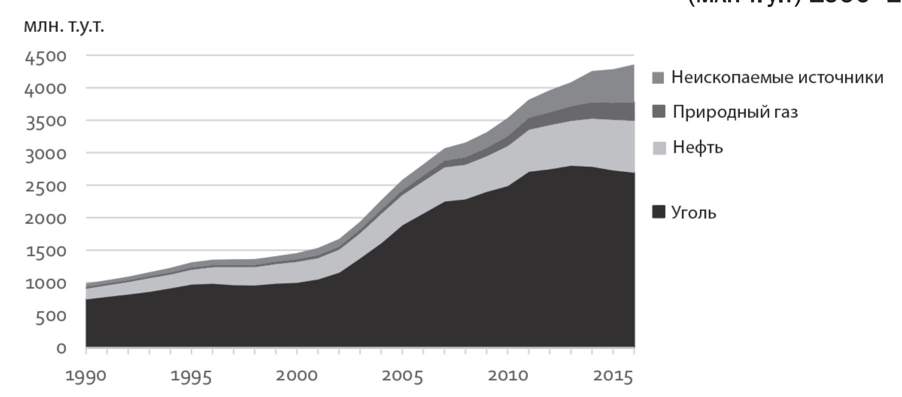

Таблица 1

Выработка электроэнергии по различным источникам энергии 2012–2017 год (ТВт·ч)[5]

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего	4987	5372	5680	5740	6023	6417
Доля возобновляемых источников энергии*	19,9%	20,0%	22,7%	24,2%	25,7%	26,4%
Уголь	3713	3981	4027	3898	3946	4150
Газ	110	116	133	167	191	205
Нефть	6	5	4	4	3	Н/Д
Другие ископаемые	97	119	139	162	191	Н/Д
Ядерная	98	112	133	171	213	248
Гидроэнергетика	856	892	1060	1113	1175	1195
Ветер	103	138	160	186	241	303
Солнце	4	8	24	39	67	117
Биомасса	30	37	44	53	65	79
Другие возобновляемые источники	0,48	0,28	0,54	0,15	0,12	Н/Д

* Возобновляемые источники энергии включают гидроэнергетику, ветер, солнце и биомассу. Биомасса включает солому, биогаз и отходы

4 China Renewable Energy Outlook 2018. 29 November, 2018, p. 1.

5 China Renewable Energy Outlook 2018. 29 November, 2018, p. 54.

Концепция «Прекрасного Китая»

В октябре 2017 года на XIX съезде КПК председатель КНР Си Цзиньпин обозначил этапы дальнейшей модернизации страны. «На первой стадии с 2020 года по 2035 год мы будем наращивать базу общества среднего достатка и благодаря еще 15 годам упорной работы в целом достигнем модернизации», – заявил Си Цзиньпин. На второй стадии, пояснил Си Цзиньпин, с 2035 года до середины XXI века, «партия будет усердно работать еще 15 лет, чтобы превратить Китай в богатое, могущественное, демократическое, гармоничное, цивилизованное модернизированное социалистическое государство»[6].

В эти же сроки лидер КНР поставил задачу «форсировать переход к экологической цивилизации, построить «прекрасный Китай»»[7].

Си Цзиньпин заявил о необходимости «уделять приоритетное внимание экономии ресурсов, охране и естественному восстановлению окружающей среды, формировать такую пространственную архитектонику, такую производственную структуру, такие способы производства и такой уклад жизни, которые способны экономить ресурсы и защищать окружающую среду, чтобы вернуть природе присущие ей покой, гармонию и красоту».

В докладе Председателя КНР поставлены следующие задачи:

1. Стимулировать «зеленое» развитие. Наряду с форсированным созданием правовой системы и политических установок, ориентированных на «зеленое» производство и потребление, необходимо создать и совершенствовать экономическую систему зеленого, низкоуглеродного и рециркуляционного развития.

2. Сосредоточить усилия на решении острых экологических проблем. Необходимо твердо стоять на позиции всенародного участия в профилактике и устранении загрязнения в самых истоках, продолжать работу по профилактике и ликвидации атмосферного загрязнения для того, чтобы одержать победу в борьбе за «синее небо».

3. Усиливать динамику охраны экологической системы. Необходимо реализовывать наиболее значимые проекты по охране и восстановлению важных экологических систем, оптимизировать систему экологического защитного заслона, создавать экологические коридоры и сеть охраны биологического разнообразия, повышать качество и устойчивость экосистем.

4. Реформировать систему экологического мониторинга и контроля. В целях интенсификации общего проектирования, организации и руководства в области развития экологической цивилизации предстоит учредить органы по управлению государственными природоресурсными активами и по мониторингу и контролю за природными экосистемами.

---

[6] Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. http://russian.news.cn/2017–11/03/c_136726299.htm.

[7] Си Цзиньпин: необходимо форсировать реформу системы экологической цивилизации, построить "прекрасный Китай". http://russian.news.cn/2017–10/18/c_136689490.htm.

Представляется, что выдвижение концепции «Прекрасного Китая» знаменует собой новый этап развития страны, на котором ВИЭ из дополняющих источников со временем превратятся в замещающие.

Национальная энергетическая администрация Китая (НЭА) в рамках концепции «Прекрасного Китая» ставит цель перехода к экологически чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной энергетической системе. Правительство КНР планирует изменить структуру энергетики путем сокращения потребления угля и увеличения использования «чистой» энергии. Перестройка отрасли потребует расширения масштабов использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и роста экономической эффективности.

Тенденции и прогнозы

Институт энергетических исследований Академии макроэкономических исследований при Государственном комитете по делам развития и реформ КНР (Energy Research Institute of China Academy of Macroeconomic Research / China National Development and Reform Commission) подготовил доклад China Renewable Energy Outlook 2018 (CREO 2018). В нем рассматриваются современные проблемы китайской энергетики и представляются прогнозы развития ВИЭ на 2020, 2035 и 2050 годы.

Авторы прогноза полагают, что к 2050 г. китайская энергетика будет соответствовать параметрам, сформулированным в 13 Пятилетнем плане, и в концепции экологической цивилизации, представленной на XIX съезде партии:

- *Чистая энергетика*, которая минимально загрязняет воздух, воду и почву в результате деятельности на всех этапах цепочки энергоснабжения – от добычи полезных ископаемых до удаления отходов. Это предполагает резкое сокращение добычи угля вне электроэнергетического сектора, снижение объемов добычи угля и эффективное использование очистки дымовых газов в электроэнергетике.
- *Низкоуглеродная энергетика*, как результат перехода от ископаемых видов топлива к неископаемым. Для сокращения выбросов CO_2 ограничивается потребление не только угля, но и нефти и газа.
- *Безопасная энергетика*, которая в меньшей степени зависит от внешних факторов, прежде всего, импорта топливных ресурсов. Из этого следует, что использование нефти и природного газа должно быть сокращено, так как внутренние ресурсы ограничены.
- *Эффективная энергетика* с низкими потерями при использовании энергоресурсов и высокой энергоэффективностью в секторах конечного потребления. Это также экономически эффективная и оптимизированная энергетическая система, в которой решающую роль играют рыночные рычаги.

Авторы доклада представляют два прогнозных сценария:

- «Заявленная политика» (Stated Policies scenario), который предполагает выполнение целей и задач, обозначенных в 13-м пятилетнем плане и решениях XIX съезда КПК;
- «Ниже 2 °C» (Below 2 °C scenario), в котором к сценарию «Заявленная политика» добавляются жесткие ограничения по выбросам вредных веществ, вводимые в рамках Парижского соглашения по климату[8].

Возобновляемые источники энергии

Анализируя пути перехода энергетической системы Китая от ископаемых источников к ВИЭ, необходимо учитывать такие факторы, как ресурсный потенциал, политические приоритеты, экономические и технологические факторы. Это относится как к основным ВИЭ – ветру, солнцу и гидроэлектростанциям, так и к менее масштабным технологиям, особенно в области хранения топлива для транспорта и энергоснабжения, а также к биомассе и энергии приливов и отливов. Основные прогнозные выводы таковы:

Гидроэнергетика: Согласно сценарию «Заявленная политика» к 2050 году мощность гидроэнергетических установок Китая, и так уже самая большая в мире, вырастет на 70% за счет ввода новых мощностей в Юго-Западном Китае. Гидроэнергетика по существу достигнет предела своего технического и ресурсного потенциала.

Ветровая энергетика: по обоим прогнозам CREO, ветер становится ведущим источником выработки электроэнергии в Китае. Затраты на наземные и морские ветровые технологии снижаются и могут конкурировать с затратами на строительство новой угольной электростанции. Прогнозные сценарии различаются в основном по объему ветровых ресурсов и степени сложности строительства и технического обслуживания:

- Ветроэнергетика увеличивается с 328 ТВч в 2016 году до 1801 ТВтч в 2030 году по сценарию «Заявленная политика», а по сценарию «Ниже 2 °C» – до 3336 ТВтч.
- В 2050 году по сценарию «Заявленная политика» ветроэнергетика вырабатывает 5955 ТВтч, а по сценарию «Ниже 2 °C» – 7612 ТВтч.

Солнечная энергетика: В обоих сценариях CREO солнечная энергия демонстрирует резкий рост, как для производства электроэнергии, так и для прямого использования солнечной энергии, например, для отопления. Сценарий «Заявленная политика» предполагает увеличение установленных фотоэлектрических мощностей на 1364 ГВт к 2035 году и на 2034 ГВт к 2050 году, для производства 1858 ТВтч электроэнергии в 2035 году и 2694 ТВч к 2050 году. Сценарий «Ниже 2 °C» предусматривает еще более быстрый рост – до 2000 ГВт к 2035 году и до 2836 ГВт к 2050 году.

---

[8] Целью Парижского соглашения по климату 2015 г. является «активизировать осуществление» Рамочной конвенции ООН по изменению климата, в частности, удержать рост глобальной средней температуры «намного ниже» 2 °C и «приложить усилия» для ограничения роста температуры величиной 1,5 °C.

Тепловое использование солнечной энергии (например, отопление) вырастет в четыре раза к 2050 году по сценарию «Заявленная политика», и в семь раз по сценарию «Ниже 2 °С».

Биомасса По прогнозам CREO, биомасса для производства электроэнергии и топлива растет, хотя и резко ограничена ресурсами сырья и экономическими соображениями. В результате биомасса является самым незначительным из трех возобновляемых источников энергии (солнечная энергетика, ветроэнергетика, биомасса). Энергетическая мощность использования биомассы вырастет с 15 ГВт в 2017 году до 54 ГВт в 2050 году по сценарию «Заявленная политика» и немного выше 57 ГВт по сценарию «Ниже 2 °С». В соответствии со сценарием «Заявленная политика», к 2050 году энергия биомассы будет вырабатывать 255 ТВтч электроэнергии, в основном из отходов и сжигания соломы на ТЭЦ. Производство биоэтанола в краткосрочной перспективе будет быстро расти. За ростом последует снижение его производства из-за перевода части транспорта на электрическую тягу.

Сдвиги в энергетическом балансе

Оба сценария предполагают существенные сдвиги в энергобалансе страны. Важнейшим аспектом является резкое снижение использования угля в энергетике начиная с 2020 г. и замещение его ВИЭ.

Несмотря на рост автомобилизации страны, предполагается также снижение доли нефти в энергобалансе. Это связано с предполагаемым ростом доли электрического транспорта в автомобильном парке.

Роль природного газа отличается в сценариях. В сценарии «Ниже 2 °С» доля природного газа сначала стабильна, но к 2050 г. падает до минимальных значений. Сценарий «Заявленная политика» предполагает достаточно высокий уровень потребления природного газа.

Оба сценария предусматривают существенный рост доли ВИЭ, особенно ветровой и солнечной энергетики. При этом эти варианты прогноза имеют разную степень радикализма. Сценарий «Ниже 2 °С» – более радикальный и предполагает увеличение доли ВИЭ (с учетом гидроэнергетики) в спросе на энергию до 57% к 2035 г., а сценарий «Заявленная политика» – «всего» до 39%[9].

Итак, Китай поставил перед собой амбициозные планы по вытеснению ископаемых видов энергии и массированному замещению их ВИЭ. Представляется, что эти планы лишь на первый взгляд чрезмерно амбициозны и утопичны. Учитывая опыт, стремительность и глубину китайских реформ, нельзя исключать возможность их исполнения. Можно обсуждать конкретные цифры, но сомнений в том, что в ближайшие несколько десятилетий энергетический баланс Китая существенно изменится в пользу «чистой энергетики», остается всё меньше и меньше.

---

[9] China Renewable Energy Outlook 2018. 29 November,2018, p. 100.

*Шаряпова Ю. М.**

ТОРГОВО-ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»

Sharypova Yu. M.**

TRADE AND TRANSPORT CORRIDORS OF THE "ONE BELT ONE ROAD" PROJECT

Аннотация: В исследовании рассмотрена китайская инициатива «Один пояс и один путь» с точки зрения глобального влияния инициативы на основные транзитные точки данного проекта. Особое внимание автор обращает на специфику географии и сравнение маршрутов морской, сухопутной и воздушной инфраструктуры. На основе анализа мощностей и характера взаимодействия правительства Китая со странами-участницами ОПОП определяется степень влияния КНР как на развитие участвующих стран, так на всей мировой арене.

Ключевые слова: Китай, товарооборот, Один пояс и один путь, морские маршруты, сухопутные маршруты, порт, железнодорожные перевозки.

Abstract: The study examines the Chinese initiative "One Belt One Road" in terms of the global impact of the initiative on the main transit points of the project. The author pays special attention to the specifics of geography and comparison of sea, land and air transport infrastructure. The degree of influence of China on the participating countries and on the entire world arena is reviewed based on the analysis of the capacity and nature of the interaction of the Chinese government with the OBOR member countries.

Keywords: China, trade, One Belt One Road, maritime routes, land route, harbor, rail transport.

Китай заинтересован в поддержке высокого темпа роста экономики. Учитывая количество товаров, производящихся в КНР и экспортируемых из нее, развитие во многом определяется возможностями торговли. Чтобы стимулировать скорость и объем товарооборота с другими странами, а также перейти от модели экономического роста, основанной на экспорте, к модели, основанной на внутреннем потреблении, китайское правительство разработало инициативу Один Пояс и Один Путь (далее ОПОП).

Современный проект идейно основан на Великом Шелковом Пути – древней сети сухопутных и морских торговых путей, которая связывала восточную и западную цивилизации посредством торговли между 130 г. до н.э. – 1453 г.н.э. и была основным маршрутом между Китаем и столицей Римской империи.

* *Шаряпова Юлия Маратовна* – бакалавр по международным отношениям и экономике Азиатского региона, Институт Стран Востока.

** *Sharyapova Yulia Maratovna* – Bachelor in International Relations and Asian Economics, Oriental University; e-mail: usharyap@yandex.ru.

По плану текущего правительства благодаря этой инициативе Китай сможет качественно и количественно развить торговлю на уже существующих рынках, получить доступ к новым и в целом расширить свое влияние за рубежом. Данный масштабный проект будет способствовать экономическому процветанию не только Китая, но и стран расположенных вдоль ОПОП, а также укреплять региональное сотрудничество и содействовать поддержанию мира в нестабильных районах.

Предмет исследования данной статьи – основные транзитные точки проекта Один пояс и Один путь, и, в частности, рассмотрение мощностей или работоспособности модернизированных морских и сухопутных портов и железнодорожных путей.

Инициатива Один пояс и Один путь

Сегодня Китай показывает стремительный рост и является одной из ключевых и передовых экономик мира. Руководство КНР заинтересовано в еще большем процветании своей страны и, в

поисках новых идей развития, была создана инициатива «Один Пояс и Один Путь». В 2013 году, посетив Центральную и Юго-Восточную Азию, председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу по совместному строительству экономического пояса шелкового пути и морского шелкового пути XXI-ого века[1].

В мае 2015 года, Государственный комитет по развитию и реформам КНР, Министерство Иностранных Дел и Министерство Торговли КНР совместно опубликовали документ «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века»[2].

Китайское правительство предполагает, что проект «Один Пояс и Один Путь» поможет решить проблему избыточных мощностей Китая по строительству транспортной инфраструктуры, «подтянуть» менее развитые внутренние провинции Китая за счет развития инфраструктуры; осуществить переход от модели экономического роста, основанной на экспорте, к модели, основанной на внутреннем потреблении; привести Китай к новому раунду экономического роста; расширить китайские влияние в регионах с напряженной социально-политической обстановкой. Из доклада также следует, что, если Инициатива «Один Пояс и Один Путь» будет полностью запущена, процесс реализации будет долгосрочным, около 30–40 лет[3].

---

[1] One Belt One Road Initiative https://www.topchinatravel.com/silk-road/one-belt-one-road.htm (дата обращения: 20.06.2018).

[2] Сайт посольства КНР в России. «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства "Экономического пояса Шелкового пути" и "Морского Шелкового пути 21-го века"» http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm (дата обращения: 11.05.2019).

[3] "一带一路" 对习政权最大的意义是什么？" https://www.bbc.com/zhongwen/simp/indepth-39923214 (дата обращения: 18.06.2018).

Ключевым событием развития инициативы стал форум международного сотрудничества «Пояса и Пути». Он прошел в Пекине в мае 2017 года. Среди присутствующих были в том числе президент России Владимир Путин, генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш, директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард, президент Всемирного банка Джим Ён Ким, премьер-министр Пакистана Наваз Шариф. В то же время Индия отказалась от участия в форуме в знак протеста против реализации китайских проектов на спорных с Пакистаном территориях в рамках экономического коридора Китай – Пакистан[4].

Сегодня ОПОП включает в себя Экономический пояс Шелкового пути – трансконтинентальный маршрут, соединяющий Китай с Юго-Восточной Азией, Южной Азией, Центральной Азией, Россией и Европой по суше, а также Морской шелковый путь 21-го века – морской путь, соединяющий прибрежные районы Китая с Юго-Восточной и Южной Азией, южной частью Тихого океана, Ближним Востоком, Восточной Африкой и Европой.

Инициатива определяет пять основных приоритетов:

1. координация политики;
2. единая инфраструктура;
3. беспрепятственная торговля;
4. финансовая интеграция;
5. объединение людей[5].

Инвестиции в первую очередь направлены на развитие инфраструктуры портов, автомобильных дорог, железных дорог и аэропортов, а также электростанций, нефтепроводов и телекоммуникационных сетей. В совокупности на территории 70 стран, входящих в программу помимо Китая, проживают 65% мирового населения. Эти же 70 страны производят 30% мирового валового внутреннего продукта (ВВП)[6].

25–27 апреля 2019 года в Пекине был проведен второй форум по международному сотрудничеству в рамках инициативы ОПОП. Так как специального органа для координации сотрудничества по инициативе «ОПОП» нет, именно этот форум призван служить многосторонней платформой для обсуждения текущего положения дел.

Несмотря на растущую международную поддержку китайской инициативы, Пекин сталкивается с большими трудностями в реализации проекта.

---

[4] Луконин С. А. «Под маской благодетеля» https://telegra.ph/Pod-maskoj-blagodetelya-03–15 (дата обращения: 09.05.2019); Сайт посольства КНР в России. «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шел кового пути 21-го века”» http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm (дата обращения: 11.05.2019).

[5] Wang Zhuoqiong, Liu Kun, Zhou Lihua, Jiang Xueqing, Zhong Nan, “Belt and Road projects: Past, present, future” http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/22/WS5cbcf141a3104842260b7627_1.html (дата обращения: 07.05.2019).

[6] Belt and Road Initiative (BRI) https://www.ebrd.com/what-we-do/belt-and-road/overview.html (дата обращения: 05.05.2019).

За последние несколько месяцев появилась информация о быстро растущей задолженности перед Китаем ряда развивающихся стран (Шри-Ланка, Мальдивские Острова, Пакистан, Кыргызстан, Джибути, Замбия и т.д.) и о приостановке некоторых ведущих проектов ОПОП в некоторых странах (Малайзия, Пакистан, Непал, Мьянма, Сьерра-Леоне, Танзания). В большинстве случаев ответственность за сложившуюся ситуацию лежит прежде всего на правительствах этих стран, которые были заинтересованы в привлечении китайских инвестиций, но, вероятно, не учли возможные последствия.

Открыто высказываются против китайской инициативы только две страны – Индия и США. Западноевропейские страны и Япония очень осторожны в действиях – они демонстрируют свои намерения расширять торговое, финансовое и инвестиционное сотрудничество с Китаем, но в то же время принимают меры для хеджирования рисков.

Критика ОПОП Китая со стороны западных держав состоит из следующих положений:

- Решающая роль государства, а не частного сектора.
- Несоответствие между условиями предоставления кредита Китаем странам-получателям и стандартами, разработанными Комиссией ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития). Это может приводить к финансовому кризису в странах-получателях.
- Намеренная выдача крупных займов странам, не способным их погасить для получения различных привилегий, например, для получения контроля над инфраструктурой.
- Китай предоставляет экономически «обязывающие» кредиты – контракты выполняются китайскими подрядчиками с использованием китайских строительных материалов, оборудования и китайской рабочей силы, а также подразумевают внедрение китайской навигационной системы Baidu или китайских телекоммуникационных продуктов (Huawei и ZTE).
- Отсутствие прозрачности в реализации инициативы. Пекин почти не раскрывает информацию о том, какие страны и в какой форме участвуют в ОПОП[7].

Финансирование проектов Один пояс и Один путь

Подход к финансированию проектов за рубежом позволяет Китаю получить влияние в странах-участницах. Для реализации данных проектов в ряде случаев им приходится уступать право контроля над инвестиционными проектами Китаю. Так происходит, когда они не могут погасить кредиты. Например, Шри-Ланка не смогла вернуть долг в 1,3 млрд долларов, полученный для строительства порта Хамбантота и в 2017 года Китай

[7] Yana Leksyutina "Second Belt and Road Forum: Prospects and Challenges" http://valdaiclub.com/a/highlights/second-belt-and-road-forum-prospects-and-challenge/ (дата обращения 06.05.2019).

и Шри-Ланка подписали соглашение о передаче контрольного пакета (70%) акций порта китайской государственной компании, а также передали порт в 99-летнюю аренду[8].

В Лаосе, одной из самых бедных стран Юго-Восточной Азии, проекты ОПОП принесли тяжелое финансовое бремя: железная дорога Китай-Лаос обойдется в 6 миллиардов долларов, что составляет около половины ВВП страны[9].

Стоит отметить, что западные правительства и транснациональные корпорации обычно избегают политически нестабильных стран. Китайское правительство, напротив, активно кредитует такие страны, как Венесуэла, Нигерия и Зимбабве.

Иногда в таких случаях проекты остаются незавершенными. Эквадор потратил более 1 миллиарда долларов на подготовку площадки для китайского нефтеперерабатывающего завода стоимостью 12 миллиардов долларов, который должен был быть построен в 2013 году. Проект так и не был закончен[10].

Крупные средства, требующиеся для таких масштабных проектов, предоставляются как из банковской системы КНР, так и из инвестиционного фонда, который курирует правительство. Фонд Шелкового пути был создан в 2014 году с первоначальным капиталом в 40 млрд долларов США. Фонд в основном предоставляет инвестиционную и финансовую поддержку посредством различных форм инвестиций и займов, в первую очередь, в сфере торговли и экономического сотрудничества. В том же году 22 страны подписали Меморандум о взаимопонимании (МОВ) необходимости учреждения Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (далее АБИИ) с целью улучшения экономического и социального развития Азии посредством устойчивой инфраструктуры, трансграничных связей и мобилизации частного капитала. В июле 2018 года количество стран-участниц составляло 87 стран. Акционерный капитал АБИИ составил 100 млрд долларов США.

В конце 2016 года был создан Фонд инвестиционного сотрудничества между Китаем, Центральной и Восточной Европой для инвестиций в размере более 50 млрд долларов в инфраструктурные проекты и производственный сектор в Центральной и Восточной Европе.

В 2017 году во время последнего форума «Пояс и путь» в Пекине президент Си Цзиньпин объявил, что Китай добавит 780 млрд юаней (около 110 млрд долларов США) в финансирование программы ОПОП:

- 100 млрд юаней в фонд Шелкового пути,

[8] Sri Lanka hands over port to China to pay off debt, https://www.thenational.ae/world/asia/sri-lanka-hands-over-port-to-china-to-pay-off-debt-1.684606 (дата обращения: 08.05.2019).

[9] Annie Wu, “Report: China’s ‘One Belt, One Road’ Investments Will Bankrupt Partner Countries” https://www.theepochtimes.com/report-chinas-one-belt-one-road-investments-will-bankrupt-countries-it-partners-with_2461483.html (дата обращения: 08.05.2019).

[10] Derek Watkins, K. K. Rebecca Lai and Keith Bradsher, “The World, Built by China” https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/18/world/asia/world-built-by-china.html (дата обращения: 09.05.2019).

- специальные кредиты для поддержки строительства инфраструктуры, наращивания потенциала и финансового сотрудничества (380 млрд юаней), предоставленные двумя государственными китайскими банками
- 300 млрд юаней из зарубежного фонда в юанях, созданного финансовыми учреждениями[11].

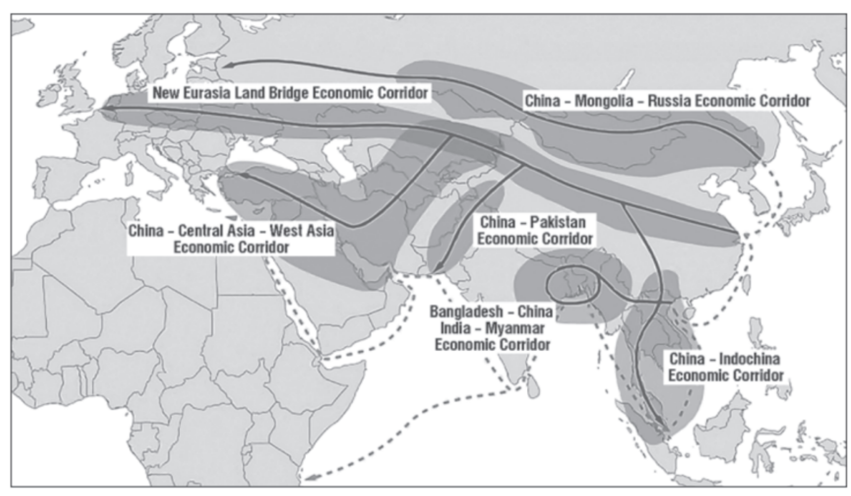
Такой способ финансирования позволяет КНР принимать участие в формировании развития других стран, преследуя свои интересы. Таким образом, взаимодействие в рамках программы выгодно всем, но особенно выгодно Китаю.

География и ключевые проекты программы Один пояс и Один путь

Немаловажной исторической отсылкой является география проектов Один Пояс и Один Путь. Концептуально современный проект включает страны, расположенные на первоначальном историческом Шелковом Пути. Он проходит через Центральную Азию, Ближний Восток и Европу. Сухопутная часть ОПОП носит название «Экономический пояс Шелкового пути», морская – «Морской Шелковый путь XXI века». Они, в свою очередь, были разбиты на шесть «экономических коридоров», которые были определены Китаем (см. рис. 1).

Рисунок 1

Экономические коридоры инициативы ОПОП

Источник: Hong Kong Trade Development Council.

[11] Neil Cuthbert and Atif Choudhary "One Belt One Road: PPP Alchemy – is the Silk Road paved in Gold?" https://beltandroad.hktdc.com/sites/default/files/common/Business%20Guides/One%20Belt%20One%20Road%20Guide%20(Dentons).pdf (дата обращения: 09.05.2019).

Эти коридоры определяют секторы особой важности вдоль маршрута[12].

- Новый Евразийский сухопутный мост
- Коридор Китай–Пакистан
- Коридор Китай–Центральная Азия–Западная Азия
- Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма
- Коридор Китай–Монголия–Россия
- Коридор Китай–Индокитай

Один Пояс и Один Путь состоит из многих проектов и программ по обеспечению высокой скорости доставки, безопасности грузов, перераспределению поставок и получению максимального контроля в ключевых точках. Ниже описаны наиболее важные группы проектов относительно наиболее значимых регионов нового Шелкового Пути. Большинство из них связаны с морскими перевозками, так как именно на этот тип транспорта приходится порядка 64% (см. рис. 3б) всех перевозок между Китаем и ЕС.

Одно из важных направлений программы – безопасность транзита. Например, вблизи спорных и потенциально опасных территорий районе Южного рифа Джонсона вблизи архипелага Спратли в Южно-Китайском море Китай создает искусственный остров для строительства военной базы. Базу планируют построить в районе группы трех рифов Файри Кросс (кит. название – Юншу), которая расположена на расстоянии 560 морских миль от острова Хайнань и в 250 милях от побережья Вьетнама. КНР контролирует эту территорию с 1988 года – сейчас здесь находится небольшая военная часть, которая обслуживает радиостанцию и радар. Создав военную базу на искусственном острове Китай сможет разместить здесь свою авиацию и легкие боевые корабли. Кроме того, здесь же планируется разместить и батареи зенитных ракетных комплексов большой дальности, а также пусковые установки тяжелых противокорабельных ракет[13].

Порт Гвадар

Порт Гвадар – стратегический центр CPEC, где влияние КНР заметно наиболее сильно – порт передан китайской государственной компании в аренду на 43 года[14]. Китайская компания China Overseas Port Holding Company (далее COPHC) выполняет все необходимые работы по развитию порта. Еще 1,62 миллиарда долларов будет инвестировано в его расширение. Расширение сделает порт пригодным для приема судов водоизмещением

[12] Neil Cuthbert and Atif Choudhary “One Belt One Road: PPP Alchemy – is the Silk Road paved in Gold?” https://beltandroad.hktdc.com/sites/default/files/common/Business%20Guides/One%20Belt%20One%20Road%20Guide%20(Dentons).pdf (дата обращения: 09.05.2019).

[13] «Китай возводит искусственный остров для военной базы у спорных территорий» https://regnum.ru/ (дата обращения: 25.06.2018).

[14] Philip Saunders “Gwadar Port: Zone Overview” https://www.adrianoplegroup.com/post/gwadar-port-zone-overview (дата обращения: 06.05.2019).

до 200000 тонн. Особая экономическая зона, построенная по образцу аналогичных ОЭЗ (Особые Экономические зоны) в Китае, предоставляет зону свободной торговли площадью 923,4926 га, и также управляется COPHC. Ожидается, что в зоне будет создано 40000 рабочих мест в сфере производства, логистики и складирования, а предприятия, созданные в этой зоне, будут освобождены от пакистанских налогов на доходы, продажи и акцизы в течение 23 лет[15].

Гвадар имеет для КНР особое значение в том числе потому, что через него пролегает кратчайший путь к богатому нефтью Ближнему Востоку. Таким образом, создание CPEC значительно упрощает процедуру экспорта китайских товаров на Ближний Восток и в Африку. Гвадар является южным окончанием китайско – пакистанского экономического коридора, который берет свое начало в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Общая стоимость проекта по созданию CPEC оценивается в 62 млрд долларов США[16]. Гвадар, являясь более коротким морским путем из Персидского залива, может быть связан с провинцией Синьцзян на западе Китая железной дорогой и трубопроводом. Это позволит диверсифицировать источники энергии, застраховаться от опасных зон вдоль Малакки и сократит путь с 12000 километров до 2395 километров[17]. Средства для этого амбициозного проекта будут предоставлены Китаем через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и посредством прямых межправительственных льготных кредитов. Чтобы помочь Китаю вернуть свои капитальные вложения, COPHC получит 91% доходов от операций порта и терминала и 85% процентов доходов, полученных свободной зоной[18].

Порт Хамбантота

Проект порта Хамбантота на Шри-Ланке превратил небольшой рыбацкий городок в крупный транспортный узел. Для реализации проекта Шри-Ланка обратилась за финансированием к Китаю. Для возмещения кредита к 2015 году около 95% государственных доходов Шри-Ланки направлялось на обслуживание долга. Правительство инициировало пересмотр долгов с Китаем, но в итоге не смогло погасить выданные кредиты. В 2017 году к Китаю перешел контрольный пакет акций порта (70%)[19] и сам порт

[15] Philip Saunders “Gwadar Port: Zone Overview” https://www.adrianoplegroup.com/post/gwadar-port-zone-overview (дата обращения: 06.05.2019).

[16] Pakistan’s Gwadar Port: A New Naval Base In China’s String of Pearls in The Indo-Pacific https://amti.csis.org/gwadar-port-naval-base-string-pearls/ (дата обращения: 07.05.2019).

[17] Philip Saunders “Gwadar Port: Zone Overview” https://www.adrianoplegroup.com/post/gwadar-port-zone-overview(дата обращения: 06.05.2019).

[18] Pakistan’s Gwadar Port: a New Naval Base In China’s String of Pearls in The Indo-Pacific https://amti.csis.org/gwadar-port-naval-base-string-pearls/ (дата обращения: 04.05.2019).

[19] Shihar Aneez, “Exclusive: Sri Lanka's cabinet 'clears port deal' with China firm after concerns addressed” https://www.reuters.com/article/us-sri-lanka-china-port/exclusive-sri-lankas-cabinet-clears-port-deal-with-china-firm-after-concerns-addressed-idUSKBN1AA0PI (дата обращения: 03.05.2019).

в рамках 99-летней аренды. В день передачи официальное информационное агентство Китая триумфально отметило в социальных сетях[20]: «Еще одна веха на пути «BeltandRoad».

Порт Чабахар находится всего в 72 километрах от поддерживаемого Китаем пакистанского порта Гвадар. Подобная близость не случайна. Индия стремится ограничить влияние Китая в рамках инициативы ОПОП. Чабахар также является альтернативным путем торговли между Индией и Афганистаном[21].

Суэцкий канал и военная база в Африке

Проекты по обеспечению безопасности транзита реализуются и значительно дальше границ КНР. В качестве примера можно рассмотреть военную базу войск КНР в республике Джибути в восточной Африке, где могут разместиться до 10 тысяч военнослужащих. Еще одна китайская военная база на полуострове Дживани – дополнение к китайской базе в Джибути. Как и база в Джибути, база Дживани расположена в стратегически важной точке – в пределах досягаемости Ормузского пролива. Сочетание двух военных баз дает КНР возможность доминировать и сохранять безопасность перевозок в важных морских путях в Аравийском море[22].

Помимо строительства своей первой зарубежной военной базы в Джибути[23], Китай профинансировал железнодорожную линию[24], связывающую столицу Джибути с Аддис-Абебой, построил 63-мильный трубопровод длиной для снабжения[25] безопасной питьевой водой, предложил посредничество в пограничном ряду Джибути-Эритрея и участвовал в борьбе с пиратством в регионе.

В целом из стран Африки три страны непосредственно участвуют в инициативе Один Пояс и Один Путь: Кения, Джибути и Египет. И если Кения и Джибути сотрудничает в первую очередь в разрезе военных баз, Египет имеет даже более стратегическое географическое положение – именно на территории Египта расположен Суэцкий канал. Это дает

---

[20] China Xinhua News https://twitter.com/XHNews/status/939753813115789312/ (дата обращения: 04.05.2019).

[21] Harsh Pant, "India-Iran Cooperation at Chabahar Port: Choppy Waters" https://amti.csis.org/india-iran-cooperation-chabahar/ (дата обращения: 05.05.2019).

[22] Mo Hong'e, "Chinese Troops on the Way to New Support Base in Djibouti" http://www.ecns.cn/military/2017/07–27/266965.shtml (дата обращения: 06.05.2019).

[23] Lily Kuo, "China has officially opened its first military base in Africa" https://qz.com/africa/1043185/china-has-officially-opened-its-first-overseas-military-base-in-djibouti-in-the-horn-of-africa/ (дата обращения: 06.05.2019).

[24] "Ethiopia-Djibouti electric railway line opens" https://www.bbc.com/news/world-africa-37562177 (дата обращения: 10.05.2019).

[25] Joel Dishman "Rising Tide: Five Development Projects in Djibouti" https://borgenproject.org/tag/ethiopia-djibouti-water-pipeline/ (дата обращения: 08.05.2019).

ему незаменимый статус торгового партнера. Именно с Египтом у КНР есть официальное двустороннее соглашение в рамках программы[26].

Пирей и другие порты Европы

Еще одним стратегическим шагом программы можно считать покупку Европейских портов. По данным на 2016 год, морские перевозки составляли 64% от общего объема торговли КНР со странами ЕС (см. рис. 4б стр. 29). Именно поэтому контроль над портами – основа морской части проекта Один Пояс и Один Путь. Греческий порт Пирей – третий по величине среди портов в Средиземном море, один из 10 наиболее эффективных в Европе. В 2015 году контейнерная пропускная способность порта увеличилась с 880 тыс. TEU (twenty-foot equivalent unit) в 2010 году до 4,9 млн TEU в 2018 году, а глобальный рейтинг среди портов мира значительно вырос с 93-го до 36-го места[27].

Такое развитие во многом связано с активностью компании China Ocean Shipping Company (COSCO). Стратегическая задача COSCO – превратить порт Пирей в южные ворота Европы для ускорения перевозок между Поднебесной и Евросоюзом. В 2016 году COSCO Shipping приобрела 67 процентов акций порта и в августе официально взяла на себя управление и эксплуатацию порта[28]. За успехом порта Пирей стоит продуманная бизнес-модель превращения его в крупный перевалочный морской узел для грузов для государств Восточной Европы и Балканского полуострова, не имеющих выхода к морю.

В стремлении расширить свое влияние в Европе, компании КНР не ограничиваются ее южной частью. С 2000 года китайские компании приобрели доли примерно в 15 портах Европы, которые в совокупности обрабатывают более 10 процентов контейнерных перевозок между Китаем и Европой. Государственные морские порты COSCO и китайские торговые портовые холдинги приобрели доли в: Палермо, Италия; Марсашлокке, Мальта; Стамбуле, Турция; Пирее, Греция; Бильбао и Валенсии, Испания; Марселе, Нанте, Гавре и Дюнкерке, Франция; Антверпене и Брюгге, Бельгия; Роттердам, Нидерланды[29].

После множества приобретений в 2018 году COSCO также завершила сделку по покупке терминала в Зебрюгге – втором по величине порту Бельгии. Этот терминал – первый плацдарм китайской фирмы в северо-западной Европе. За счет этой и других покупок и развития портов, Китайские

[26] David Ceasar Wani, “Belt and Road in Africa: Opportunities and Challenges” https://moderndiplomacy.eu/2018/03/30/belt-and-road-in-africa-opportunities-and-challenges/ (дата обращения 10.05.2019)

[27] Xinhua, “Greece's Piraeus port lifts economic gloom, shines into future” http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/17/WS5cb6c159a3104842260b6b75.html (дата обращения: 10.05.2019).

[28] Xinhua, “Greece's Piraeus port lifts economic gloom, shines into future” http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/17/WS5cb6c159a3104842260b6b75.html (дата обращения: 07.05.2019).

[29] Silk Road Briefing, “Italy’s Palermo Set to be a Belt and Road Port” https://www.silkroadbriefing.com/news/2019/03/14/italys-palermo-belt-road-port/ (дата обращения: 07.05.2019).

государственные фирмы, которые когда-то действовали исключительно на внутреннем рынке, контролируют около одной десятой всех европейских портовых мощностей. По задумке Китая, реализация этих и других проектов в рамках экономического пояса шелкового пути позволит сократить сроки доставки грузов из Китая в Европу. В настоящее время средний срок доставки контейнерных грузов морским транспортом составляет 45–60 суток. В случае успешной реализации проекта грузы из Китая в Европу будет доставляться менее, чем за 10 дней[30].

Сухой порт Хоргос

Казахстан также имеет стратегическое расположение – он находится между Китаем и Россией. Большинство транспортных путей Казахстана – наследие СССР, поэтому они направлены в Россию. По этой же причине возникает трудность импорта и экспорта товаров между Китаем и Казахстаном. Как и в России, железные дороги Казахстана на 8,9 сантиметра шире, чем стандартная европейская колея. Сухой порт Хоргос – это способ Китая преодолеть проблему с разницей ширины колеи. Китайские железные дороги построены по европейскому стандарту, поэтому цель сухого порта – поднимать контейнеры, наполненные товарами, из одного грузового вагона в соседний поезд, совместимый с российским стандартом. Хоргос расположен недалеко от Евразийского полюса недоступности – самой удаленной точки от любого океана в мире. Ранее с трудом можно было бы предположить, что здесь можно построить город, который будет иметь важное значение для Китая, Индии, России и Западных стран.

В ноябре 2011 года Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подписал указ о создании особой экономической зоны Восточных ворот Хоргос. Ворота Хоргос и Сухой порт Хоргос занимают 130 га земли, включая логистические и промышленные зоны, с общей вместимостью 18000 контейнеров. 7 мостовых кранов обеспечивают горизонтальную транспортировку контейнеров между различными путями. Предприятия, работающие в ОЭЗ «Восточные ворота», освобождены от импортных пошлин, земельного налога, налога на имущество и налога на добавленную стоимость, что также делает его привлекательным торговым центром для казахских и китайских покупателей, проживающих вблизи границы.

Но с тех пор, как начал действовать сухой порт Хоргос, появился путь по железной дороге, который занимает от 18 до 20 дней. Такой показатель свидетельствует о высокой эффективности проекта. Также стоит отметить, что сухой порт в Хоргосе обрабатывает поезда на 20 часов быстрее, чем старый терминал на той же границе[31].

---

[30] Проект "Один пояс, один путь" https://tass.ru/info/4383152 (дата обращения: 28.06.2018).

[31] UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, "Development of seamless rail-based intermodal transport services in Northeast and Central Asia," https://www.unescap.org/sites/default/files/Seamless%20Transport%20report_Kazakhstan.pdf (дата обращения: 11.05.2019).

В течение первого года работы порт обработал более 70000 контейнеров, и ожидается, что это число увеличится до 500000 к 2020 году. По словам первого генерального директора Gateway Карла Гейзена, 99% работников порта – граждане Казахстана, 80% из которых местные жители[32]. Национальная железнодорожная компания Казахстана владеет 51 процентом Хоргосских Ворот. Оставшиеся 49 процентов распределены между двумя китайскими государственными компаниями[33].

Виды транспорта и объем товарооборота на пути Китай — Европа

В 2018 году торговый оборот ЕС и Китая достиг 10-летнего максимума[34]. Эти две крупнейшие в мире экономики расположены на расстоянии более чем 8000 км друг от друга. На данный момент грузоперевозки осуществляются по большей части длинным морским путем. При этом товаропоток из Китая в ЕС существенно превышает поток экспорта из ЕС в Китай. В 2016 году ЕС импортировал из Китая на 190 миллиардов долларов больше товаров, чем экспортировал в Китай. Этот дисбаланс отражается в структуре железнодорожных перевозок[35]. По оценкам, от 60% до 70% железнодорожных перевозок идет в западном направлении, а от 30% до 40% отправляется в восточном направлении. Поэтому на восток контейнеры часто идут пустыми. В любое время около 45 процентов сухогрузных судов, которые обычно перевозят грузы, путешествуют без груза.[40] По оценкам судоходного гиганта Maersk, каждый год он тратит 1 млрд долларов на перестановку пустых контейнеров[36]. В стоимостном выражении объема товарооборота 66% всех перевозок между Китаем и ЕС осуществляется по морю. На авиаперевозки 28% (см. рис. 3б).

Воздушный транспорт является наиболее дорогим и наиболее быстрым видом транспорта – средняя цена товара из Китая, транспортируемого воздушным транспортом, составляет 53,2 тысячи евро за тонну. Стоимость товаров, транспортируемых автомобильным, железнодорожным и морским видами транспорта в разы ниже – 9,5, 6,3 и 3,5 тысяч евро за тонну соответственно[37]. На железнодорожные перевозки приходится менее

[32] Philip Saunders “The Dry Port of Khorgos: Zone Overview” https://www.adrianoplegroup.com/post/the-dry-port-of-khorgos-zone-overview (дата обращения: 07.05.2019).

[33] By Ben Mauk, “Can China Turn the Middle of Nowhere Into the Center of the World Economy?” https://www.nytimes.com/interactive/2019/01/29/magazine/china-globalization-kazakhstan.html (дата обращения: 07.05.2019).

[34] Euronews, https://www.euronews.com/2019/04/09/bei-ching-the-figures-behind-the-eu-s-trade-with-china (дата обращения: 13.05.2019).

[35] The European Commission, “China,” http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/china/ (дата обращения: 09.05.2019).

[36] Peter Buxbaum, “Getting a Handle on Containers,” http://www.globaltrademag.com/global-logistics/getting-handle-containers/ (дата обращения: 10.05.2019).

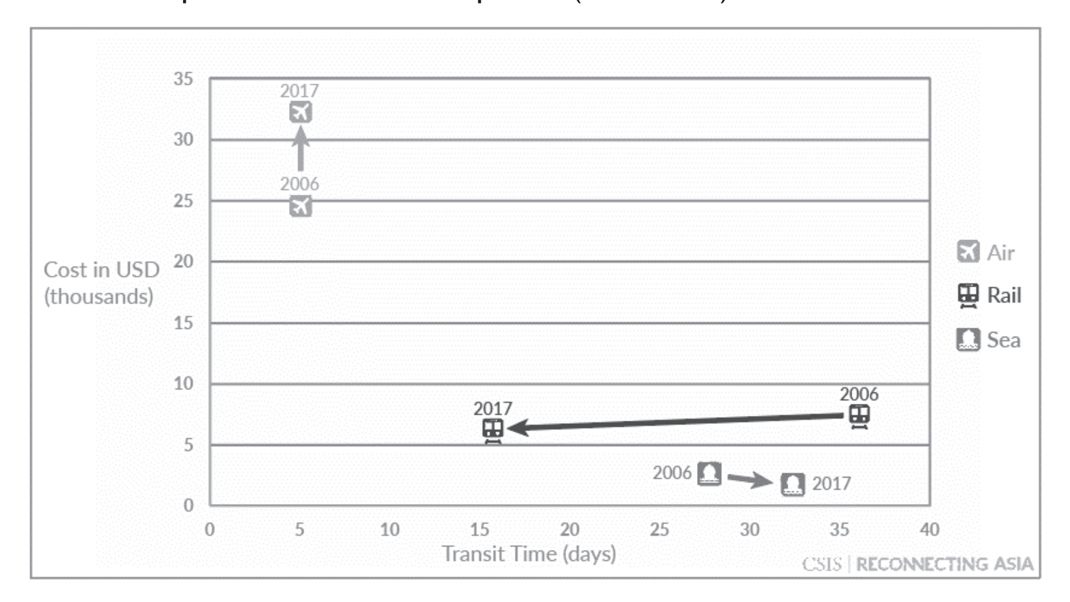
[37] Алиев Т. М. и др. «Экономический пояс Евразийской интеграции: доклад о путях реализации проекта сопряжения интеграции Евразийского экономического союза и Экономического пояса “Шелко-

процента (см. рис. 3б) от торгового оборота, но при должном развитии они смогут конкурировать с морскими перевозками по соотношению скорость и объём к цене.

Еще 10 лет назад регулярных прямых грузоперевозок из Китая в Европу не существовало[38]. Сегодня они связывают около 35 китайских городов с 34 европейскими городами[39]. Железнодорожные перевозки значительно дешевле, чем воздушные, и быстрее, чем морские, как показано на Рисунке 3, и могут стать привлекательным промежуточным вариантом для большего количества товаров в ближайшие годы. Доля железнодорожных грузов в стоимостном выражении уже растет, увеличившись на 144 процента в первой половине 2017 года по сравнению с аналогичным периодом 2016 года. Исследование, проведенное по заказу Международного союза железных дорог, показывает, что железнодорожные услуги Китай-Европа могут удвоить свою долю объема торговли в течение следующего десятилетия[40].

Рисунок 2

Изменение транзитной стоимости и времени (2006–2017)

Источник: Xu Zhang, Eurasian Rail Freight in The One Belt One Road Era, Cranfield University

вого пути"» – М.: ITI, 2016–200 с. (стр. 74).

[38] "Historical Atlas," https://reconasia.csis.org/analysis/historical-atlas/ (дата обращения: 10.05.2019).

[39] Xiang Bo, "Over 6,200 train trips made between China, Europe in 6 years" http://www.xinhuanet.com/english/2017-12/26/c_136852817.htm (дата обращения: 09.05.2019).

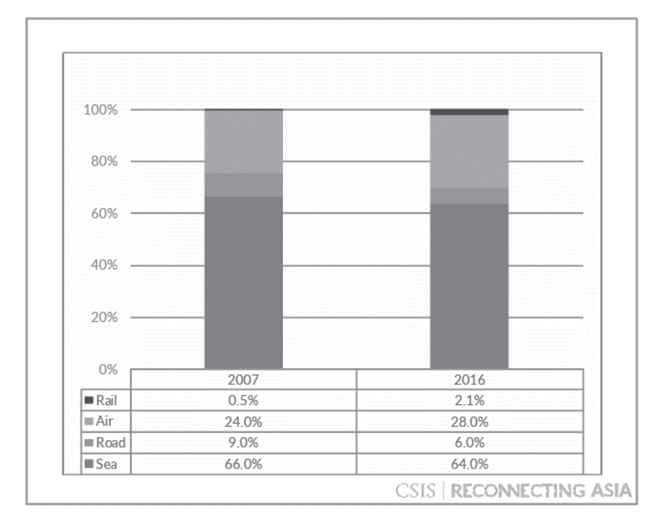
[40] Roland Berger, "Eurasian Rail Corridors: What Opportunities for Freight Stakeholders?" International Union of Railways, https://uic.org/IMG/pdf/corridors_exe_sum2017_web.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

По состоянию на 2017 год железнодорожный транспорт стал более конкурентоспособным и по скорости и стоимости, как показано на рис. 2. Когда в 2006 году Американская торговая палата сравнила варианты транспортировки грузов по маршруту Китай-Европа, и на тот момент железнодорожные перевозки оказались не только дороже, но и медленнее, чем морские. В качестве критерия конкурентоспособности эксперты сравнили варианты транспортировки 40-футового контейнера из Шанхая, Китай, в Гамбург, Германия. В 2006 году это путешествие заняло 36 дней по железной дороге. В 2017 это занимало всего 16 дней. Стоимость также снизилась, но не так резко, как транзитное время. Во всяком случае, пример Шанхая и Гамбурга является объективным для сравнения, так как в качестве отправной точки и точки назначения используются два крупнейших центра морских перевозок. Железнодорожный транспорт может быть еще более конкурентоспособным для стран, находящихся в глубине континента.

Тем не менее, в 2016 году железнодорожные перевозки составили менее 1% торговли между Китаем и Европой по объему и чуть более 2% по стоимости[41]. Как показано на Рисунке 4, морское судоходство остается доминирующим, и в 2016 году на него приходилось 94% торговли по весу и 64% по стоимости. По сравнению с железнодорожным транспортом воздушный транспорт перевозил вдвое больше груза по весу и более чем в 13 раз по стоимости в 2016 году. Тенденции подчеркивают конкурентоспособность морских перевозок для недорогих товаров и авиаперевозок для дорогих товаров.

Рисунок 3а

Товарооборот между Китаем и Европой по весу (2007–2016 гг.)

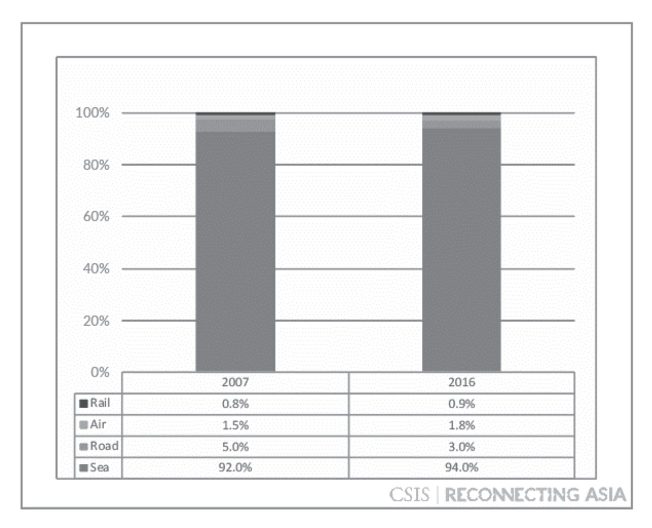
	2007	2016
Rail	0.5%	2.1%
Air	24.0%	28.0%
Road	9.0%	6.0%
Sea	66.0%	64.0%

Источник: Евростат, анализ Центра Экономики Инфраструктуры

[41] Vladimir Kosoy, “A Future of EU-EAEU-China Cooperation in Trade and Railway Transport,” Infrastructure Economics Centre, https://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/doc/2017/wp5/WP5_30th_session_Mr_Kosoy.pdf (дата обращения: 11.05.2019).

Рисунок 3б

Товарооборот между Китаем и Европой в стоимостном выражении (2007–2016 гг.)

Источник: Евростат, анализ Центра Экономики Инфраструктуры

Железнодорожные перевозки также сталкиваются с препятствиями, мешающими более значительному росту. Будущее китайских субсидий неопределенно. Хронический торговый дисбаланс между Европой и Китаем означает меньший спрос на западные услуги и создает большие затраты на перемещение пустых контейнеров. Кроме того, новые аэропорты в Азии и совершенствование железнодорожной сети Европейского союза могут повлиять на конкурентоспособность железных дорог в ближайшие годы.

Изменения инфраструктуры и окружающей среды также могут усложнить конкуренцию железной дороге. Около 2024 года Китай, по прогнозам, вытеснит США как крупнейший в мире авиационный рынок. Расширение авиационной инфраструктуры сделает воздушные перевозки более доступными, в том числе для клиентов, которым ранее приходилось выбирать между доставкой груза по железной дороге или морем. Морские перевозки могут также выиграть от повышения температуры в Арктике[42].

Железнодорожные перевозки в программе Один пояс и Один путь: в Европу через Центральную Азию

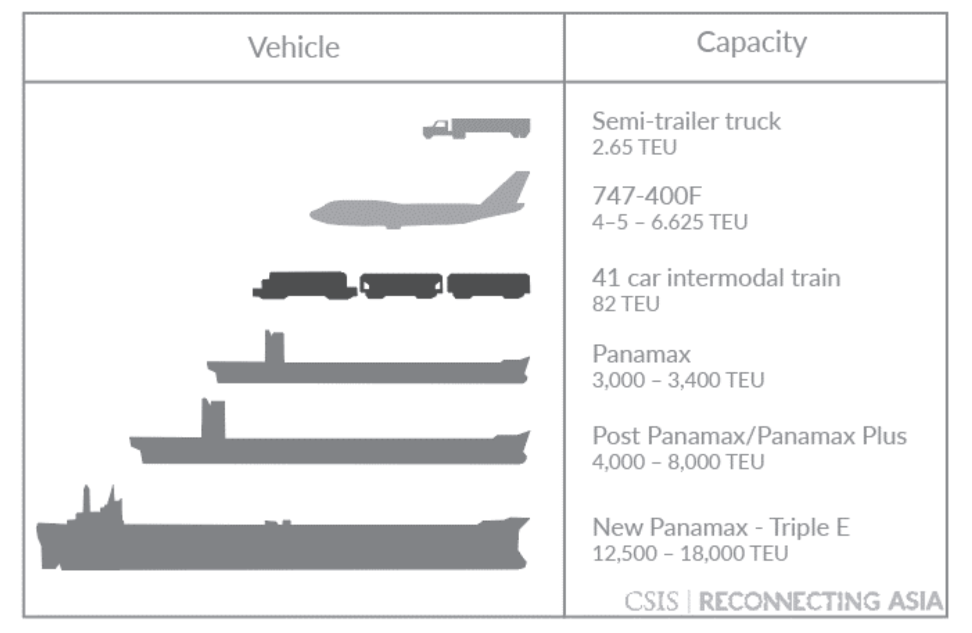
Как ранее отмечалось, по данным на 2014 год на железнодорожные перевозки приходится менее процента от общего объема торговли между Китаем и ЕС. Тем не менее, в последние годы Китай крайне заинтересован

[42] Jonathan E. Hillman, "The Rise of China-Europe Railways", https://www.csis.org/analysis/rise-china-europe-railways (дата обращения: 03.05.2019).

в развитии Евразийского железнодорожного коридора. Реализация железнодорожного коридора позволила бы сократить издержки на транспортировку грузов за счет частичного переноса морского грузопотока на сухопутный. Сейчас по многим факторам железнодорожное сообщение оказывается нерентабельным и уступает морским перевозкам по совокупному соотношению скорости к грузовместимости и стоимости. Состав может перевозить до ста контейнеров, в то время как крупные контейнеровозы могут принять груз эквивалентом в 18 тыс. контейнеров (см рис. 4).

Рисунок 4

Емкость по транспортному режиму

Источник: Жан-Поль Родриг, География транспортных систем «Контейнеры»; Всемирный совет по судоходству, 2018.

Поезда Китай-Европа перевозят меньшее количество грузов по сравнению с современными судами. Как показано на рисунке 4, один маршрутный поезд может перевозить почти в 12,5 раз больше, чем один самолет, однако при этом поезд перевозит только 0,45% от самого большого корабля (на сегодняшний день). Очевидно, что для получения значительно объема торговли потребуется значительно увеличить количество составов. Чтобы выполнить оптимистичный сценарий согласно исследованию Международного союза железных дорог в 371000 единиц в год, потребуется отправлять примерно 24 поезда в день, что почти в пять раз больше уровня 2016 года в 5 поездов в день[43].

[43] Jonathan E. Hillman, “The Rise of China-Europe Railways”, https://www.csis.org/analysis/rise-china-europe-railways (дата обращения: 03.05.2019).

Но несмотря на безоговорочное лидерство морских перевозок, железнодорожное сообщение должно стать им качественной альтернативой, так как товарооборот между Китаем и Европой постоянно растет, что вызывает перегрузку китайских морских портов.

Железнодорожные перевозки, будучи дешевле авиаперевозок, но быстрее морских, имеют большой потенциал роста в сегменте доставки товаров средней стоимости и средней срочности при обеспечении должной инфраструктуры. Именно инфраструктура является решающим фактором в развитии железнодорожных перевозок на этом пути. Само по себе наличие железной дороги еще не делает перевозки эффективными и выгодными, так как общее время в пути может зависеть от большого количества факторов. Организаторы перевозок сталкиваются с несколькими основными проблемами, которые затрудняют и замедляют весь процесс доставки груза в целом%

- Различия в стандартах колеи;
- Отсутствие обратного экспорта;
- Недостаточное качество текущих Ж/Д путей и инфраструктурных сооружений.

Заключение

По результатам работы можно заключить, что Инициатива Один Пояс и Один Путь – логическое выражение стремления Китая развить способы экспорта капитала и получить еще большее влияние на мировой арене. Для этого Китай реализует стратегически важные проекты в выгодных транзитных точках. Проекты разрабатываются не с чистого листа, а логически продолжают и расширяют уже существующие инфраструктурные объекты. Развитию подлежат не только самые крупные по объему морские, но также авиа- и железнодорожные перевозки в Европу, Центральную Азию и другие стратегически важные регионы.

Интерес Китая состоит не столько в развитии инфраструктуры, сколько в экспорте капитала, в том числе в силу избыточности ресурсов для использования на внутреннем рынке. Создавая проекты в рамках ОПОП Китай имеет выигрышную позицию при любом раскладе, так как в краткосрочной перспективе получает выгоду на этапе финансирования за счет привлечения средств банковской системы Китая, на этапе реализации – за счет привлечения китайских компаний-подрядчиков и в долгосрочной перспективе, так как реализуемые проекты позволят значительно увеличить и ускорить товарооборот. Страны, участвующие в инициативе ОПОП, местами жертвуют собственным влиянием, но учитывая неизбежный рост экспорта из Китая, также получают выгоду за счет роста оборота и появления новых рабочих мест в транспортной инфраструктуре. Благодаря описанному способу финансирования Китай получает возможность принимать участие в формировании развития других стран и регионов и реализовывать в них

свои интересы. В итоге все участвующие страны получают определенную выгоду от взаимодействия, но наибольшую выгоду получает именно Китай.

Далеко не все страны одобряют инициативу ОПОП. В первую очередь наименее заинтересованы в значительном развитии Китая за рубежом и открыто выступают против Индия и США – страны, также имеющие планы по развитию и поддержанию влияния на международной арене. Западноевропейские страны и Япония в свою очередь нацелены на торговое, финансовое и инвестиционное сотрудничество с Китаем.

Воронцов А. В.

КАК ДАЛЕКО МОЖЕТ ЗАЙТИ КОНФЛИКТ МЕЖДУ США И КНР?

Vorontsov A.V.

HOW FAR CAN GO THE US – CHINA CONFLICT?

Аннотация: Обозначенным в названии статьи вопросом задаются многие исследователи и политики в мире и, прежде всего, естественно, в странах – непосредственных участниках указанного взаимодействия. ***Указанная*** тема прочно заняла важное место в программе многочисленных конференций и симпозиумов, посвященных проблемам безопасности в Восточной Азии. Приняв участие в ряде подобных форумов в 2019 году, в том числе в формате «второй дорожки», автор позволил себе выделить и суммировать ключевые пункты позиций американских и китайских участников, в том числе их наиболее существенные взаимные претензии.

Ключевые слова: КНР, США, торговая война, конфликт США-Китай, Индо-тихоокеанском регион.

Abstracts: The article title contains the question that became the hot point of the discussions among numerous both researchers and politicians in the world but first of all in the two countries mentioned in the headline. The topic became the leading problem in framework of East Asia security related numerous conferences and symposiums programs. The author succeeded to take part at the number of abovementioned forums including the “track two format” in 2019 year and tried to select the key points of the American and Chinese participants positions including their mutual rebukes.

Keywords: China, USA, the US-China trade war, the Northeast Asia region, US-China-conflict.

Обозначенным в названии статьи вопросом задаются многие исследователи и политики в мире и, прежде всего, естественно, в странах – непосредственных участниках указанного взаимодействия. В качестве примера академической полемики, отражающей основные упреки и опасения в адрес друг друга, на наш взгляд, уместно привести обмен мнениями двух авторитетных ученых на ресурсах известного исследовательского института, базирующегося на Гавайях, «Тихоокеанский Форум». Американский востоковед Р. Косса, укоряя китайских коллег за недооценку огромного вклада, благосклонно внесенного США в феномен беспрецедентного усиления Китая в последние десятилетия, также как и в возрождение Японии и Германии после второй мировой войны, упрекает Китай, прежде всего «в нарушении принятых обещаний и отказе играть по правилам» [1]. Он также напоминает о распространенных случаях кражи интеллектуальной собственности, принуждения американских бизнесменов, работающих в Китае, передавать свои секреты и технологии и т. д.

Его китайский оппонент профессор Жигун Жу *(Zhiqun Zhu)* в своих рассуждениях сформулировал, возможно, квинтэссенцию подхода китайских интеллектуалов и бизнесменов к сути курса администрации Д. Трампа на коренное переформатирование характера и содержания американо-китайских отношений. «Чего на самом деле хотят от нас США? Если наших денег – имея в виду сокращение торгового дефицита и повышение уровня комфортности для американских бизнесменов в Китае – тогда это вопрос легко разрешаем. Если же нашу жизнь – блокирование технологического развития, как в случае с компанией Хуавэй, и продолжения экономического роста – тогда это глубокий конфликт и надолго. При этом китайский ученый выражает сомнение, что в Вашингтоне сформировался консенсус относительно приоритетности обозначенных двух вопросов [2].

Указанная тема прочно заняла важное место в программе многочисленных конференций и симпозиумов, посвященных проблемам безопасности в Восточной Азии. Приняв участие в ряде подобных форумов в 2019 г., в том числе в формате «второй дорожки», автор позволил себе выделить и суммировать ключевые пункты позиций американских и китайских участников, в том числе их наиболее существенные взаимные претензии.

Обобщенные оценки китайской стороны

Инициатором конфликта выступили США, представив КНР «ревизионистской» державой. Недружественные действия Вашингтона зашли так далеко, что гражданам КНР, в том числе, учащимся, стало трудно получить американские визы. В результате среди китайских студентов происходит массовая переоценка вопроса о выборе профессий, не связанных с ориентацией на обучение в США.

В целом нынешняя торговая война Вашингтона против КНР, демонстративный слом всех им же созданных и навязанных всему миру в качестве образца правил игры в политике, экономике и бизнесе, оказал сильное отрезвляющее воздействие на китайскую молодежь. Проявлением этого феномена стал факт, что 30-я годовщина трагических событий на площади Тяньаньмэнь 4-го июня 1989 г. в материковом Китае прошла на удивление совершенно спокойно. Но «в отместку за это Запад приложил руку» к организации массовых протестов в Гонконге, начавшихся в июне 2019 г. против поправок к закону об экстрадиции [3].

Попытки изолировать Китай на международной арене бессмысленны. КНР переживёт администрацию Д. Трампа, даже если он будет переизбран на второй срок [4].

Атака США на технологические центры КНР, символом которой стала война против компании «Хуавэй», не стала неожиданностью для Китая, но посеяла глубокие корни недоверия в двусторонних отношениях [5].

Новая политика Белого дома по отношению к Тайваню вызывает серьёзную тревогу в Пекине, где стали опасаться, что рано или поздно администрация

Д. Трампа признает независимость Тайбэя. В таком случае у Пекина не останется выбора, как использовать военную силу для сохранения территориальной целостности «большого Китая».

Методы, которыми Вашингтон пытается утвердить принцип «свободы мореплавания», серьёзно обостряет ситуацию – «ВМС США так близко приближаются к берегам Китая сознательно, чтобы его запугать и спровоцировать на резкие ответные действия».

Эти и другие факторы всё более убеждают Пекин в том, что в Вашингтоне сформулирована «скрытая повестка» действий, базирующаяся на новой стратегической оценке, суть которой заключается в том, что китайская модель развития в целом стала восприниматься как угроза существованию США и «вашингтонскому консенсусу» (existential threat).

«Индо-тихоокеанская стратегия», продвигаемая в настоящее время Вашингтоном представляет собой один из главных инструментов реализации вышеупомянутой «скрытой повестки» по глобальному сдерживанию Китая, в том числе, за счёт выдвижения в непосредственной близости с его границами военной инфраструктуры США и их союзников.

Одновременно с этим некоторые китайские «либеральные» учёные высказали альтернативные точки зрения. Суть их сводится к следующему: не все в Китае поддерживают линию руководства КНР на прямое противоборство с Вашингтоном; большинство в научном сообществе понимают, что США есть и ещё долго будут оставаться единственной сверхдержавой, недосягаемой по своей совокупной мощи со стороны других стран. В условиях долгосрочной торговой войны с США темпы экономического роста КНР неизбежно замедлятся, а это негативно отразится на масштабах и темпах реализации главного мегапроекта Пекина «Один пояс, один путь». Гигантомания данной программы вызывает серьёзные сомнения, и уже сейчас требуется его существенная корректировка в направлении выработки более умеренных и реалистичных параметров [6].

Однако представители «проправительственного» курса парировали эти замечания следующим утверждением. Хотя международная ситуация для КНР и осложнилась, если Пекин начнёт отступать, то последствия и для Китая, и для окружающих стран будут ещё болезненнее. Не правомерно говорить об усилении «диктаторских» устремлений в действиях президента Си Цзиньпиня, так как коллективистские начала продолжают сохраняться в системе принятия решений КНР. Поэтому попытки разделить руководство и народ Китая неприемлемы. Китай не допустит на своей территории повторения «арабской весны» или «цветных революций», имевших место в Центральной Азии.

Обобщенные оценки американской стороны

В полемике с китайскими учёными американские представители часто утверждают следующее. У США есть серьёзные вопросы к проекту «Один пояс, один путь» в связи с его непрозрачными стандартами и коррупционной

практикой в отношении правительств многих стран-участниц. Этот тезис ожидаемо оспаривался китайскими коллегами [7].

США возражают против действий Пекина по милитаризации Южно-китайского моря (ЮКМ). Многие американские участники в поддержку данного тезиса указывали, что поведение Китая в ЮКМ воспринимается в международном сообществе не как частный случай, а как тест и проекция на его универсальную модель действий в мире в качестве глобальной державы.

Официальные представители США также утверждали, что политика США в отношении Тайваня не изменилась, но давление со стороны правительства Тайваня на Вашингтон с целью поиска поддержки существенно усилилось. При этом Тайвань остаётся для Америки важной ценностью, как полноценная демократическая страна с рыночной экономикой. Поэтому тактика Пекина по запугиванию Тайваня, также, как и других соседей Китая, недопустима для Вашингтона.

По утверждениям американцев Индо-тихоокеанская стратегия не направлена против Китая, но преследует цель формирования такого баланса сил, при котором Пекин ощущал бы, что ему не выгодно и не комфортно использовать вооружённые силы для реализации своих внешнеполитических целей.

При этом Вашингтон не исходит из того, что конфликт с Пекином неизбежен, так как он никому не будет выгоден.

Одной из центральных задач Белого дома останется укрепление системы союзов в Индо-тихоокеанском регионе, и установка «Америка прежде всего» не означает, что Америка находится в одиночестве.

Ряд американских учёных, пытаясь успокоить китайских коллег, отмечали, что серьёзные проблемы в двусторонних отношениях проявлялись и раньше, до прихода к власти Д. Трампа, что теория о «китайской угрозе» постоянно имела место в США, особенно среди масс обывателей. Но всегда в КНР находились мудрые политические деятели типа бывшего министра иностранных дел Ван И, которым удавалось умело и примирительно разъяснять американцам беспочвенность их страхов.

Вместе с этим носители подобных взглядов среди американской интеллектуальной элиты подвергали серьёзной критике политику Д. Трампа, утверждая, что простой выход из всевозможных договоров и переговорных процессов и самоизоляция – это не стратегия. Они подчёркивали, что в отношении Китая в настоящее время требуется сочетание жёсткого ответа на конкретные его провокационные действия с профессиональной дипломатией. По их мнению, действия Д. Трампа не профессиональны, проникнуты популизмом с целью эксплуатации упрощённого восприятия и антикитайских страхов рядовых американцев. Одновременно с этим такие действия Белого дома опасны, так как разрушают американо-китайскую взаимозависимость, служившую основой международных отношений эпохи глобализации, и ведут к созданию атмосферы враждебности, чреватую угрозой сползания к войне.

При этом многие американские учёные также отмечали, что в США преобладает мнение, что население Китая не свободно, а жёстко контролируется

и управляется политической системой, что существует разрыв между народом и коммунистической партией Китая и поэтому политические системы США и КНР несовместимы.

Они указывали, что Пекину следует вести себя осторожно, поскольку в отличие от бывшего СССР, у которого была самая кризисная геостратегическая точка в столице Германии, у Китая таких «Берлинов целых четыре»: Тайвань, ЮКМ, территориальный конфликт с Японией и взрывоопасный Корейский полуостров.

Но, вместе с этим, по их мнению, даже изменение глобального баланса сил и достижение Китаем паритета с США – это «не конец истории», ещё не поздно совместно выработать модель взаимодействия с целью безконфликтного прохождения через опасный период смены мирового лидерства. Но для этого обе державы должны понять, что как США с лозунгом «Америка превыше всего» не смогут создать новую эффективную коалицию, так и Китай с нынешним провокационным поведение в ЮКМ и территориальными притязаниями к Японии будет не способен достичь аналогичной цели.

В завершении данного обзора автору приятно отметить, что при полярности оценок по многим вопросам в целом атмосфера дискуссий в ходе конференций между американскими и китайскими представителями была отмечена духом сдержанности и академической корректности.

Естественно, читателю предстоит самостоятельно сформулировать собственное отношение к вышеприведенным тезисам, но наш взгляд, в ряде случаев аргументы китайских представителей выглядят более убедительно.

Литература/References

1. Ralph Cossa: “The Growing US-China Tensions: Do We See Light at the End of the Tunnel?”, PacNet #34R – Response to PacNet #34, June 25, 2019 – https://mailchi.mp/pacforum/pacnet-34r-response-to-pacnet-34-the-growing-us-china-tensions-do-we-see-light-at-the-end-of-the-tunnel-qxk5pz3b16?e=5095ad5d8a.

2. Zhiqun Zhu: The Growing US-China Tensions: Do we see light at the end of the tunnel? PacNet#34 June 11, 2019 – https://www.pacforum.org/analysis/pacnet-34-%E2%80%93-growing-us-china-tensions-do-we-see-light-end-tunnel; – Zhiqun Zhu: The Growing U.S.-China Conflict: Why, and Now What? June 5, 2019 – https://nationalinterest.org/feature/growing-us-china-conflict-why-and-now-what-61227.

3. Police Chief Paints Damning Picture of Protest Violence., South China Morning Post, June 14, 2019 – https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3014395/police-fired-150-rounds-tear-gas-during-hong-kongs – The Battle for Hong Kong, The New York Times, June 14, 2019. – https:// www.nytimes.com/2019/08/14/world/asia/hong-kong-protests-identity-china-edward-leung.html.

4. Lie He believes 'external pressure' can boost China., South China Morning Post, June 14, 2019. – https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3014301/chinese-vice-premier-liu-he-says-external-pressure-can – Andrew Sheng, Xiao Geng: Trade war will not end in US's favor., China Daily, June 14, 2019. – http://www.chinadaily.com.cn/a/201906/14/WS5d02d8d0a3103dbf143281a1.html.

5. Huawei makes aggressive moves in the 5 G arena., Global Times, June 14, 2019 – http:/ /www.globaltimes.cn/content/1154204.shtml.

6. Xi: SCO should back multilateralism. President calls on members to support regional links to Belt and Road Initiative., China Daily, June 15–16, 2019. – http://www.chinadaily.com.cn/a/201906/15/WS5d040639a3103dbf1432856b.html.

7. Deng Hao: Belt and Road a path to clean governance., China Daily, June 15-16, 2019 – http://global.chinadaily.com.cn/a/201906/15/WS5d044d72a3103dbf143285ee.html.

*Федорова И.Е.**

ИРАНО–АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Fedorova I.Y.**

RELATIONS BETWEEN IRAN AND AFGHANISTAN AT THE PRESENT STAGE

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее важные аспекты ирано-афганских отношений на современном этапе: политические, экономические, дипломатические. При формировании политики в отношении Исламской Республики Афганистан (ИРА) Иран сталкивается с необходимостью учитывать интересы самых различных политических сил в Кабуле и проявлять исключительную гибкость. Основная цель Тегерана – иметь влияние на развитие ситуации в ИРА при любом возможном развитии событий там. На этом направлении наглядно проявляется прагматизм иранской внешней политики, который помогает руководству в Тегеране добиваться поставленных целей.

Ключевые слова: Иран, Афганистан, Талибан, США.

Abstract: The main aspects of Iran's policy towards the Islamic Republic of Afghanistan (IRA) at the present stage: political, economic, diplomatic – are analyzed in the article. Conducting its policy Tehran faces the necessity to take into consideration interests and priorities of different political parties and religious groups in Kabul. Iranian leadership has todemonstrate flexibility.The main goal of Iran is to preserve influence in IRA irrespective of the political and military developments in this country. Pragmatism characterizes Iranian foreign policy and it helps Iranian leadership to achieve its desired goals in Afghanistan.

Keywords: Iran, Afghanistan, USA, Taliban.

Развитие ситуации в Исламской Республике Афганистан (ИРА) – стране, которая многие годы охвачена гражданской войной, находится в центре внимания руководства Исламской Республики Иран (ИРИ). Там сконцентрированы важнейшие стратегические, экономические и политические интересы Ирана. Протяженная пограничная линия, проходящая по территориям, на которых власть Тегерана и Кабула ослаблена, приводит к тому, что из Афганистана в Иран идет поток беженцев и нелегальных мигрантов, поток наркотиков. А в ряде случаев террористические военизированные группировки действуют по обе стороны границы. События там непосредственным образом влияют на внутриполитическую стабильность в Иране и на стабильность в регионе Центральной Азии в целом.

* *Федорова Ирина Евгеньевна* – к. и. н., ст.н.с. Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, ИВ РАН.

** *Fedorova Irina Yevgen'evna* – PhD (History), Senior Researcher, Centre for the Study of Near and Middle East Countries, IOS RAS.

Деятельность Ирана в Афганистане координирует Штаб по Афганистану, в котором чрезвычайно сильно влияние спецслужб. Реализацией гуманитарных программ занимается фонд «Комитет помощи имени Имама Хомейни», продвигающий иранские политические и идеологические цели.

Особую важность отношения с Афганистаном приобрели, начиная с 2017 г., после повторного избрания Х. Роухани на президентский пост и объявленного им т. н. «поворота на Восток», когда развитие связей со странами региона вышло на первый план в иранской внешней политике. Выход США из СВПД и последовавший за ним рост напряженности в ирано-американских отношениях стал еще одним фактором, повышающим значение Афганистана в парадигме внешней политики Ирана.

Тегеран беспокоит не только наркотрафик и нелегальная миграция с территории сопредельной сраны. Тесные связи режима в Кабуле с Вашингтоном, присутствие американских войск на территории ИРА, в частности наличие авиабазы Шинданд в провинции Герат в 80 милях (125 км) от границы с Ираном вызывают серьезные опасения у иранских властей. Ведь в случае военного конфликта Вашингтон может использовать территорию ИРА в качестве плацдарма для осуществления своих военных угроз в адрес ИРИ и ее геополитических интересов в регионе.

В плане безопасности озабоченность Тегерана связана не только с присутствием в Афганистане войск коалиции, но и распространением влияния Исламского государства (ИГ)*. В 2015 г. руководители этой террористической организации объявили о создании «Вилайета Хорасан», включая в зону своих притязаний Афганистан, Пакистан, восточные провинции Ирана и часть территории Центральной Азии и Индии. Сообщения об активной переброске боевиков ИГ из Сирии и Ирака являются дополнительным фактором, диктующим необходимость развития отношений между Тегераном и Кабулом. В этой связи в сентябре 2018 г. Афганистан и Иран, совместно с Россией и Китаем приняли решение о необходимости создания единой базы террористических организаций и лиц обвиняемых в терроризме. Аналогичную той, которая существует в антитеррористическом центре стран СНГ[1].

Для создания контрбаланса данным угрозам Иран предпринимает активные шаги по укреплению влияния в Афганистане. В первую очередь руководство ИРИ заинтересовано в сохранении стабильности в ИРА. С этой целью иранское руководство поддерживает центральное правительство в Кабуле и заключило с ним ряд соглашений. Самые важные – Соглашение о стратегическом партнерстве, подписанное 5 августа 2013 г., на следующий день после вступления Х. Роухани в должность на второй срок, и ряд договоренностей по совместной борьбе с терроризмом и наркотрафиком. О намерениях продолжить активное сотрудничество и продлить действие соглашения 2013 г. стороны заявили в июне 2019 г. при подписании

---

* Исламское государство – террористическая организация, запрещенная в России.

[1] Федорова И. Е. Перспективы взаимодействия в треугольнике «Россия-Иран-Индия». Россия и Иран: пять веков сотрудничества. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15. С.359–367.

меморандума по вопросам сотрудничества в атомной энергетике. Тегеран и Кабул считают необходимым расширение договорной базы и, начиная с 2018 г., ведут переговоры о заключении нового всеобъемлющего договора, включающего широкий спектр направлений, представляющих взаимный интерес[2]. Важнейшим этапом международного экономического сотрудничества стало трехстороннее соглашение 2016 г. между Дели, Кабулом и Тегераном о реконструкции и использовании порта Чахбахар на иранском побережье Оманского залива. Осуществление этого проекта позволит создать транспортный коридор между Ираном и Индией, а также Индией и Центральной Азией и развивать торговлю между этими странами в обход Пакистана. Первая фаза проекта – порт шахида Бехешти – уже реконструирована и открыта. В 2018 г. Индия взяла на себя управления операциями, а в начале 2019 г. был официально открыт торговый коридор Иран – Афганистан – Индия. Интересно отметить, что Белый дом, не желая обострять отношения ни с Дели, ни с Кабулом, проявил гибкость и вывел проект этого порта и железной дороги, которая соединяет его с Афганистаном, из-под санкций, введенных президентом США в мае 2018 г..[3]

Эти и другие менее значительные соглашения стали базой для развития сотрудничества между Ираном и Афганистаном. Согласно данным Торгово-промышленной палаты Афганистана (Afghanistan's Chamber of Commerce and Industries) в 2017–2018 финансовом году Иран стал крупнейшим торговым партнером Афганистана, обогнав Пакистан и Китай[4]. Тегеран осуществляет более трехсот инфраструктурных проектов и оказывает безвозмездную финансовую помощь. Торговый оборот составляет более 2-х млрд долл. США. (Весь торговый оборот Афганистана с иностранными государствами равен приблизительно 7 млрд долл.). Основные иранские инвестиции идут в западные провинции Афганистана, в их транспортную инфраструктуру и производство электроэнергии. Наибольшие объемы иранского экспорта приходятся на провинции Хорасан-Резави, Южный Хорасан и Систан-е Белуджистан. В основном из Ирана в Афганистан поставляются продукты питания, строительные материалы, лекарственные препараты, бытовая химия и горюче смазочные материалы.

Для расширения своего политического и идеологического влияния Иран использует не только экономические средства, но и «мягкую силу», в первую очередь, укрепляя свое влияние среди афганских шиитов и близких ему по языку афганских таджиков. В центре внимания Ирана находится афганское информационное поле. Популярные печатные издания: «Энсаф», «Рощд», «Ансар», телекомпании «Тамадон», «Нур», «Рах-е Фарда», «Негах», – финансируются иранцами. Усилиями Тегерана ряд важнейших

---

[2] https://aftag.info/ru/news/afganistan-i-iran-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-sfere-yadernoy-energetiki.

[3] https://www.rferl.org/a/afghanistan-first-exports-india-chabahar-iran/29787862.html.

[4] https://www.iran.ru/news/economics/109212/Iran_stal_krupneyshim_torgovym_partnerom_Afganistana.

медиа ресурсов были объединены в единый журнальный союз, главой которого стал председатель культурного комитета Совета шиитских улемов Афганистана.

Иранское руководство уделяет особое внимание укреплению своего влияния среди молодежи Афганистана. На важность этого направления обращает внимание советник Верховного лидера Ирана и бывший министр иностранных дел А. Велаяти, подчеркивая, что молодежь является важнейшей частью «мягкой силы», помогающей Тегерану продвигать исламские идеалы (имеется в виду ислам шиитского толка – *И.Ф.*)[5]. В этом контексте Иран возглавил группу по мерам доверия в области образования в рамках Стамбульского процесса и обеспечивает деятельность образовательных культурных и благотворительных организаций, которые по мнению ряда исследователей, совмещают образовательную деятельность со сбором разведывательной информации. Важнейшим координационным центром «мягкой силы» служит построенный Ираном один из крупнейших исламских университетов в Кабуле «Исламский университет Хатам-аль Набиин», а также филиалы ведущих иранских университетов. Например, филиал университета Азад[6]. Помимо этого, непосредственно в Иране обучаются 19000 студентов и более 5000 в религиозных университетах и духовных образовательных учреждениях[7].

В вопросах борьбы с влиянием ИГ и США в Афганистане Тегеран проявляет незаурядный прагматизм и гибкость. Подчеркивая, что у внутри афганской проблемы нет военного решения, иранское руководство выступает за диалог между различными афганскими группировками: политическими, религиозными и этническими. Его традиционными партнерами были шииты- хазарейцы и таджики, которые лоббировали интересы Ирана в парламенте ИРА. Иранское руководство поддерживает достаточно тесные связи с ними, инвестируя деньги в места их компактного проживания. Однако не стоит ни преуменьшать, ни преувеличивать то влияние, которое Иран на них оказывает. Далеко не все шиитские богословы Афганистана признают концепцию велайят-е факих. Часть из них ориентирована на Запад, часть имеет более тесные связи с иракскими шиитами, в частности с аятоллой Али Систани. Представляется важным отметить, что начиная с 2012 года Иран рекрутирует афганских беженцев на своей территории и шиитов, проживающих в Афганистане в бригаду Фатамиюн для войны в Сирии. В октябре 2018 г. это подразделение наряду с силами КОДС* было занесено американским руководством в список террористических

---

[5] https://www.mei.edu/publications/irans-soft-power-islamic-azad-university-opening-branches-major-syrian-and-iraqi.

[6]https://www.mei.edu/publications/irans-soft-power-islamic-azad-university-opening-branches-major-syrian-and-iraqi

[7] https://ru.irna.ir/news/3657686/19-тыс-афганских-студентов-обучаются-в-Иране.

* КОДС – военное подразделение специального назначения в составе Корпуса стражей исламской революции, отвечающее за проведение специальных операций за пределами территории ИРИ.

организаций. По некоторым оценкам его численность составляет приблизительно 15000 человек. Привлекая афганских шиитов для борьбы на стороне режима Асада в Сирии, иранское руководство решает сразу две задачи. С одной стороны, получает бойцов в свои ряды. С другой – возвращающиеся в Афганистан из Сирии бойцы этой бригады становятся проводниками иранской политики и Тегеран получает политическую и военную силу для укрепления своего влияния там[8].

В плане диверсификации контактов Иран поддерживает отношения с талибами Афганистана. Акцент делается на общности антиамериканских стратегий и борьбе с афганскими группировками, воюющими под флагом ИГ, и боевиками ИГ, переброшенными из Сирии и Ирака. На этом треке особенно ярко проявляется прагматизм, который и является доминирующим фактором иранской внешней политики. В прошлом Иран имел существенные противоречия с талибами и поддерживал силы, противостоящие этому движению в Афганистане. Со своей стороны, талибы во время нахождения у власти неоднократно наносили ущерб интересам Ирана. В частности, в 1998 г. в Мазари-Шарифе талибами были убиты иранские дипломаты. Иран закрыл на это глаза. Талибы также проявляют прагматизм и забыли о том, что Иран делился с США и Северным Альянсом данными своей разведки и принимал активное участие в падении Исламского эмирата в Афганистане в 2001 г.

Первые сообщения о контактах с иранского руководства с талибами были весьма ограничены. В значительной мере информация приходила из западных СМИ. Были сообщения о том, что в 2012 г. был открыт офис движения в городе Захедан[9], что в 2013 г. представители талибов посетили Иран и провели переговоры относительно перспектив политического устройства Афганистана, что в 2015 г. делегация членов политического бюро движения в Катаре во главе с Мохаммадом Ага прибыла в Иран для обсуждения афганских и региональных проблем. Помимо этого, широко муссировались слухи о том, что глава Талибана мулла Мансур незадолго до своей гибели на территории пакистанского Белуджистана в мае 2016 г. выезжал в Иран, где вел переговоры с иранскими спецслужбами. Начиная со второй половины 2018 г. иранское руководство открыто признает наличие своих контактов с представителями талибов. Так министр иностранных дел Ирана М. Зариф во время визита в Индию в январе 2019 г. отметил, что Тегеран вел переговоры с талибами, контролирующими провинции Ирана, граничащие с Афганистаном. Официальное декларирование переговоров объяснялось, с одной стороны, тем, что в конце 2018 г. талибы, по ряду оценок, контролировали около 50% территории Афганистана, с другой – тем, что США интенсифицировали свои усилия по достижению договоренностей с движением относительно их будущей роли в политическом устройстве ИРА и достигли определенного

[8] https://en.radiozamaneh.com/29273/

[9] https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/9444402/Taliban-opens-office-in-Iran.html.

прогресса на переговорах с политическим бюро движения в Катаре[10]. Активные действия Саудовской Аравии на этом же направлении стали еще одним фактором, диктующим необходимость налаживания отношений между Ираном и талибами. При этом иранские дипломаты подчеркивают, что они поддерживают контакты с талибами в целях продвижения мирного процесса, имея целью привести талибов за стол переговоров с центральным правительством. По их мнению, талибы должны принимать участие в определении будущего устройства Афганистана, не имея руководящей роли в этом процессе. «Все в регионе понимают, что Афганистан под властью талибов не отвечает интересам безопасности в регионе», – подчеркивает М. Зариф[11].

Однако, по мнению американских СМИ и правительственных СМИ ИРА, контакты Тегерана с талибами не ограничиваются стремлением наладить переговорный процесс в Кабуле. Считается, что Тегеран в ограниченных количествах поставляет оружие и осуществляет военную подготовку талибов. Так, в сентябре 2017 г. Шариф Яфтали, начальник Генерального штаба афганской национальной армии, заявил, что у него есть доказательства того, что Иран поставляет оружие и военное оборудование талибам в западных районах Афганистана[12]. По утверждению британских источников оружие может перебрасываться нелегально на местном уровне по схеме «оружие в обмен на наркотики». Хорошо известна непримиримая позиция Тегерана по борьбе с наркотрафиком. Однако объем наркотрафика через территорию Ирана – а значительная часть афганского опиума и его производных идет в Европу через иранские порты, в частности Бендер Аббас, – не позволяет полностью исключить обвинения выдвигаемые западными СМИ в причастности официальных иранских структур, в частности КСИР, к этим поставкам.

На данном этапе контакты между движением Талибан и Ираном идут как на местном уровне в приграничных провинциях, так и официально на переговорах о будущем устройстве Афганистана. Позиция Тегерана объясняется желанием приспособиться к меняющейся ситуации в Афганистане и пониманием того, какую важную роль талибы играют в формировании внутриполитической парадигмы Афганистана. Поэтому министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф подчеркивает, что представить будущее Ирана без талибов невозможно. При этом, соглашаясь с участием движения в политической жизни Афганистана, Иран стремится не допустить его доминирования в политическом устройстве ИРА.

В заключении представляется возможным утверждать следующее.

Политика Ирана на афганском треке прагматична и взвешена. Тегеран рассматривает все возможные варианты и при любом развитии событий

[10] https://foreignpolicy.com/2019/08/26/how-to-partner-with-the-taliban/?utm_source=PostUp&utm_medium=email&utm_campaign=14712&utm_term=Editor#39; s%20Picks%20OC.

[11] https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-talks-iran/iran-says-taliban-must-have-afghan-role-but-cant-dominate-idUSKCN1P311Z.

[12] https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/190204092658549.html.

будет сохранять влияние на часть политической элиты Афганистана близкой ему по этнокультурному и религиозному принципу: в первую очередь шиитов-хазарейцев и таджиков.

Тегеран рассматривает укрепление экономических и культурных связей с Афганистаном не только для усиления своего влияния, но и в качестве подхода к восстановлению регионального мира, считая, что именно региональные державы должны взять ответственность за восстановление мира в Афганистане.

Тегеран обеспокоен тем, что США отводят центральное место в переговорах об афганском перемирии Саудовской Аравии и Объединенным Арабским Эмиратам и стремится занять свое место в урегулировании афганской проблемы, считая, что у него как у непосредственного соседа больше прав на участие решении афганской проблемы, чем у арабских государств Персидского залива.

Следует учитывать, что с религиозно-идеологической точки зрения и с точки зрения предпочтения политических и региональных союзников движение Талибан ничто не связывает с иранской элитой. Однако на данном этапе обе стороны заинтересованы в мирном сосуществовании друг и с другом и являются ситуативными партнерами.

Санкции, введенные президентом США Д. Трампом после выхода из СВПД, приводят к сокращению финансовых возможностей Ирана, что непосредственным образом ограничивает поддержку проиранских сил в Афганистане как по линии правительственных организаций, так и по линии исламских фондов.

ЛИТЕРАТУРА/References

Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. – М: Институт востоковедения РАН, 2014.

Степанова Е. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе. Пути к миру и безопасности. 2017, № 1(52) Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). Под.редакциейЕ.А.Степановой, сс. 213–237. DOI:10.20542/2307–1494–2017–1–213–237.

Федорова И.Е. Перспективы взаимодействия в треугольнике «Россия–Иран–Индия». Россия и Иран: пять веков сотрудничества. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15. С.359–367.

Федорова И.Е. Влияние глобальных ирегиональных игроков на внешнюю политику ИРИ.Сб. статей Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке ИВ РАН М., 2013, сс.484–492.

Как пытались договориться США и «Талибан». https://www.kommersant.ru/doc/4088513.

*Chesnokova S.V.**

STRUCTURAL CHANGES IN CHINA'S ENERGY SECTOR: TRENDS AND PROJECTIONS

Abstract: China announced the transition to a new stage of development – the construction of an ecological civilization by 2050. The most important role in this endeavor should be played by "new energy" based on renewable energy sources (RES). The article considers the forecasts of energy development and replacement of fossil energy sources with alternative ones**.**

Keywords: renewable energy sources, energy balance, hydropower, solar energy, wind energy, fossil energy sources, forecast, China.

Recently, alternative sources of energy have begun to play a significant role in the global energy balance. Hydropower accounts for more than half of the renewable capacity. Wind and solar power are the next most common sources of energy. One of the leaders in the development of renewable energy sources (RES) is China. In this country, particularly significant shifts in the energy balance are forecasted due to increased use of alternative sources of energy.

Increasing the use of renewable energy sources is one of the ways to address environmental problems that have become urgently evident in China due to the high rate of economic development.

Like most developing countries, China faces two types of environmental problems on its path to economic reform. The first is due to agrarian overpopulation, massive poverty and economically induced environmental damage. The most typical examples of this type of problems are deforestation, dehydration of wetlands and reduction of the area of lakes, plowing of mountain slopes, overgrazing in steppes, etc.

The second type of environmental problem is closely related to industrialization and the increasing use of fossil fuels. These problems have a long history of study in developed countries, and since the 70s of the last century they have been firmly on the international agenda – it is enough to mention the Stockholm Conference of the United Nations Environment Protection in 1972 and the report to the Rome Club "Limits to Growth", published in the same year.

It can be noticed that now China has mainly solved environmental problems related to the mass poverty of the rural population. In the first decade of reforms, the restrictions of birth and migration to the cities, the manufactorization of the village, public environmental protection works (especially mass afforestation), public education, etc. played a positive role. In the sphere of energy consumption, successful solution of the first type of environmental

* *Chesnokova S. V.* – Research associate, Economic Research Department of the IOS RAS.

problems can be rightfully associated with a significant reduction in the use of traditional fuel (firewood, etc.)[1].

As for the second type of problems, in the initial period of market reforms, China had to follow the priority of industrialization over environmental protection. The desire to create a full-scale industry with a powerful heavy industry, and even self-reliance, did not help to solve the problems of environmental protection and resource saving.

China's energy sector has developed in line with general economic trends. The leading role in the country's energy balance has been played and is played by fossil energy sources, especially coal, which accounted for about 66% of the country's energy balance in 2017[2].

In the 10th, 11th and 12th Five-Year Plans (2000–2015), coal and oil were actively promoted as the main fuel for China's economic development. Coal-fired power plants were spoilt by favorable conditions and access to cheap capital, which was encouraged by state companies and local authorities. Industry has been allowed to increase coal consumption without taking into account environmental concerns, and the rapid growth of the transport sector has brought fuel consumption to a situation where two-thirds of oil consumption is imported.

The accelerated build-up of fossil fuels in the energy system, while contributing to economic growth, has caused serious environmental problems.

However, with the rapid changes in China's economy in recent decades, there has come a fairly timely mass awareness of the damage caused by the "dirty" path. The state and society began to gradually turn to energy efficiency and environmental pollution issues.

In addition, the industrial leap has also prepared a rapid consumer revolution. And its component part, as it was in its time and in developed countries, is the ecological revolution.

The energy sector has become the driving force behind environmental change. China today is a recognized leader in the development of so-called "green" or "new" energy, in which renewable energy plays a key role. China is ahead of the world's leading countries in terms of the rate of growth in the use of renewable energy sources.

Today, China accounts for almost half of the world's renewable energy generation capacity growth. In 2017, China produced about 130 GW of solar energy. This is 36 times more than in 2012 and exceeded the government's 2020 target. The Chinese hydropower industry's capacity has increased by 36% since 2012.

So far, the share of renewable energy in the country's energy consumption is relatively small (about 7%) and "green energy" only complements traditional sources. However, growth rates, party directives and forecasts suggest that the

---

[1] Salitzky A., Chesnokova S., Shakhmatov A. China: Powerful start to environmental revolution. Perspectives. Network edition of the Center for Research and analysis of the Foundation for Historic Perspective. 23/03/2015. http://www.perspektivy.info/history/kitaj_moshhnyj_start_ekologicheskoj_revolucii_2015–03–23.htm.

[2] China Renewable Energy Outlook 2018. 29.11. 2018, p. 1.

country's energy mix will shift in favor of renewable energy in the near future (see Figure 1 and Table 1).

Figure 1

Total primary energy demand in PRC (mtce) 1990–2016[3]

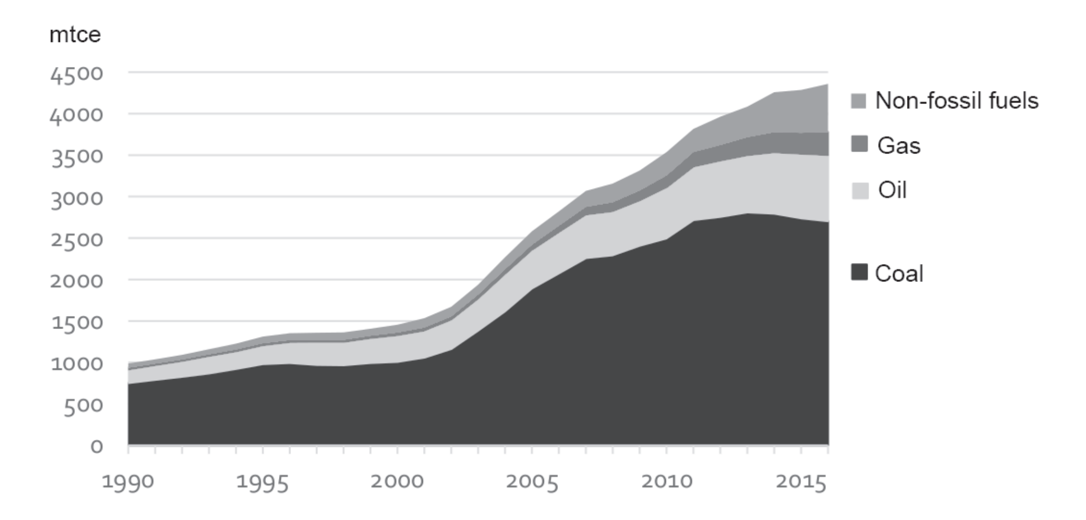

Table 1

Electricity generation by different energy sources 2012–2017 (TVTh)[4]

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Total	4987	5372	5680	5740	6023	6417
Share of renewable energy sources*	19.9%	20.0%	22.7%	24.2%	25.7%	26.4%
Coal	3713	3981	4027	3898	3946	4150
Gas	110	116	133	167	191	205
Oil	6	5	4	4	3	Н/Д
Other fossil fuels	97	119	139	162	191	Н/Д
Nuclear power	98	112	133	171	213	248
Hydropower	856	892	1060	1113	1175	1195
Wind energy	103	138	160	186	241	303
Sular energy	4	8	24	39	67	117
Biomass	30	37	44	53	65	79
Other renewable	0.48	0.28	0.54	0.15	0.12	Н/Д

* Renewable sources of energy include hydropower, wind energy, solar energy and biomass. Biomass includes stover, biogas and wastes.

[3] China Renewable Energy Outlook 2018. 29 November, 2018, p. 1.

[4] China Renewable Energy Outlook 2018. 29 November, 2018, p. 54.

The concept of "Beautiful China"

In October 2017, at the 19th Communist Party of China Congress, Xi Jinping, Chairman of the People's Republic of China, outlined the stages of further modernization of the country. "At the first stage, from 2020 to 2035, we will build up the base of the middle income society and, thanks to 15 more years of hard work, we will generally achieve modernization," said Xi Jinping. At the second stage, explained Xi Jinping, from 2035 to the middle of the XXI century, "the party will work hard for another 15 years to turn China into a rich, powerful, democratic, harmonious, civilized modernized socialist state[5].

At the same time, the leader of the People's Republic of China set the task of "speeding up the transition to an ecological civilization and building a "beautiful China"[6].

Xi Jinping stated that "priority should be given to saving resources, protecting and restoring the natural environment, and to developing spatial architectures, production structures, production methods and lifestyles that can save resources and protect the environment in order to restore the peace, harmony and beauty of nature".

The report of the President of the PRC sets out the following objectives:

1. Stimulate green development. Along with the accelerated creation of a legal framework and policies focused on green production and consumption, it is necessary to create and improve the economic system of green, low-carbon and recycling development.
2. Concentrate efforts on solving acute environmental problems. It is necessary to stand firmly on the position of nationwide participation in the prevention and elimination of pollution at its source, to continue work on the prevention and elimination of atmospheric pollution in order to win the fight for the "blue sky".
3. To strengthen the dynamics of environmental protection. It is necessary to implement the most significant projects on protection and restoration of important ecological systems, optimize the system of ecological protection barrier, create ecological corridors and biodiversity protection network, to improve the quality and sustainability of ecosystems.
4. Reform the environmental monitoring and control system. In order to intensify the overall design, organization and guidance in the field of environmental civilization development, it is necessary to establish bodies for the management of state natural resources assets and monitoring and control of natural ecosystems.

It appears that the advancement of the "Beautiful China" concept marks a new stage in the country's development, in which renewable energy sources will evolve from complementary sources into substitutes over time.

---

5 Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress. http://www.xinhuanet.com/english/special/2017–11/03/c_136725942.htm .

6 Xi underlines perseverance in building beautiful China http://www.xinhuanet.com/english/2019–08/22/c_138329035.htm.

The National Energy Administration of China (NEA), within the framework of the Beautiful China concept, aims to move towards a clean, low-carbon, safe and efficient energy system. The PRC government plans to change the energy mix by reducing coal consumption and increasing the use of clean energy. The restructuring of the industry will require an increase in the use of renewable energy sources (RES) and increased economic efficiency.

Trends and forecasts

Energy Research Institute of China Academy of Macroeconomic Research /China National Development and Reform Commission) has released a report "China Renewable Energy Outlook 2018 (CREO 2018)". It discusses the current problems of the Chinese energy sector and presents forecasts for the development of renewable energy in 2020, 2035 and 2050.

The authors of the forecast believe that by 2050 the Chinese energy sector will correspond to the parameters formulated in the 13th Five-Year Plan and in the concept of environmental civilization, presented at the XIX Party Congress:

- *Clean energy* that minimizes air, water and soil pollution from activities at all stages of the energy supply chain, from mining to waste disposal. This implies a sharp reduction in coal production outside the electricity sector, a reduction in coal production and the efficient use of flue gas treatment in the electricity sector.
- *Low carbon energy*, as a result of the transition from fossil fuels to non-fossil fuels. To reduce CO2 emissions, not only coal but also oil and gas consumption is limited.
- *Safe energy*, which is less dependent on external factors, primarily fuel imports. It follows that the use of oil and natural gas must be reduced, as domestic resources are limited.
- *Efficient energy* with low energy losses and high energy efficiency in end-use sectors. It is also a cost-effective and optimized energy system in which market forces play a crucial role.

The report presents two projection scenarios:

- Stated Policies scenario, which assumes the implementation of the goals and objectives outlined in the 13th Five-Year Plan and the decisions of the XIX CPC Congress;
- Below 2 °C scenario, which adds to the Declared policy scenario strict limits on emissions of harmful substances introduced under the Paris Agreement on Climate[7].

[7] The aim of the 2015 Paris Climate Agreement is to "accelerate the implementation" of the United Nations Framework Convention on Climate Change, in particular to keep global average temperature increases "well below" 2 °C and to "make efforts" to limit temperature increases to 1.5 °C.

Renewable energy sources

In analyzing the transition of China's energy system from fossil sources to renewable energy sources, it is necessary to take into account factors such as resource potential, political priorities, economic and technological factors. This applies to both the main renewable energy sources, wind, solar and hydroelectric power plants, as well as smaller-scale technologies, especially in the areas of fuel storage for transport and energy supply, biomass and tidal energy. The main predictions are as follows:

Hydropower: According to the Stated Policies scenario, by 2050, the capacity of China's hydropower plants, already the largest in the world, will be increased by 70% due to the commissioning of new capacities in Southwest China. Hydropower will essentially reach the limit of its technical and resource potential.

Wind power: Both CREO scenarios predict that wind is becoming the leading source of electricity generation in China. The costs of onshore and offshore wind technology are decreasing and can compete with the costs of building a new coal-fired power plant. The projected scenarios differ mainly in terms of wind resources and the complexity of construction and maintenance:

- Wind energy increases from 328 TWh in 2016 to 1801 TWh in 2030 in the Stated Policies scenario and to 3,336 TWh in the below 2 °C scenario.
- In the Stated Policies scenario, wind power produces 5955 Twh in 2050 and 7612 Twh in the below 2 °C scenario.

Solar energy: In both CREO scenarios, solar energy is growing rapidly, both for power generation and for direct use of solar power, such as heating. The Stated Policies scenario assumes an increase in installed photovoltaic capacity of 1,364 GW by 2035 and 2,034 GW by 2050, for the production of 1858 TWh of electricity in 2035 and 2694 TWh by 2050. The Below 2 °C scenario envisages even faster growth, up to 2000 GW by 2035 and up to 2836 GW by 2050. Heat use of solar energy (e. g. heating) will quadruple by 2050 in the Stated Policies scenario, and seven times in the below 2 °C scenario.

Biomass: According to CREO forecasts, biomass for electricity and fuel production is growing, albeit severely limited by raw material resources and economic considerations. As a result, biomass is the smallest of the three renewable energy sources (solar energy, wind energy, biomass). The energy capacity of biomass will increase from 15 GW in 2017 to 54 GW in 2050 in the Stated Policies scenario and slightly above 57 GW in the Below 2 °C scenario. Under the Stated Policies scenario, by 2050 biomass energy will produce 255 TWh of electricity, mainly from waste and straw incineration at CHP plants. Bioethanol production will grow rapidly in the short term. The growth will be followed by a decrease in its production due to the conversion of part of the transport to electric traction.

Shifts in the energy balance

Both scenarios suggest significant shifts in the energy balance of the country. The most important aspect is a sharp decrease in coal use in the energy sector since 2020 and its replacement by renewable energy sources.

Despite the growth of the country's motorization, it is also expected that the share of oil in the energy balance will decrease. This is due to the expected increase in the share of electric transport in the car fleet.

The role of natural gas differs in the scenarios. In the Below 2 °C scenario, the share of natural gas is at first stable, but by 2050 it falls to a minimum. The Stated Policies scenario assumes a sufficiently high level of natural gas consumption.

Both scenarios provide for a significant increase in the share of renewable energy, especially wind and solar energy. At the same time, these forecast options have different degrees of radicalism. The Below 2 °C scenario is more radical and assumes that the share of renewable energy sources (including hydropower) in energy demand will increase to 57% by 2035, while the Stated Policies scenario is "only" to 39%.

Thus, China has set itself ambitious plans to crowd out fossil fuels and massively replace them with renewable energy sources. It seems that these plans are only at first glance overly ambitious and utopian. Taking into account the experience, speed and depth of Chinese reforms, the possibility of their implementation cannot be ruled out. It is possible to discuss specific figures, but there is less and less doubt that China's energy balance will change significantly in favor of clean energy in the next few decades.

*Grafov Dmitry B.**

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIA'S DETERRENCE OF THE U.S. IN SYRIA AND BEYOND IN TERMS OF DEFENSIVE AND OFFENSIVE REALISM

Abstract: the analysis of the facts of the current Russian policy allows the modern theory of international relations to continue the discussion about which approach is more effective – in the case of offensive or defensive realism? The article is devoted to approach Russia's strategy of countering the US indirectly through the intermediate states. It's concerned with the reasons why Russia decided to engage in the Syrian conflict in 2015 and what are in this perception are the real goals of Russia's policy in the region. These questions cannot be considered out of connection with the total confrontation of Russia with the western countries in Ukraine. The Syrian conflict is only an external deck for Russia in countering the U. S. Russia tests its own power to force the U.S. out of Syria and seeks any opportunity to demonstrate the U.S. how vulnerable they are. There is a triangle of interests of key regional actors – Turkey, Iran and Russia. And all of the triangle's sides oppose the U. S. The rising confrontation with Washington in Syria triggers Moscow to seek a ways how to use other potential rivals of the U.S. as Washington has a lot of tension and conflicts beyond the Middle East. The author's analysis of the actors behavior is based on the "security dilemma" and the "balance of power" approaches. Following a certain scholarly approach it is presumed that Moscow acquires the power via the "low-cost strategies" without the straight projection of power, using any opportunity to balance the U.S. power via the other countries.

Keywords: Russia, Syria, Turkey, U.S., defensive realism, offensive realism, buck passing, balance of power, security dilemma.

There are two branches of Structural realism theory: the offensive and defensive realism. And there is a dispute among the followers of the defensive and the offensive realism about the reliability and efficiency of the different approaches. Despite the international law, the international policy is based on anarchy. And most of the states should decide: to keep status quo or to to head for the power-maximizing to guarantee their own security. The defensive realists argue that the maintaining balance of power is the right way to save status quo and to secure the state [32, p. 126]. The offensive realists state that great powers may secure themselves only through the maximizing of own power [15, p. 21]. The defensive neorealists state that a strong willing of states to balance power (counterbalance and overbalance) against the threatening of power-seeking states may face in turn with the counter measures that jeopardize the very survival of the maximizing power state or forcing it to pay high cost. The excessive concentration of power may be self-defeating when triggering balancing counter moves.

Dmitry B. Grafov – PhD (Political Science), Senior Research Fellow, IOS RAS; e-mail: Graftvc@mail.ru, about author: http://ivran.ru/persons/DmitryGrafov.

The growing confrontation between Russia and the United States makes it possible to compare the effectiveness of the U.S. offensive realism approach and the Russia's approach of defensive realism in the combination with the "buck passing" strategy. When a great power is trying to prevent rivals from the gaining power at expense of its security, it can choose to act by favoring the "buck passing"—transferring the responsibility to act to other states while remaining on the sidelines.

The questions about why Russia decided to be involved in the Syrian conflict in 2015 and what are the real goals of the Russia's policy in this region still remain controversial for the western politicians, as well as for scholars. Four years on, it's clear that the presence of the Russian army in Syria made some of the desirable for Russia results. Moscow reaffirmed its strong position in the international relations, Assad's government is saved, while the options of the modern weapons and the decisiveness of the Russian leadership were demonstrated. But did Russia head for only these goals? Are there any other goals of the Russia's policy? The western policymakers and "think tanks" have their own perceptions of the Russia's policy. They perceive Russia has engaged in a broad, sophisticated, well-resourced and surprisingly effective campaign to expand its global reach. These objectives include, first and foremost, the undermining of the U.S. positions as a leader of the liberal international order and the cohesion of the West, promoting the specific Russian military and energy interests, pushing back the United States from the areas of traditional U.S. influence [8]. Firstly, the western analysts address the issue of cost to the U.S. interests of Russia's efforts to gain geopolitical and economic goals beyond its neighborhood? And secondly, what are Russia's costs of these efforts, which may exceed the benefits that Moscow hopes to receive?[28]

Syrian field of countering the United States

The first puzzle looked like Russia was bombing Idlib and talking about a peaceful settlement, and at the same time was forcing a rebels from the de-escalation zones, including Aleppo, Eastern Ghouta and Deraa. There are two reasons for this hammering policy: 1) threatening the opposition to force it to conclude a deal with the Syrian government; 2) sweaping any opposition to President Assad as a long term goal. The deal of Syria's de-escalation zones was signed by Turkey, Russia and Iran, it calls to end to hostilities between the rebels (but not terrorists) and government forces in four regions in 2017 [16]. It's clear now that the Russian policy had a goal to cease fighting on one frontier to transfer forces to others ones and to defeat enemies one by one. The Syrian Arab army (SAA) does not have the necessary resources to fight on all fronters at the same time. The four de-escalation areas were established: the Idlib province and the certain parts of the neighbouring provinces (Latakia, Hama and Aleppo provinces); the certain parts in the north of Homs province; Eastern Ghouta; Deraa and Al-Quneitra provinces.

There's only one zone one year later. Helping the Syrian army to free one rebels zone after another, Russia states that the rebel groups include al-Qaeda or IS-linked fighters. And there is no "de-escalation" with terrorists. The Idlib province is the last zone. Russian jets have stopped hammering the Idlib province when the leaders of Russia, Iran and Turkey have agreed to meet for talks about the future of the last de-escalation zone.

The second puzzle. The turkish President R.T. Erdogan strongly opposes an advance on the rebels in Idlib. As the results of Putin's talks with him a new demilitarized zone was established. Russia and Turkey have agreed to create a demilitarized zone along the contact line between the armed opposition and the government troops, with the withdrawal from there of the radically-minded rebels. This is not the same as de-escalation zone [3]. It should be admitted that in this point Russia has to change the previous policy and find new ways to eliminate the Syrian rebels. But it cannot be excluded that Moscow and Ankara could make a new deal in order not to allow the armed opposition groups to stay where they are in the Idlib province. For Turkey the deal about Idlib is connected with a desire to clear Manbij from their own kind of 'terrorists' [22] – YPG, YPJ Kurds organizations that are the part of the Syrian Democratic Forces (SDF) supported by the U.S. This is a field of cooperation with Moscow and Ankara. On one hand, Idlib was never a top priority for Ankara, because the fighting with Kurds is superior goal. Moreover the further attempts to protect Idlib from Asad's power have a risk of rising tensions with Russia. On other hand, taking under the control the Kurdish-held territory at the east of the Euphrates and along the Turkey-Syria border is not a superior goal for Asad's government. There is a room for deal and Russia may conclude it.

The third puzzle is a key puzzle looks like an opportunity for Russia to use the contradictions between Turkey and the United States regarding the Kurds. In Erdogan's view, all Kurds are terrorists and Turkey has ambitions to gain full control over the north-eastern Syria. In this perspective, Moscow will need to prevent the confrontation between Ankara and Damascus about Idlib and the northern part of Syria because there are territorial claims between them. The Erdogan's policy is a kind of domestic interests motivated policy, which aims to present him as a leader of the Ottoman world and a modern leader of the Islamic world. It was important for him to save the face. He could not seem weak and could not yield to Russia in the eyes of the domestic public opinion. He considered turkish-speaking syrian Turkomans to be under the security umbrella of Ankara. Ankara did not agree that Idlib and other territories were cut off from Turkey after the collapse of the Ottoman Empire. Erdogan stated Turkey's right to protect Idlib's habitants from the Syrian "massacre government".

In turn, Syrian Foreign Minister Walid Muallem stated that the Turkish-controlled Iskenderun province was Syrian territory, and the Syrian government is ready to return it under its own sovereignty [20][21]. Meanwhile the defeat of the Kurds is a key goal of the Erdogan's domestic policy and for that he is ready even for the confrontation with the United States. This is evidenced by

a tough phone conversation in early 2018, when President Trump urged Turkey to exercise caution in Afrin, Syria, and to avoid any actions that may lead to a conflict between Turkish and American forces [33]. Trump also expressed a concern about the destructive and false rhetoric coming from Turkey, and also about Americans and local employees detained in Turkey under false accusations.

According to the Western analysis, the Russian mission in Syria is there not only to protect Assad's government, but it also has a clear goal to put pressure on the U.S. indirectly, through third countries.

After the deal with Turkey about Idlib

The Western States consider that Russia holds the same position as the Assad's government and Iran. But it is not true. The goal of Assad's government is to survive at any cost. At the same time there is a triangle of interests of three key players: 1. Turkey, 2. Iran, 3. Russia.

Turkey is valuable for Russia as a situational partner. The deal about Idlib demonstrates that Moscow prefers to make concessions to Ankara. The deterioration in relations with Ankara will have unacceptable consequences. The supply of the Khmeimim Russian Air Base in Syria is highly dependent on the supplies through the straits in the Black Sea. Also, Turkey at any time can improve relations with the United States as easily, as Ankara and Moscow have turned from war to peace in 2016. On the one hand, Russia has no means to force Turkey to comply with the Treaty on the Straits of Montreux. On the other hand Turkey has a right to block the straits if its own security is threatened. Russia has to avoid the confrontation with Turkey. The most difficult task for Russia is pushing the Turkey out from the Northern Syria. According to the Russian scenario, it should be made without a conflict. The rough expulsion by force may hurt the next stage of interaction – to break the alliance of Kurds and the United States, and put to the end the American presence on the borders of Turkey and Syria. But at the end of 2018 President Trump decided to withdraw American forces from Syria after the talks with the President Erdogan. Preliminary Trump was supposed to tell Erdogan to back off on his repeated threats to attack the Kurdish-led Syrian Democratic Forces (SDF), the America's main partner in Syria. But he failed to force Turkey to agree to de-escalation and limitation of military actions against the Kurds.

Trump chose to withdraw forces from Syria and not to jeopardize Turkey's membership in NATO. He didn't do that yet and it seems Trump is willing to get some concessions from Erdogan (the refusal to purchase S-400 anti-aircraft missile systems from Russia), but the Russia's goal is achieved. Moscow considers Ankara as a valuable tool of countering the U.S. in Syria. Russia is not interested in the confrontation with the US directly, and hopes that Turkey do that. This is the "buck-passing" strategy in the way Mearsheimer talks about it [15, 158–160]. The expulsion of the U.S. from Syria is in the common interests of Turkey, Russia, Iran and President Assad. And each of the state has their own reason to push

the American policy to fail at any point. This creates a field of buck-passing. The Kurdish ground was a soil for the U.S. operations. Now the Kurds are closer to the official Damascus. The withdrawal of U.S. troops is likely to be viewed as a betrayal of America's Kurdish allies, and this betrayal opens a way for cooperation between the Assad's government and Kurds against Turkey.

Earlier the Kurds were partners of Assad in fighting radical islamists, but the tension between allies raised in the dispute over oil-rich territory. Moreover, the Kurdish troops are not Russia's enemies, but after they have chosen the U.S. as an ally the Russian troops feel themselves on the other side of the frontier. Iran has a problem with the Kurds in its territory as well. But the main goal of the Russian defensive approach has been achieved – i. e. attempts to push Turkey against the U.S. have succeeded.

The next Russia's short-term goal is to restore the power of Assad's government over all the Syrian territory. It should be done without the confrontation with Turkey that demonstrates strong support for the rebels in the north of Syria and isn't going to seem a betrayal. Sweeping away the Syrian opposition at all is not a right decision for Russia. In Idlib province, most likely, Russia will repeat the scenario of dividing the opposition into two parts. Troops of islamic terrorists and joined with them will be destroyed, moderate part will again be offered negotiations. Moscow seeks ways to force opposition (or part of the opposition) to agree with the smart plan of legitimizing the Assad's rule under the new constitution to be drafted by a Constitutional Committee.

On the one hand, a Constitutional Committee is needed to prepare the constitutional reform in accordance with UN Security Council Resolution 2254. On the other hand, Russia works on the formation of the Syrian Constitutional Committee in its own interests. The Talks with the Syrian opposition began in Geneva. But then Moscow has organized the Syrian National Dialogue Congress in Sochi. Russia continues attempts to reconcile the opposition in the Astana format [13]. The goal of Russian policy is to force Syrian opposition to collaborate in the Constitutional Committee. Because the formation of the Constitutional Committee without an opposition is impossible. The answer to the question of how Moscow is going to achieve this can be found in the proposal to include representatives of the Syrian civil society in the Constitutional Committee. This "third party" of the deal should act as an ally of Assad. Those, who will agree to collaborate with Moscow and Damascus, may be rewarded with the top positions in the new Syrian government. The rule of Assad will not be threatened if the leaders of opposition get "chairs" without the power. As a results Moscow and Damascus will appear as peacemakers and adherents of democracy. There is no doubt that part of the opposition may agree to play this game. They have a choice to be demolished or to believe that Assad will give them something on the advice of Russia. This plan may be considered as more tricky than smart, because it doesn't eliminate the possibility of new setbacks in future. If it succeeds, Russia will celebrate another success in countering the U.S.

Long-term goals

The Russian policy in Syria is analyzed in the broad context of the Russian-American deterrence. It has many points, Syria is only one of them. The Russia's entry into Syrian conflict on Assad's side in 2015 was a reaction to the isolation of Russia after the reunification with Crimea. In fact, it seems weird. What is the reason for Mocsow to start the new military operation, when the conflict with Ukraine at domestic borders is not resolved? The case of Crimea and the case of Syria should be considered in connection with an the attempts of Moscow to search for ways to deter the expanding of NATO that began in 1997. Moving the borders of NATO to the East didn't help to solidify democratic and market reforms in Russia and did not help to strengthen the united Europe. Instead, Russia has been pursuing the policy based on the conviction that the post-cold war order in Europe is an expansion of the area of American interests, it's certainly challenging Russia and has nothing to do with keeping peace. But this is a kind of deterrence in the democratic theory that did not work in the case of Russia. The democratic theory argues that democratic values always prevail over the national interests, the democratic states are not bothered by security dilemma, and the Western policy makers believe that Russia wouldn't oppose the United States and its allies after the Cold war. But even a small democratic Serbia does not want to sacrifice its national interests and continues to resist the Western countries. Russia challenges the West much more. The supporter of defensive realism Kenneth N. Waltz even mocked the thesis of the theory of democratic deterrence that democracies do not fight democracies [31, 10]. The Russian's position after the reunification with Crimea this does not appear as a solution of the security dilemma[1]. Russia doesn't want to be challenged, but can't find the way to secure its borders and interests without raising a new batch of countering measures against the Western powers.

What happens after the reunification with Crimea from the Western point of view?

The United States Senate Committee of Foreign Relations has published a report of Russian's asymmetric assault measures and implications for U.S. national security [24]. Senators tend to picture Russia's policy as an assault on a democracy and liberal order over the world but in the geopolitical view they consider Russia's measures as a hybrid war against the U.S. interests. The policy of Russia is named a hybrid war with asymmetric threats. The US politicians are irritated by the Russia's activity in cyber, media and energy space. They also suspect Russia's government in the attempts to break unity of NATO's allies through the impact on the domestic policy. All that should be recognized as the indirect threat, a kind of soft or smart power. And, of course, the U.S. imposed sanctions against Russia in retaliation for its support of the President Assad.

---

[1] John Herz stated that the security dilemma is 'A structural notion in which the self-help attempts of states to look after their security needs tend, regardless of intention, to lead to rising insecurity for others as each interprets its own measures as defensive and measures of others as potentially threatening' [9, 157].

But what does all this mean in terms of defensive and offensive realism? Russia opposes the U.S. indirectly, the hybrid asymmetric steps are a kind of defensive strategy. Settling the Russia's military base in Syria and the help for Assad on the battlefield was also a creation of a new position by balancing the power with Washington. Four years after the reunification with Crimea the Russia's position is improved. The conflict with Ukraine has moved to the second line in the media's coverage. It seems to be semi-frozen. In the Syrian conflict Russia presents itself as a fighter against the islamic terrorism on the world stage, and as a mediator of the Syrian crisis settlement.

The flexible policy of Russia in the region has resulted in the improvement of relations with Turkey. In late 2017 the Turkish and Russian officials have signed an agreement for a guaranteed delivery of 2.5 billion US$ worth of S-400 'Triumf' anti-aircraft weapon system [25]. This irritated the U.S. [26]. Turkey has received threats for the surface-to-air S-400 missile deal. The White House has warned the Turkey's officials over for the consequences they will face, if they refuse to abandon the purchase of the S-400 anti-aircraft missile systems from Russia.

Meanwhile, the deterioration of the Turkish-American relations is in the Russia's interests. Moscow has no illusions about the sustainable alliance with Ankara in long-term perspective. But on the one hand, Turkey is a valuable market for Russia in the perspective of tightening of the anti-Russian sanctions. On the other hand, the rift between one of the NATO members and the leader of Alliance may led to the weakening of NATO. This is one of the desirable goals of Russia's balancing power policy. Moreover, the disagreement of Brussels with Washington's plan to apply new anti-Iran sanctions opens new perspectives of the deterioration of the U.S.-NATO relations.

The interests of Tehran and Moscow in the Syrian conflict are very close. But not only in Syria. The U.S. President Trump decision to withdraw from the Joint Comprehensive Plan of Action (the Paris Agreement or the Iran Nuclear Agreement) was the other remarkable event that changed the geopolitical situation. This opens the next chapter of the U.S.-Iran confrontation. Iran threatens to block the Strait of Hormuz if sanctions stop the oil export. The U.S. promise to ensure freedom of navigation by force. At the same time, the Iran's influence in Iraq is growing, and Iraq is a new field of the standoff. Russia still follows the restrictions on the supply of arms to Iran, which are part of the Joint Comprehensive Plan of Action. That means that for each trade deal involving arms supplies Iran needs to obtain a case-by-case approval from the UNSC.But should Moscow do this while Washington has withdrawn from the deal? This new situation creates a leverage for rebalancing power in a the favor of Russia.

Rebalancing the power beyond Syria

Russia considers the Syrian conflict as an external deck for countering the U.S. It's better to do this in the Middle East than in Ukraine, near the Russia's borders. The engagement in the Syrian crisis gives Moscow a possibility to act together with

other states opposing to the U.S. interests. This is a defensive realism strategy to strengthen the opponents of the U.S. and give them a possibility to act first.

J. Mearsheimer, pointing out the differences between the offensive and defensive realism, claims the states acting as defensive realist look for the opportunities to alter the balance of power by acquiring additional increments of power at the expense of potential rivals [15, 28–34]. The U.S. acts as offensive realist vs Russia that chooses the defensive realism strategy. The defensive neorealists note that the powerful states gaining excessive concentration of power in the international system are acting self-defeating, triggering the balancing countermoves [34, 177].

A new era in the confrontation between the U.S. and Russia, which began after the reunification of Crimea, gives some answers to the dispute of supporters of the theories of deterrence, the offensive and defensive realism. The American "think tanks" have no doubts that both countries continue the permanent confrontation, strategic competition with the far-reaching global implications. With regards to the security and prosperity, Russia has long been preoccupied with the challenge of securing against the external foes, and has taken refuge in the strategic depth. It's inevitable that Russia will push borders outward as far as possible from the Russian heartland and will limit the foreign influences inside the Russian-controlled territory [7].

Following defensive realism strategy, Russia may use not only Turkey or Iran. The rising confrontation with Washington on the Syrian field (the new possible strike of cruise missiles to Syrian bases or threats to retaliate the Russian Air forces) triggers Moscow to seek way how to use other potential rivals of the U.S. Washington has a lot of hotbeds of tension and conflicts beyond the Middle East. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V. Putin on 30 November 2016) in respect of the U.S. declares the right to respond firmly to the hostile actions, including the bolstering of national defence and taking the retaliatory or asymmetrical measures [18].

The U.S. has conflicts with North Korea and China (the trade war and the South-Chinese Sea dispute). There is also an emerging conflict with Pakistan on the ground of the settlement of the Afghan crisis. And it is no accident that Moscow is taking some significant steps, demonstrating the presence close to these hotbeds of the tension. For a long time, it seemed that Moscow was keeping its distance from Pyongyang. But on the 8th of September, 2018, a special envoy of Putin's – head of the upper house of Russia's Parliament, V. Matviyenko – visited the North Korean leader Kim Jong-un and gave him a letter from President Putin [29]. Kim Jong-un confirmed his readiness to develop a relationship and payed an official visit to Russia on April 23, 2019 two months after a failed summit meeting with President Trump. Russia has called on lifting the sanctions from North Korea and stressed that Pyongyang would not give up the nuclear weapons until the sanctions are lifted. This demand contradicts the U.S. approach. It was remarkable that a few days later Kim Jong-un visit to Moscow North Korea

released photographs of tested missile look remarkably like those of a Russian-produced Iskander.

Another example is Russia's rapprochement with Pakistan. On the 20-th February 2018 the Russia's foreign minister at a meeting with his Pakistan's counterpart has defended the armed opposition in Afghanistan from the U.S. It's unbelievable statement: 'The Afghanistan strategy, that was recently presented by the U.S. administration, focuses on the need to increase the use of force and military pressure on the armed opposition, although it is clear to Moscow and Islamabad … that it is leading to nowhere.' Lavrov has also pointed out that Mi-35M combat-transport helicopters were 'transferred to our partners' in Pakistan, and stressed that Islamabad joined the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) as a full member, and then joined the SCO Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) [14]. As a result of Russia's counterbalancing power in Afghanistan, according to some American experts, the U.S. found that it is better to negotiate with Taliban about US-withdrawal [5].

Back to the Middle East it should be recognized that some extraordinary events in Iraq may have great consequences. In 2018 there have been attacks on the U.S. embassy in the Iraqi capital Baghdad for the first time in several years. Rockets were fired at the U.S. Consulate in Basra. The White House has warned Iran that it will 'respond swiftly and decisively' [27]. Washington has no doubts that attacks were organized by the Iranian proxies. This demonstrates unsustainable position of the U.S. in Iraq. And there are a lot of players around Iraq – Russia, Turkey, Iran – that are willing to force the U.S. out of Iraq.

The main conclusion is that Russia tries to increase its own power and seeks for any opportunity to demonstrate the U.S. how vulnerable they are. Moscow acquires the power via the 'low-cost strategies' step by step. After 20 years of implementation of deterrence policy against Russia it is obvious where it leads. Does this policy work or not? This question was discussed by Mearsheimer and he compared the deterrence theory with the offensive and defensive realism. According to him the deterrence approach is unreliable. It's more of a tactic than a strategy. It works for such small countries, such as Serbia. The benefits of incorporation into the common market, the common liberal values and a democratic system opened for the influence, keep the states from confronting the Western superpowers. However, big countries behave in a different.

It is obvious that Russia was faced with the the choice: to agree to the rules established by the U.S. or to pay the high price for rejection. The deterioration of relations with Western countries, the isolation from Western markets by the sanctions, abandoning of common values are not the unacceptable price for Russia. Iran has made a similar choice. China is challenging the U.S. in the South China sea, refusing to surrender in a trade war demonstrates that it isn't going to yield to the U.S. demands at the expense of its sovereignty and to fulfill the American demands that might save the Chinese benefits on the global market. Beijing isn't ready to exchange its own security for something, which looks like a carrot, according to deterrence theory. There is no doubt that the policy of carrot

and stick has irreversibility of concessions and some negative consequences for some goats who were treated. The states that have exchanged its own security for a carrot couldn't return the security back. Moreover, there are other states that have a stick and can take the carrot away. Turkey, being American ally, isn't ready to exchange its own security and ambition to be recognized as a local superpower for the benefits of cooperation whith the U.S.

Having committed to the defensive realism, Russia didn't yet change the U.S. offensive behavior. The offensive and defensive realism may be seen as the different sides of one coin. The U.S. policy proves this. And America's NATO allies, such as the Baltic States, are used in the strategy of countering Russia. The key problem for Russia is the conflict with Ukraine that is applied by the U.S. to deter the Russian power following the strategy of buck-passing. The U.S. uses Ukraine against Russia. Both strategies – the offensive or defensive realism – pursuit the power by different ways. It's useful to recall that USSR have pursued a policy of the defensive realism and got some concessions from the United States. So, the discussion about which theory is more reliable should get outcomes only with the connection with the costs of both strategies. These costs should be considered in relation with the resources of states. The Great powers have far more resources than the smaller states. The Defensive realism may be the optimal strategy for the smaller states, because the offensive realism policy will lead to the unacceptable costs.

Indirect defensive realism approach

Usually the confrontation between two states is considered in terms of defensive and offensive realism. Russia uses the defensive approach against the U.S. but prefers not to use a primitive direct support of American adversarials. The direct support of adversarials is a classic deterrence tool, but may trigger the "security dilemma spiral" [10][11]. Russia does not wish the U.S. to respond as it illustrated in Fig. 1. Russia is willing to create (or to find) the sensitive point of the U.S. interests and to demonstrate the U.S. that there are two options. Russia may engage in the dispute and may not to do that, may harm the U.S. interests or may help the U.S. (as it happened in early 2000 in Afghanistan). It depends on the American actions at the other fields. The defensive realism approach of Russia is to offer the U.S. the choice: to increase own vulnerability or to ease, to get ("to switch on") the additional threat or not to face that. Moscow offers "to switch the on\off" option. But it's in Russia's interest to do this not directly, but through the intermediate state. The best example is Russia's nowadays cooperation with Pakistan in the Afghan conflict, that irritates the U.S. (Fig. 2). The kind of this is Russia's countering the U.S. in Syria through Turkey as the intermediate state. Russia supplies Turkey with S-400 air defense system. This makes the United States angry. And they refuse to supply Turkey with the F-35 fighters [12].

This may be indicated as the indirect defensive realism. The strategy of the simultaneous game on several boards means the interdependence of moves. The

opponent should feel himself like being stuck in a glue. If the U.S. don't honor Russia's interests on some boards, the new point of American weakness will be found and a new trouble for the U.S. will be created. There are two conflicts in which Moscow didn't yet interfere ('switched off' the threat). The first is the Iran-U.S. standoff. The US standoff with the North Korea is the second one. It is more reasonable to hold the position before the 'switch on'. If Russia 'switches on' a threat first, it will be a little bit hard defensive realism, not so smooth. But all options are on the table. The most valuable engagement of Russia may be in the Chinese-US conflict over the islands in the South-China sea. But Moscow tries to escape the direct opposing of the U.S.

If the defensive realism approach doesn't work, Russia is ready to face the scenario like the Caribbean crisis between USSR and the U.S. Once this a wild card in the pocket has worked. Another scenario is to revive the Russia – U.S. standoff in Europe before the signing of the arms control agreement – The Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty – in 1987. President D. Trump has confirmed the U.S. will leave an the arms control treaty with Russia dated from the Cold war that has kept the nuclear missiles out of Europe [2]. Considering the possibility of nuclear war and insisting that retaliation is inevitable, the Russia's president V. Putin made a symbolic joke: 'We would be victims of an aggression and would get to heaven as martyrs while those who initiated the aggression would just die and not even have time to repent' [1]. However, the times when the world stability was based on a bipolar system during the Cold war are gone. Now there are one superpower and two semi-superpowers – Russia and China. So, the probability of clashes between the United States and Russia will depend on the activity of the offensive and defensive policies of each State. This can be expressed in Fig. 3.

The ratio of losses and benefits also affects the probability of clashes (Fig.4). The "positive" side of nuclear weapons is a high cost of win. The price of one super power defeating another in a clash is unacceptable. As R. Jervis established [10], there are four types of security dilemma. The types are different combinations of the ability to divide the offensive and defensive weapons with the degree of the offensive or defensive strategy benefits. The Russian-American type of security dilemma is one of the most toughest. Russia considers all American weapons as offensive, but the United States do not agree. In line with the Jervis's approach the U.S. seems to believe the offensive strategy is better than the defensive one, but Russia believes the opposite.

Offensive or defensive realism: what may change state's behavior?

It's undisputable that the offensive or defensive realism gives only effective approach but not a guarantee to win. So, the next question put by international experts is which American policy may change the behavior of Russia in the direction desired by the U.S.?

There were attempts to determine what structural characteristics lead to the offense or defense dominance. The rate of technological advances, geography,

diplomatic and military factors, social and political order were considered among the other factors, that affect the choice between the defensive or offensive strategy [4]. But there is an important question to what consequences in military, economic, social spheres the choice of offensive or defensive approach may lead? What are the costs and benefits of the competitive behavior?

Changing the behavior of State on the international stage may have consequences not only in the foreign policy (F). All steps in the offensive or defensive strategy will have results that can be evaluated also in the domestic policy (I), defense and security (D), economy (E) [6, 35]. The consequences for Russia defending the position taken in scenario of confrontation with the U.S. by the defensive realism approach may be expressed by the equation:

```
QRu = F(+\-) + I(+) + D(+\-) + E(-\-)
```

Probably the rise of stake in the confrontation through the third countries does not guarantee a better position and can lead to both negative and positive consequences in the foreign policy, so F(+\–). The effects of competitive behavior will undoubtedly be positive for the domestic policy. The largest part of Russian society is shaped of patriotic believes and dreams of power rising. So, the evaluation is I(+). The impact on the defense and security also does not guarantee a shift to the better position at first step. Thus, D(+\–). But main negative consequences will occur in the economy. Sanctions will be strengthened. It's undisputable E(–\–).

What consequences Russia will face in the case of the acquiescence policy? Lowering the confrontation will definitely not improve the Russian foreign policy position. This will only encourage the U.S. to demand new concessions. So, F(–\–). Any concessions will impact on the domestic situation in a negative way. It will remind about the weakness of Russia in the 90s. Thus, I(–\–). There is no doubt that the reduction of confrontation with the United States will not strengthen the Russia's security. Perhaps only at the first moment. Washington will demand new concessions, for example regarding the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty, as is it happening now. The return of Crimea back to Ukraine will also weaken the Russia's security. Therefore, it should be recognized as D(–\–). The consequences of reducing the tensions in the confrontation with the United States for the economy will be positive in the short term, but in the long term the U.S. will try to limit Russia's revenues from oil and gas, as well as access to the technologies and investments, on which the Russian defense potential is based. So, the consequences will be mixed as E(+\–).

The behavior of a state may change if the sum of benefits and costs of reducing the confrontation will be greater than those of the continuing confrontation.

```
Qreduc.conf. / Qcontin.conf. > 1
```

Otherwise, the competitive behavior will continue. Even a rough estimate of costs and benefits shows that there is no sense for Russia to make concessions to the United States. But Russia is not interested in the military confrontation, and is interested in the negotiations, because it is beneficial for the national economy. At the same time, the Washington's policy will have costs and benefits too. The Russia's goal is to make the costs for the U.S. too large for the benefits achieved, but to keep the own costs at the acceptable level. This is the costs and benefits ratio that triggers the change of policy.

Emerging power distribution shifts in 2019

Meanwhile, since the beginning of 2019, Russia and the United States are on the edge of a new stage of the mutual offensive deterrence. President Putin openly stated that after the beginning of the U.S. withdrawal from the INF Treaty, Russia is beginning to develop new long-range ground-based cruise missiles and new ballistic (quasi-ballistic hypersonic) medium-range missiles. But he stressed that Russia's medium-and shorter-range missiles will not be placed in Europe and other parts of the world until the U.S. would not place such weapons there [19].

The 1987 INF Treaty was a clear win for the U.S. in the competition with the decrepit and weakening USSR, that tried to change its foreign policy to reconcile with the West and stop the arms race, because of the problems in its own economy. In accordance with the Treaty, the USSR destroyed 1,846 missiles at 117 sites, the U.S. – 846 missiles at 31 sites [30]. The INF Treaty prohibited the ground-based missiles only. Most of the Soviet missiles were ground-based ballistic missiles, but most of the U.S. medium-range missiles were sea-and air-based cruise missiles. As a result of the implementation of the Treaty in 1991, the United States had a lot of cruise missiles on the ships, submarines and bombers, but the Soviet Union did not have any medium-range and shorter-range missiles.

By 2015, however, Russia developed "Caliber"-type medium-range cruise missiles, a large number of which were deployed on the ships and submarines without violating the INF Treaty. Moreover, in 2018 the quasi-ballistic missile x-47M2 "Dagger" was adapted so it could be launched from the MiG-31 heavy fighter. The total has range increased to 3,500 kms. It was a clear sign for the United States that in a few years Russia will be able to eliminate the advantage of the United States in the medium-range cruise missiles. After that the U.S. used a formal pretext to accuse Russia of violating the INF Treaty, because there is no point for Washington to follow the Treaty any further.

Apparently, this is a turning point when the Russia's countering of the United States has been applied indirectly only. The U.S. officials understand that and want to forestall it. Once the INF Treaty lapses, only one New Strategic Arms Reduction Treaty (New START) will constrain U.S. and Russian nuclear forces up to 2021. It is highly likely the United States will not extend the New START Treaty on the same terms after its expiring in 2021. D. Trump criticized New START as a bad Obama deal. There are a lot of politicians in Washington that opposed

New START, in part because the Treaty entailed equal limits for the United States and Russia. In 2002 Washington insisted on the treaty model, which limited the deployed warheads, but not the missiles and bombers. Now Moscow is not going to accept an agreement that left missiles and bombers unconstrained, especially when the United States has a numerical advantage [23].

The non extension of New START will demise the nuclear strategic balance and may lead to a new Cuban Missile Crisis of 1962. But there is no necessity for Russia to deploy the missiles in Cuba or Venezuela in the new era of the naval technological capabilities. In order to create a new threat to the United States it is enough to have a naval base near the United States and a lot of small cheap corvettes or submarines with the cruise missiles of medium range. Speaking about new Russia's naval missile systems President V. Putin recognized that strikes may be conducted against those territories, where decision centers are located and also include targets on the American soil [17]. Russia demonstrates ability to produce such naval weapons. The United States is very vulnerable from the sea, just as Russia is vulnerable to a hypothetical missile attack from the territory of Ukraine and other Russia's neighbors. The history proves that the offensive strategy of one super power against the offensive strategy of another comparative power leads to the negotiating table keeping in mind the meaningless of war.

References

1. Aldersley Miranda. Putin says Russians will 'go to Heaven as martyrs' in the event of a nuclear war as he would only use its atomic arsenal in retaliation to incoming missiles, *The Daily Mail,* 2018, 18 October (https://www.dailymail.co.uk/news/article-6292049/Putin-says-Russians-Heaven-martyrs-event-nuclear-war.html).
2. Borger Julian, Martin Pengelly. Trump says US will withdraw from nuclear arms treaty with Russia. *The Guardian*, 20 October 2018 (https://www.theguardian.com/world/2018/oct/20/trump-us-nuclear-arms-treaty-russia).
3. Erdogan R.T. We agreed to create a demilitarized zone in Idlib, Office of the President Recep Tayyip Erdoğan's. 2018, 17 September (https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/98621/-we-agreed-to-create-a-demilitarized-zone-in-idlib-).
4. Evera Stephen Van. Offense, Defense, and the Causes of War, *International Security*. 1998 (Spring), pp. 5–43.
5. Felbab-Brown Vanda. The US-Taliban negotiations breakthrough: What it means and what lies ahead, 2019, The Brookings Institution. January 29. (https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/01/29/the-us-taliban-negotiations-breakthrough-what-it-means-and-what-lies-ahead).

6. Grafov Dmitry. The impact of South China sea territorial dispute on U.S. – China relations. USA and Canada: economy, politics, culture. 2018, No. 9 (585), September, Pp. 24–39.
7. Graham Jr. Thomas. U.S.-Russian Relations in a New Era.The National interest. 2019, January6.https://nationalinterest.org/feature/us-russian-relations-new-era-40637
8. Hanson Brian, Strobe Talbott (2018) Putin's Russia and its Relationship with the West. The Chicago Council on Global Affairs. June 7. https://www.thechicagocouncil.org/blog/global-insight/deep-dish-putins-russia-and-its-relationship-west
9. Herz Hans John. Idealist Internationalism and the Security Dilemma, *World Politics*, Cambridge University Press, 1950, vol. 2, no. 2: 171–201, p. 157.
10. Jervis Robert. Cooperation under the Security Dilemma, *World Politics,* 1978, vol. 30, no. 2, pp. 167–174.
11. Jervis Robert. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978, pp. 58–113.
12. Hurriyet. Ankara slams US Senate decision to block F-35 sales to Turkey. *Hurriyet Daily News*, 2018, 19 June (http://www.hurriyetdailynews.com/us-senate-approves-bill-prohibiting-f-35-sales-to-turkey-133475).
13. Lavrov. Russia's Foreign Minister Sergey Lavrov's interview with DPA German Press Agency, Moscow, 2018, 13 September (http://www.mid.ru/en/web/guest/maps/de/-/asset_publisher/Ho2VLi5PHLYX/content/id/3342589).
14. Lavrov. Russia's Foreign Minister Sergey Lavrov, s remarks and answers to questions during a joint news conference following talks with Foreign Minister of the Islamic Republic of Pakistan Khawaja Muhammad Asif, Moscow, 2018, 20 February (http://www.mid.ru/en/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3086927).
15. Mearsheimer Joseph John. *The tragedy of great power politics.* 2001. New York: W.W. Norton & Company.
16. Memorandum on the creation of de-escalation areas in the Syrian Arab Republic. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2017, 6 May (http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2746041).
17. Message From The President To The Federal Assembly. http://duma.gov.ru/news/29857/
18. MID. Foreign Policy Concept of the Russian Federation approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on 30 November 2016 (http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248).

19. MID. Deputy Foreign Minister Sergey Ryabkov's opening remarks at a news conference at Rossiya Segodnya International Information Agency, 2019, February 7 (http://www.mid.ru/en/web/guest/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/-/asset_publisher/ckorjLVIkS61/content/id/3503217).

20. Muallem. Syrian Foreign Minister vows to liberate Iskenderun (Hatay) province from Turkey, 2018, 31 August, Lousavor Avedis (http://lousavor-avedis.org/?p=7462).

21. Muallem's Walid Syrian Foreign Minister claim (https://www.youtube.com/watch?v=dSQLxWCt9y8).

22. Office of the President Recep Tayyip Erdoğan. The international community should fulfill its responsibilities regarding the solution of the Syrian issue. 2018, 20 September (https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/98660/nsc-convenes-at-the-presidential-complex).

23. Pifer Steven. After INF, is New START next to go? The Brookings Institution. 2018, October 29, https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/10/29/after-inf-is-new-start-next-to-go/.

24. Report of The United States Senate Committee on Foreign Relations. Putin's asymmetric assault on democracy in Russia and Europe: implications for U.S. national security. 2018, January 10. https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/FinalRR.pdf

25. Reuters. Turkey, Russia sign deal on supply of S-400 missiles, *Reuters*, 2017, 29 December (https://www.reuters.com/article/us-russia-turkey-missiles/turkey-russia-sign-deal-on-supply-of-s-400-missiles-idUSKBN1EN0T5).

26. Reuters. Pompeo presses Turkey on S-400 missiles purchase from Russia, *Reuters*, 2018, 27 April (https://www.reuters.com/article/us-nato-foreign-usa-turkey/pompeo-presses-turkey-on-s-400-missiles-purchase-from-russia-idUSKBN1HY2A6).

27. Statement by the Press Secretary of White House, 2018, 11 September (https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-press-secretary-33/).

28. Stronski Paul, Richard Sokolosky. The Return of Global Russia: An Analytical Framework. The Carnegie Endowment for International Peace. 2017, December 14. https://carnegieendowment.org/2017/12/14/return-of-global-russia-analytical-framework-pub-75003.

29. TASS. Kim Jong-un has confirmed readiness to come to Russia, says senate speaker Russian Politics & Diplomacy. TASS news agency, 2018, 09 August (http://tass.com/politics/1020599).

30. TASS. Defense chief: Russia needs to develop ground-based cruise and hypersonic missiles by 2020. 2019, February 05 (http://tass.com/defense/1043280).

31. Waltz N. Kenneth. Structural Realism after the Cold War, *International Security*, 2000, Vol. 25, No. 1, pp. 5–41.

32. Waltz N. Kenneth. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979, p. 126.

33. White House. Statements & Releases Readout of President Donald J. Trump's Call with President Recep Tayyip Erdogan of Turkey, 2018, 24 January (https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/readout-president-donald-j-trumps-call-president-recep-tayyip-erdogan-turkey-4/).

34. Yuan-Kang Wang. Offensive Realism and the Rise of China, *Issues & Studies,* 2004, 40:1, p. 177.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Fig. 1

Hard defensive realism strategy

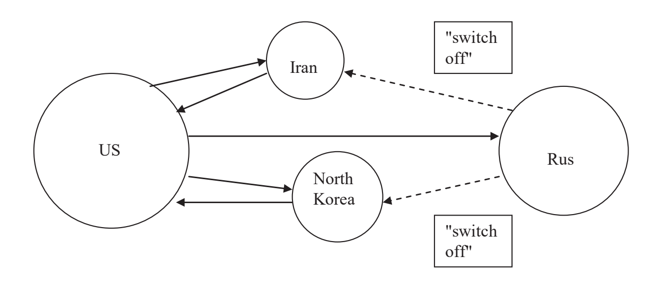

Fig. 2

Strategy of countering through intermediate State (smooth)

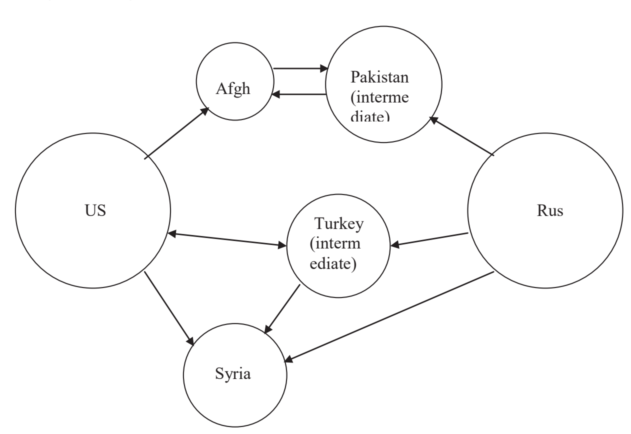

Fig. 3

The dependence of the probability of clashes on the activity of «offensive» and «defensive» strategies of each State

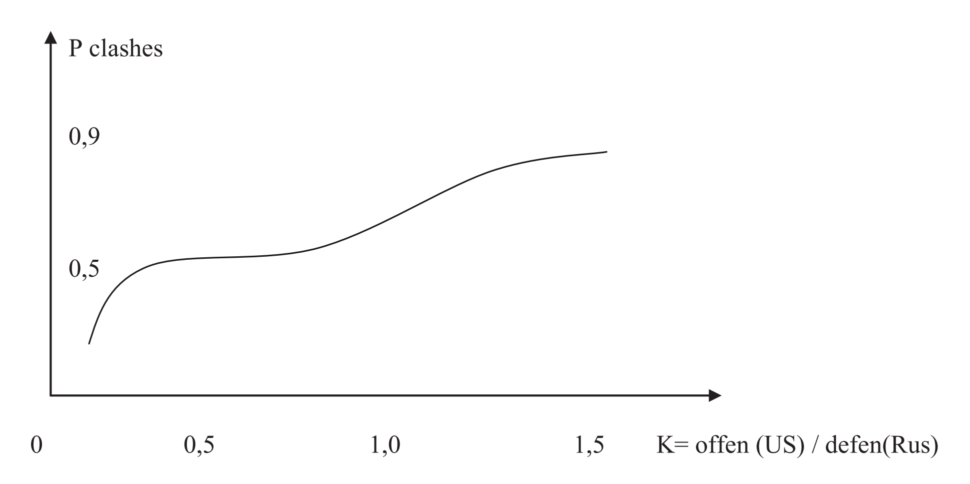
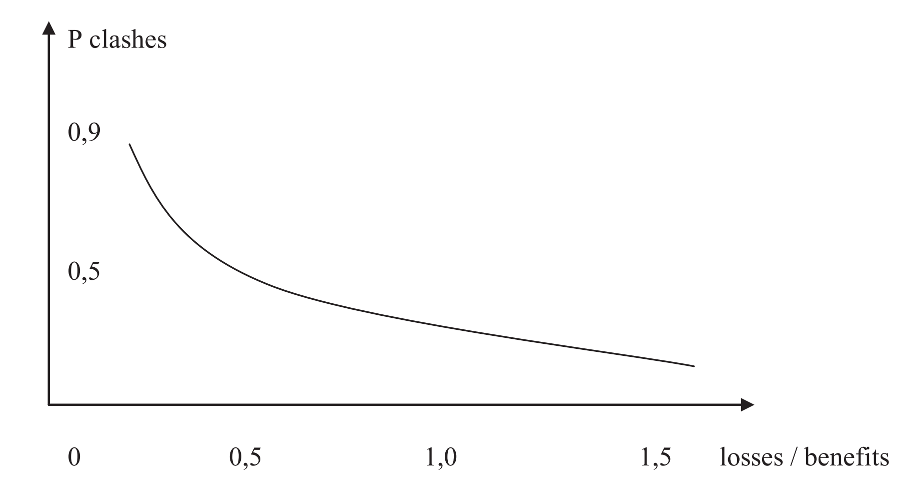

Fig. 4

The dependence of the probability of clashes on the price of consequences (Price = losses / benefits)

Научное издание

Восточная аналитика
Выпуск 4, 2019

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Верстка И. В. Федулов

Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 13,65. Уч-изд.л. 10,5.
Тираж 500 экз. Подписано в печать 22.11.2019.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12.
Научно-издательский отдел
Руководитель отдела: Федулов И. В.
E-mail: ivran-izd@gmail.com